

ДИАНА СОУЛ
АДАМ ХАРД

АРОМАТ *грехов твоих*

*История одной
убийцы*

Днем скромная вдова, а ночью разящая фурия!

Каждый раз, после заката мое обоняние становилось другим, я чувствовала запахи... запахи мужских грехов. Каждый из них имел свой вкус.

Ваниль, апельсин, корица, терпкое вино. Их было великое множество. Я могла зайти в самое злачное место, например, такое, как постоялый двор мистера Орфа и почувствовать себя в кондитерской лавке. Негодяи и разбойники, убийцы и воры ощущались мне изысканными блюдами, под соусом собственных грехов.

И мне было ни капли не жаль, что после моих трапез они не выживали.

Поделом! Через смерть, я несла мщение за их злодейства.

Я баронесса Розалинда Клайвшот, и я — убийца.

*Грех сотворен человеком,
но вкус у него божественный.
М. Уэст*

Я отошла от окна и еще раз окинула взглядом обнаженного мужчину, привязанного к кровати. Дешевый постоялый двор, в котором он снял для нас комнату, был одним из любимейших мною мест. Мелкие торговцы, карточные шулеры, воры и прочие проходимцы были завсегдатаями этого заведения. И я таких любила... своей особой любовью, которой сейчас и планировала поделиться с одним из них.

Меня мало интересовало его имя, но еще будучи в пабе на первом этаже, я услышала, как его приятель называл красавчика Себастьяном. Он, заведя меня, поднимающуюся по лестнице, сказал, что “как следует накажет похотливую сучку”, но у меня были свои планы на эту ночь. И хотя его приятель ржал, как конь, и пообещал присоединиться, когда его дружок хорошенько меня объездит, Себастьян с собой его не взял. Наверное, не захотел делиться моим телом.

Но это даже хорошо, я люблю растягивать наслаждение от своих блюд. Его приятель станет приятной вишенкой на моем завтрашнем десерте, и на своей шкуре узнает, как я умею объезжать подобных ему жеребцов.

Толстые ремешки опутывали запястья Себастьяна, не давая возможности высвободить крепкие руки.

— Мне не понравилось, как ты отзывался обо мне в пабе. Ты повел себя не как джентльмен, не защитил даму от сквернословия, и за это будешь наказан. Я люблю, когда мои приказы беспрекословно выполняются. Тебе все понятно?

— Да, — прошептал он, за что тут же получил плеткой по оголенному торсу.

— Я же приказала тебе молчать. Ни единого слова.

Подойдя к его ногам и прикоснувшись к ним плетью, я начала медленно подниматься вверх по его телу, чувствительно шлепая его по разведенным бедрам, яичкам, напряженному прессу и груди. От ударов на его теле оставались легкие красные полосы, а сам Себастьян выгибался от наслаждения. Наблюдать за этим было одно удовольствие. Я достала из кармана тонкую кожаную веревку и перевязала его весьма внушительное достоинство, уже успевшее представь передо мной во всем своем великолепии.

— Я не люблю, когда плохие мальчики останавливаются раньше, чем нужно мне.

Поэтому твой дружок будет на моем поводе.

Он приоткрыл губы и собирался что-то сказать, еще раз послушавшись меня, но в ответ получил звонкую оплеуху.

Я приложила к его рту свою кожаную игрушку, присаживаясь рядом с мужчиной на кровати. Себастьян закусил рукоятку плети, начав походить на запряженного жеребца. Взяв одну из множества расставленных по комнате свечей, я капала воском на его тело, готовя его к предстоящей боли, такой, какой он еще никогда не испытывал. Цена моих желаний была слишком велика для моих визави, но что поделать? Прежде чем соглашаться на игру нужно знать ее правила!

От каждого прикосновения воска он вздрагивал и издавал чуть слышные стоны. В награду за свое молчание я покрывала его тело поцелуями, по одному за каждую каплю обжигающего удовольствия.

— Я знала, что тебе это понравится. Прежние леди были с тобой излишне милы и позволяли делать с ними все, что захочешь ты, не правда ли? А я привыкла удовлетворять свои желания, особенно ночью. Итак, ты готов стать моим, отдаться мне без остатка?

Себастьян едва заметно кивнул, вновь откинув голову на уже влажную подушку.

— А за грехи свои заплатить готов?

Он вновь подарил мне короткий кивок.

Хотя разрешения у него спрашивать было излишне. Этой ночью я и так заберу свое.

Вкус его грехов уже манил меня. Сладкий, порочный, пьянящий, как густое красное вино, расплывающийся по комнате искрящейся дымкой, из нас двоих видимой лишь мне.

Я сняла с себя одежду оставшись лишь в одном корсете. Подошла к своей жертве ближе. Развратно оседлала своего ночного любовника, так что его напряженный член возвышался стройной башней у меня между ног.

Я обхватила ствол рукой и без жалости впиалась в чуткую плоть ногтями. Себастьян гулко застонал, сжимая рукоять плети зубами. Только эта боль ничто, по сравнению с той, которую он причинял тем несчастным. Сегодня я готова отомстить ему за всех жертв, павших во славу его утехам и похотям. Сегодня он — моя игрушка...

В одно мгновение его зрачки расширились и наполнились яростным экстазом, мне даже показалось, что он готов закричать. Но я предусмотрительно нажала на ручку плети во рту Себастьяна, лишая возможности выполнить задуманное. Он закусил ее зубами еще сильнее, напоминая пса, пытающегося добраться до своей жертвы.

На миг остановившись, я услышала, как за стеной кричит девушка. Сперва я подумала, что особа развлекается с одним из посетителей постоянного двора, но после раздавшегося удара поняла — ее попросту избивают.

Потерпи бедняжка, я и тебя спасу, мне лишь нужны силы. А они нуждались в подпитке.

Себастьян же оказался настолько сильным источником, что его жизнь утолила бы мой голод на весьма продолжительное время. Прервать контакт со своей жертвой — значит потерять начало того клубка чувств, который я так бережно раскручивала.

Ускорив темп, я впиалась ногтями в живот Себастьяна, оставляя на кожи красные полосы ран. Эмоции переполняли мою сущность. Они рвались наружу, желая довести мужчину до сумасшествия, подчинить его волю и отравить пока еще принадлежавший ему разум.

С каждым новым движением я чувствовала, как его жизненная сила перетекает в меня, подпитывая тело новой опьяняющей энергией, растекающейся по телу. Я насаживалась на

его огромный член, и изнывала от восхищения и желания испытать Себастьяна до последней капли. Хотелось рычать от удовольствия. Настолько сладок был вкус его жизни, его греховности, стремлений причинять боль даже в сексе. И если бы не связанные руки, обхватившие сейчас ремни, мне бы пришлось не сладко. Я так и читала в глазах Себастьяна, как ему не нравится быть снизу, как ему не терпится оказаться сверху и войти в меня с безудержной яростью и желанием. Причинить мне больше боли, оставить след от ножа на тонкой шее, отрезать прядь волос и вдохнуть ее запах, а потом заставить меня их съесть, давась ими, как кошка собственной шерстью.

Вот только мой разум оказался хитрее его похоти. Эта игра от начала и до конца должна идти по моим правилам.

Оргазм накрыл меня яркой вспышкой буйствующего цунами, захлестывая волнами последних капель жизни, которые я забирала у Себастьяна. Он и не понимал, что с ним происходит, вяло трепыхался подо мною и смиренно затихал без сил проваливаясь в сон.

Я оставила ему пару часов, как раз до рассвета.

Слезая со своей жертвы, я еще немного полубовалась на деяние рук своих.

Но, собрав вещи, я быстро оделась и развязала ремни на его руках. Себастьян сложил ладони и положил их под голову. Не иначе видит во сне как какая-нибудь служанка, виляя бедрами подносит ему огромную порцию вкуснейшего пива.

Спи, малыш, наслаждайся своим последним сном!

За стеной вновь раздались крики. Несчастная просила о пощаде.

Боясь, что не успею, я быстро подхватила свою сумку и выскользнула из номера. Коридор был пуст, без малейшего сомнения я подошла к соседней двери и деликатно постучала. Оттуда уже не доносились девичьи стоны, и на мгновение я испугалась, что опоздала.

Дверь рывком открылась передо мной, за ней стоял огромный бугай, казалось вдвое больше меня.

— О, еще одна сучка! — пьяно отрыгнул он пивом, вызвав у меня очередную волну омерзения. — Решила присоединиться к моему веселью?

За его спиной, на полу валялась лишенная чувств девочка, лет пятнадцати. На ее обнаженном теле уже начали проступать синяки.

— Мраз-зь, — прорычала я. — Она же еще ребенок!

В такие моменты я плохо контролировала себя.

Что-то в моих глазах отпугнуло амбала, он отступил на шаг, ровно на этот же шаг я приблизилась к нему.

— Имею право. Она моя жена, — словно оправдывался он, но я не желала слушать.

— Значит, станет вдовой. Думаю, так ей будет лучше! — прошипела я.

Еще один шаг и мои руки легли ему на шею, чтобы большими пальцами вдавить кадык в горло, ломая шейные кости, хрящи, разрезая их осколками артерии.

Как хорошо, что после Себастьяна я сытая, и очень сильная. Жаль правда, что приходится растрчивать ценную энергию, так быстро.

Огромный мужик упал на колени, хрипя кровью и сдыхая под моими руками. Ненавижу таких как он.

Едва с мучителем несчастной было покончено, я отошла от него и и приблизилась к девчонке. Она так и не пришла в себя, но ее тихое дыхание, говорило о теплящейся в ней жизни.

Вблизи, она была еще младше, чем мне казалось ранее. Четырнадцать, если не тринадцать. Черт бы побрал эти дурацкие обычаи раннего замужества, тем более за таких, как этот!

Встав, на прощание я пнула ногой остывающее тело уже покойного мужа бедняжки и вышла из их номера, прикрыв за собой двери.

Спускаясь по лестнице, я кинула взгляд туда, где некоторое время назад сидел приятель Себастьяна. Он в полной отключке лежал на столе среди высушенных бутылок и грязной посуды, издавая невообразимый по громкости храп. Я мысленно вздохнула, с облегчением представляя, как этот придурок отпускает в мой адрес очередные сальные шуточки, распускает руки и заставляет сесть к нему на колени, как дешевую потаскуху. Завсегдатаи этого злачного места любили скрашивать вечера “ночными птичками”, позволяющих делать с собой все, что угодно. Но я не относилась к их числу, я сама выбирала себе мужчину, прегрешения которого манили меня больше всего. Имея свой запах, каждое преступление вызывало во мне абсолютно разные сексуальные предпочтения. Я будто бы проникалась желаниями своих визави, заставляла испытывать удовольствия, порой, сводящие с ума.

Ночь уже близилась к концу, а мне еще нужно было добраться до дома. Я вышла из постоянного двора, оглядываясь по сторонам. Завернула в переулок и отправилась дворами в сторону дома. Мне не хотелось наткнуться на слежку и привести не прошенных гостей к своему оплоту. Да и мои близкие ничего не должны знать о тайне, которую мне приходилось скрывать. В моем “шкафу столько скелетов”, что он начал напоминать склеп.

До сих пор мне удавалось выходить на охоту незамеченной. Я предусмотрительно оставляла створки своего окна приоткрытыми, чтобы без труда и лишнего шума вернуться в свою комнату. Этому очень способствовала густая растительность на заднем дворе, она всегда помогала мне скрываться от посторонних глаз.

Я залезла в окно и закрыла плотные шторы. Сняв с себя одежду, убрала ее в небольшой чемодан, а затем напрямик отправилась в ванну, чтобы смыть с себя следы ночного похождения.

Я посмотрела в зеркало и увидела отражение хорошенькой брюнетки. Пухлые губы напоминали бутоны с приятным розовым оттенком, восточный разрез глаз даже мое сердце приводил в трепет, а что творилось в голове Себастьяна, я и представить не могла. Возможно, именно поэтому он так быстро клюнул на мою удочку и пошел следом, стоило лишь поманить взглядом. В какой-то момент мне даже захотелось остаться такой навсегда, но это было невозможно. С восходом солнца я снова становилась собой: блондинкой с волосами цвета зрелой пшеницы и серо-зелеными глазами, неплохой фигурой, но все же не столь идеальной — абсолютная противоположность моей ночной бестии. Да, именно так, свои сумеречные преобразования я могла контролировать и выбирать на свой вкус, мне достаточно было представить то, чего хочу. Мое обоняние становилось совсем другим, ночью я чувствовала запахи... запахи мужских грехов. Каждый из них имел свой вкус.

Ваниль, апельсин, корица, терпкое вино. Их было великое множество. Я могла зайти в самое злачное место, например, такое, как постоянный двор мистера Орфа и почувствовать себя в кондитерской лавке. Негодяи и разбойники, убийцы и воры ощущались мне изысканными блюдами, под соусом собственных грехов. Пальчики оближешь.

И мне было ни капли не жаль, что после моих трапез они не выживали.

Поделом! Через смерть, я несла мщение. Как мифическая фурия!

- Роуз, детка, ты уже встала? — послышался из-за двери голос моей матери. Она и

представить себе не могла, что я до сих пор бодрствую. — Сегодня к нам на завтрак придет мистер Пикерт. Мне кажется, что в скором времени нас ожидает приятное событие — помолвка нашей Бри. Боже, это так волнительно. Все должно пройти идеально, и вы мне в этом поможете!

Матушка хоть и была на вид миловидной женщиной, но на самом деле весьма строга и сурова. Ослушаться ее приказам могла позволить себе только я, мои же сестры подчинялись ей беспрекословно. Подобное мое поведение матушка называла “плохой наследственностью, доставшейся от отца”. Она то с замиранием сердца рассказывала о нем, о его ухаживаниях и всевозможных романтических посылах, то называла его отвратительным грубияном и ханжой. Возможно, все это было плодом ее эмоциональности, но в такие моменты мне хотелось бежать куда подальше, спрятаться на чердаке и просто слушать тишину, наслаждаясь полетом пылинок в лучах света. Маленькие радости этого огромного и, в большинстве своем, печального мира.

- Я скоро спущусь. Мне нужно всего несколько минут, — откликнулась я, имитируя в голосе бурную радость за сестренку.

Ах, если бы! Мне оставалось только верить, что она не повторит мою несчастную судьбу.

И все же, даже несмотря на свое истинное отношение к браку, я решила надеть легкое батистовое платье с нижней юбкой и кружевным лифом, и позволить Бри стать жемчужиной нашего завтрака. Затмевать сестру роскошными нарядами было бы непозволительной глупостью. Пусть сегодня она покорит сердце мистера Пикерта, и он наконец сделает ей предложение, тем более, что Бриттани сама не против составить партию. После ошибки моего неудавшегося брака, мама стала относиться к выбору женихов для дочерей более трепетно. Поэтому Бри уже повезло больше моего, ей никто не говорил — стерпится, слюбится, и не отправлял под венец в тринадцать лет.

Именно из-за подобных брачные махинации матушки, в стремлении поправить материальное положение семьи, я когда-то вдоволь хлебнула горяшка.

Да и как оказалось — зря. Денег мое замужество нам не принесло.

Спустившись вниз к завтраку, где следовало ожидать гостя, я присела на край дивана и осмотрела уставленное приборами небольшой столик для чаепития. Теплые булочки, небольшие пирожные и рассыпчатое печенье — по наставлению матушки малышка Эмили успела посетить кондитерскую!

- А вот и чай, — произнесла Бри, поставив поднос с сервизом на стол.

- Присядь, — попросила я сестру и провела ладонью рядом с собой.

Она робко присела рядом, дрожа от волнения.

- Что с тобой?

- Мне еще никогда не было так страшно, — выпалила она. — А вдруг что-то пойдет не так? Вдруг он передумает?

- Не передумает, Бри, — заверила я, беря ее руку в свои ладони. — Я думаю, он порядочный человек и не может так поступить с тобой.

- Ты уверена?

— Мне кажется, что ты знаешь его лучше меня и не должна задавать подобных вопросов. А волнение... это нормально. Ты же помнишь, как я волновалась, в свою помолвку.

- Роззи...

- Что?

- Мне так жаль...

- Давай не будем об этом, ничто не должно омрачить твой день.

Хотя присутствие в комнате такой, как я, уже само по себе одно большое омрачение праздника.

Розалинда Клайвшот — вдовствующая баронесса Вивальда Клайвшота, всеми любимого и почетного члена Общественной Палаты Городской Управы, трагически почившего в возрасте восьмидесяти трех лет в первую брачную ночь с новой, молодой супругой. То бишь со мной.

А точнее на мне.

До сих пор не знаю, сердце ли у него не выдержало, или я той ночью выпила у этого подонка оставшееся время жизни, но о его смерти я не жалела ни секунды.

Мои размышления прервал тонкий звон входного колокольчика. Матушка поспешила сама открыть дверь, чтобы встретить долгожданного гостя.

Мой взгляд привлекло ее яркое, шелковое платье. Лучшее из гардероба. Оно было изумительным, и если бы я не знала настоящий возраст мамы, то могла предположить, что эта прекрасная дама — наша четвертая сестра.

— Мистер Пикерт, как хорошо, что вы нашли время, чтобы позавтракать с нами, — лебезила перед гостем мама. — Мы так рады вас видеть.

- Миссис Клейтон, вы удостоили меня чести посетить ваш дом! — он скользнул по ней взглядом, который лично я бы посчитала весомым комплиментом.

Мистер Пикерт был обаятельным высоким блондином с белоснежной улыбкой и изысканными манерами. Его атлетическое телосложение заставляло вспоминать античные статуи греческих богов, которые мне приходилось видеть в музее истории. А его глаза... О! По слухам, эти глаза сводили с ума женщин, едва Пикерт входил в помещение.

С нашей Бри они смотрелись просто идеально.

Она была на голову ниже его и цвет волос, в отличие от волос гостя, подобен воронову крылу. Голос нежнее ручейка, а движения напоминали порхание мотылька с цветка на цветок: легкая, грациозная и утонченная. Пожалуй, она только с виду казалась наивной милашкой, на самом же деле сестренка была не по годам умна и образована. Вот только в вопросах любви ничего не смыслила.

Пикерт вошел в комнату, обезоруживающе улыбнулся и прильнул губами к руке сестры. За ним следом вплыла и матушка. В руках у нее уже красовалась блюдо с горячим вишневым пирогом, аромат которого витал повсюду, сводя с ума. Я едва сдержала удивление, чтобы не заломить брови. И когда только она успела заскочить на кухню, чтобы поразить потенциального жениха дочери если не вкусной снедью, то несвойственной почтенным дамам ее возраста прытью.

Сложно припомнить, когда матушка в последний раз что-то пекла, да и предыдущие ее шедевры были не столько хороши, как этот. Безусловно, ее кулинарный талант прогрессировал. Я тщательно следила за своей фигурой, но сегодня мне хотелось отказаться от всех правил и попробовать кусочек этого манящего угощения.

— Мисс Клейтон, — галантно поприветствовал Бри мужчина.

Но сестра была слишком растеряна и смущена его присутствием, чтобы сказать хоть слово. Легкая улыбка и опущенный взгляд — вот все на что она была способна в тот момент.

— Баронесса Клайвшот, — я едва ощутила прикосновение его губ к моей руке, будто по

ней провели шелковой лентой. Мне впервые довелось видеть мистера Пикерта и, надо сказать, я была весьма очарована. — Рад нашему знакомству.

— Взаимно, мистер Пикерт. Весьма о вас наслышана.

Любезность была принята. Как и подобает гостю, потенциальный жених раскланялся даже с нашей младшей сестренкой Эмили. Ее мама обрядила в пышное платье с кучей нижних юбок насыщенного персикового цвета. От этого малыш Эм выглядела нарядной куклой, с лицом из тонкого фарфора.

Она смотрела на мистера Пикерта огромными восторженными глазами. Казалось, все поддались его очарованию. Даже я.

— Как продвигаются ваши дела на службе? — после того как официальные прелюдии были завершены, поинтересовалась матушка у гостя.

Я с интересом воззрилась на Оливера Пикерта, следила за каждым его движением, изучала и пыталась понять, каким мужем он будет для моей сестренки.

Отвлекал от процесса недоеденный мною пирог, так и красующийся на тарелке рядом с утренним чаем. На вкус кулинарное произведение матушки оказалось не столь прекрасным, нежели его аромат. Запах вишни меж тем продолжал витать в гостиной.

— Дела продвигаются достаточно успешно, я даже планирую расширить свое производство, но для этого мне нужно найти... партнера, — ответил он, на миг провалившись в свои мысли.

Эта проблема его явно заботила и была не на последнем месте. Запах вишни опасно усилился. Я отчего-то насторожилась и незаметно поморщила нос. Захотелось потерять его, но столь открытый жест посчитался бы верхом неприличия на этом жеманном мероприятии.

Стало жаль, что мой дар с рассветом значительно притупляется, и я не могу прочувствовать этого мужчину, посмотреть на грехи его души и сделать выводы. Выпечку матери я уже начала проклинать. Ни один из всех знакомых мне вкусов грехов не был связан с вишнями, от этого я элементарно растерялась.

То ли выпечка все же вышла чересчур ароматной, то ли пора бить тревогу и задуматься, а достоин ли мистер Пикерт руки моей сестры. Даже манера его разговора была настолько “подходящей”, будто он умудрялся молниеносно подбирать каждое произнесенное им слово.

Как назло, на протяжении беседы, мнение о нем постоянно изменялось. Порой, он казался мне загадочным и манящим, действительно тем ловеласом, каким окрестили его городские сплетницы, но были моменты, когда перед нами представал кроткий агнец, жаждущий тихой семейной идиллии с Бри.

И вставить бы мне в беседу хоть пару вопросов, но правила запрещали. Вдове претило проявлять излишнюю активность в расспросах, это могло отвлечь внимание от Бри, затмевать которую, было строго запрещено.

Да и слова поперек реплик матушка вставлять было попросту невежливо.

— Я слышала, вы бывали в других странах, посещали множество балов, — легко сменила тему матушка, решив обговорить с Оливером предстоящее мероприятие, которое потрясло наш городок своей претенциозностью. — Вы, наверное, уже слышали, мистер Пикерт, что и до нашего городка добралась столичная мода на балы-маскарады. Что думаете по этому поводу?

Мужчина несколько задумался, подбирая очередной ответ, который бы наверняка устроил мою мать, но внезапно оживившаяся Бриттани, наконец решила высказаться по этому поводу сама.

— Когда люди в масках могут приглашать на танцы кого угодно, не стесняясь этого? — восторженно выпалила она. — Это так интригующе. Стираются все статусы, положение в обществе, деньги... Кто может оказаться под маской и танцевать с тобой, можно только догадываться.

— Именно так, — мягко улыбаясь, подтвердил мужчина. Всем своим видом, он поддерживал и подстегивал ее восторг, чем явно заработал в глаза сестрицы еще несколько нимбов над своей головой, однако тут же перестраховываясь, подобрал правильный ответ и для матушки. — Конечно, это достаточно смело, даже дерзко, но для балов это стало новым веянием, хотя, признаться, далеко не каждый согласится участвовать в подобном. Сложно соперничать с традициями устоявшимися годами.

Однако мама явно хотела от мистера Пикерта несколько иного ответа, и продолжила гнуть свою линию.

— Традиции, традиции, — вздохнула матушка, лукаво улыбнувшись нашему гостю. — Порой это так скучно. Мир должен развиваться и привносить в жизнь людей новые веяния, вы со мной согласны мистер Пикерт?

— Конечно, миссис Клейтон. Новые веяния, как и деньги, играют большую роль. Однако и у тех, и у других есть одна особенность — они быстро заканчиваются. И что же тогда?

На миг мне показалось, что матушка поникла, расценив вопрос Оливера, как намек, на наше тяжелое материальное положение. Но, быстро собравшись, она вновь натянула дежурную улыбку и медленно произнесла:

— Тогда остается титул и связи.

— Если они есть, — улыбнувшись уголками губ почти проворковал Оливер.

— ...а они есть, — едва слышно вторила родительница.

Я в очередной раз напряглась. Упоминание денег и титула мне не понравилось. Когда-то эти две вещи уже столкнулись в моей жизни, и никакого счастья не принесли.

На маму посмотрела неодобрительно, хотя и понимала, что происходит между ней и мистером Пикертом. Этот танец двух королевских кобр было опасно нарушать, но я внимательно следила за каждым их движением, а Бри, которая сидела рядом, вцепилась мне в руку мертвой хваткой. Она тоже все прекрасно понимала.

К чему вдруг эти разговоры о деньгах и титулах? Первых у моей сестры нет, а второй не передается от жены к мужу. Она, как и я баронесса, только фамилия осталась папина — Клейтон.

Что же касалось связей... Пикерту брак с Бри дал бы выход на многих людей из Высшего Света, с которым наша маменька даже после смерти отца поддерживала деловые отношения и переписку. Я вдруг вспомнила упоминание о партнере, которого искал потенциальный жених для своего бизнеса.

Уж не связей ли он ищет от брака с моей сестрой?

— Я имел в виду, баронесса Клейтон, что остается любовь, которая способна пережить любые невзгоды, — вдруг достаточно громко ответил мужчина, тем самым тут же развеяв напряженную обстановку.

— О, Оливер, вы такой романтик, — захлопала в ладоши Бри.

— Да, кстати, возвращаясь к нашей теме, мисс Бриттани, мне приходилось бывать на одном балу-маскараде, окончанием которого был полицейский участок. Пришлось свидетельствовать в одном деле.

— Полицейский участок? — удивилась я, впервые с момента знакомства, не удержавшись от вопроса. — Что же случилось?

— Случилось то, баронесса, что один из гостей оказался известным вором, которого вот уже несколько лет пыталась поймать местная полиция, но проныре всегда удавалось покидать место преступления безнаказанным. Как потом оказалось, он был частым гостем подобных мероприятий и будучи в маске снимал украшения с наивных барышень.

— И каким образом его удалось поймать? — поинтересовалась я, ухватившись за интересную тему.

— Момент очень щекотливый...

— И все же, мистер Пикерт? — настаивала я.

— Во время танца вор попытался снять с дамы украшение, но та оказалась не промах и преследовала свои цели... Весьма деликатные... Восприняв его теплые объятия за попытку заигрывания с ней, в полутьме залы она незаметно для всех, как сама считала, протянула руку к его штанам. Тогда-то подонок и выронил украшение. Брошь упала на пол и покатилась. Заметив это, некоторые из гостей усомнились в порядочности загадочного джентльмена в маске. Началась настоящая суматоха, в которой обнаружилась пропажа еще нескольких дорогостоящих украшений. Присутствующие дамы подняли возмущенные крики. Находясь на глазах у всех, вор просто не смог сбежать. Ну и конечно же, именно в его карманах и были обнаружены пропавшие драгоценности.

— Какой ужас! — негодовала маменька.

— Да все могло бы закончиться печально... если бы не ручки той леди.

В этот момент я не смогла сдержать смех, тем более после того, как Оливер мечтательно прикусил нижнюю губу. Мама и сестра этого не заметили. Их взгляды были застенчиво опущены в пол, а щеки Бри пылали, как наливные яблоки.

— Что смешного, Роуз? — нахмурилась матушка. — Каждая могла бы оказаться на месте той леди.

“Конечно, мамулечка, — подумала я. — Если не знаешь куда деть свою красивую ручку — суй ее в мужские штаны, там ей самое место!”.

Но вслух произнесла лишь:

— Простите.

Оливер сделал очередной глоток чая и со звоном опустил чашку на тонкое блюдце. Жест вышел решительным, привлекающим внимание, словно фанфары перед выходом на сцену главного лицедея театра.

— Леди, признаюсь честно, что я неспроста принял ваше приглашение к завтраку. Оно, пришлось весьма кстати, ведь я уже давно собирался признаться в своих чувствах к одной из вас, — словно набравшись храбрости, выпалил мужчина. Он вскочил с дивана и привстал на колени перед сестрой. В руках из ниоткуда возникла бархатная коробочка с колечком. Неприлично дорогим, судя по огромному лучистому камню в золотой оправе. — Дорогая Бриттани, я долго не отваживался сказать вам этого, но мне бы хотелось, чтобы вы стали моей женой. Я влюблен в вас и сражен вашей красотой.

Бри, как всегда растерялась, но наш красавчик и тут нашелся.

— Я понимаю, что для вас это стало полной неожиданностью и даю вам время подумать над этим. В свою очередь прошу вас не затягивать с ответом. Время, которое я проведу в ожидании, станет для меня самым мучительным.

— Боже, это так неожиданно, — матушка играла просто изумительно. Подмостки сцен

просто бы ломились от цветов, если бы она играла в театре. Утерев невидимую слезу шелковым платком, она ждала хоть какой-то реакции от Бри.

— Я со... — пролепетала та, ослепленная блеском кольца.

— Роуз, ты слышишь, наша Бри согласна подумать, — возликовала мама.

На самом деле я понимала, что Бриттани уже здесь и сейчас хотела произнести “да”, но матушка решила, что слишком рано давать ответ, поэтому перебила. И несмотря на решительность родительницы я была уверена, что несколько дней, до того, как Бри согласится, маменька будет как на иголках. Вдруг кто-нибудь уведет такого прекрасного жениха из-под ее носа. Уж тогда-то она точно устроит грандиозный скандал.

Дальше все происходило сумбурно. Эмили хлопала в ладоши, на радостях кружась по гостиной в своем пышном платье. Оливер целовал руки краснеющей Бриттани. Маменька рыдала от счастья в голос, я же скромно улыбалась, как и положено вдовствующей баронессе.

Внутри меня боролись противоречия.

Мне решительно не нравилось что-то в женихе Бри, и я была благодарна матушке за то, что она не позволила сестре согласиться на свадьбу так быстро. Это давало некоторое время для собственного маленького расследования.

После ухода мистера Пикерта, сославшись на невыносимую головную боль, я поднялась в свою комнату и легла в кровать. На самом деле просто хотелось спать после бессонной ночи.

Мои силы по-прежнему были в норме и в ближайшие несколько дней, если не произойдет ничего из ряда вон выходящего, охота для утоления голода мне не грозила. Но ночью я все же решила попытаться отыскать Оливера Пикерта. У меня для него была заготовлена своя проверка.

Сон пришел ко мне так быстро, что я едва успела закрыть глаза.

Я находилась в начале высокой лестницы, ведущей ко входу с тяжелым занавесом. Вокруг невозможно было ничего разглядеть. Все тонуло в непроглядной тьме, и только маленькая свеча наверху была знаком, что мне непременно нужно подняться к ней. Я шла медленно, с опаской делая каждый шаг, а дойдя до верха увидела, как десятки свечей вмиг загорелись по разные стороны от меня.

Тогда я вновь посмотрела на занавес. Там, перед ним, уже стоял человек в костюме и цилиндре, с закрученными усами и улыбкой, доходящей до ушей.

— Мадам, мы вас ждали, — начал франт. — Теперь можно начинать.

Резким движением он приоткрыл тяжелую штору, беззвучно приглашая пройти в зал, скрывающийся за ней. Я робко сделала несколько движений, и с каждым шагом загарались новые свечи, освещая людей, кружащихся в вальсе.

— Это она...

— Здравствуйте, леди...

— Как она прекрасна...

Доносилось со всех сторон.

Подойдя к зеркальной стене, я увидела свое отражение. Черные длинные локоны украшены множеством черных перьев, они спадали почти до самого выреза пышного черного платья с множеством шелковых складок. Верхняя часть лица скрывала кружевной маской. Лишь яркая красная помада была подобием лучика света в этом темном царстве.

В зеркальном отражении я увидела мужчину, который стоял на другой стороне зала у колонны и не сводил с меня взгляда. В его руках покоилась ветка белоснежных цветов. Незнакомец чуть приподнял ее вверх, намекая на то, что эти бутоны он преподносит мне, а затем, опустив ее на столик рядом с собой, отступил в темноту.

Я повернулась и бросила взгляд к колонне, где он стоял. Но незнакомца уже не было, лишь белоснежные цветы одиноко ждали меня. Взяв их в руки, я вдохнула приятный аромат, но так и не смогла понять, чем именно они пахнут.

Помимо ветки на столике обнаружился конверт. В нем лежал листок с всего одной фразой: “Второй этаж. Мандариновый цветок”. Ах вот что он держал в руках. Как необычно.

Поднимаясь по лестнице, я находила все новые и новые веточки с белыми соцветиями. И почти в самом конце коридора приметив: один из цветков был вдет, будто в петлицу, в ручку двери.

Стучать в комнату не было никакой необходимости. Едва мне удалось приблизиться к ней, как та призывно распахнулась. Внутри царил полумрак, рассеянный множеством свечей, расставленных по всей комнате, в центре которой стояла огромная кровать, скрытая от глаз спущенным полностью балдахином. Я подошла к нему и решила заглянуть внутрь.

— Никого, — расстроилась. — И как я должна понимать все это?"

Но не успев обдумать пришедшую в голову мысль, как ощутила на своих плечах прикосновение чьих-то рук.

Я резко повернулась, узрев мужчину в маске. Он толкнул меня на кровать. От неожиданности вскрикнула.

Мне хотелось увидеть лицо незнакомца, но полумрак не позволял мне взглянуть даже в черты той части лица, которая не была скрыта маской.

— Кто ты? — выдавила я, пытаюсь унять дрожь.

— А разве это важно? — прозвучал бархатный баритон.

Я видела лишь его силуэт, возвышающийся над такой беспомощной, лежавшей на холодных простынях мной. Плотный балдахин окутывал все пространство вокруг, заставляя меня почувствовать себя в тесной матерчатой коробке, и лишь за спиной моего визави мелькала узкая полоска света от развернутых полотнищ.

Я опасливо отползла от мужчины, понимая, что загоняю себя еще глубже в пространство незнакомой постели, и лишь когда незнакомец начал приближаться, поняла, что я лишь бабочка, которую поймали в искусные сети.

Полоска света исчезла, погрузив меня в крошечную темноту, где были только я и он.

Я чувствовала, как прогибается матрас под его телом, но не могла пошевелиться. Странное оцепенение обуюло меня, позволив властным рукам беспрепятственно перевернуть меня на живот.

Я почувствовала вес мужчины на своих ногах, когда он словно кобылу оседлал меня, а первая же попытка вырваться была пресечена холодным лезвием, прижатым к горлу.

— Тише, дорогая. Ты ведь не хочешь испортить нашу игру, — прозвучало над моим ухом, и холодный металл подразнил легким касанием острой кромки к подбородку. — Помни правила, девочка.

Я закусила губу, и податливо замерла, позволив незнакомцу завести холодное лезвие назад, и скользнуть им по узкой полоске позвонков шеи и вниз к обнаженным лопаткам.

Прикосновение будоражило, заставляло напрячься и бояться, что лишь одно мое неосторожное движение может вызвать рану на чувствительной коже. Кончик ножа обвел

край корсета на спине, и мужчина недовольно цокнул языком.

Я почувствовала, как оружие поддело тонкие завязки, и шнуровка корсета стала ослабевать.

“Он что, срезает ее ножом?” — испугалась я и попыталась вновь ускользнуть от касаний металла.

— Не двигайся, — прохрипел мужчина, наклоняясь к моему уху. Голой спиной я почувствовала близость его тела и жар, исходящий от мощной груди. — Хочешь знать, что будет дальше? — спросил он, захватывая мою мочку в плен своих губ и болезненно закусывая нежную кожу.

Я вскрикнула, но не слишком уверенно. Тяжесть мужчины казалась мне слишком привлекательной, чтобы сопротивление выходило достоверным.

— Т-ш-ш, — не выпуская изо рта мое ушко, прошипел он.

Нож был отброшен в сторону, и довершать дело с неснятым корсетом принялись чужие руки. Они скользнули по спине, раздвигая в стороны испорченные части разрезанного платья. Я чувствовала, как горячие ладони оказываются между моим животом и постелью, скользят вверх по незащищенному телу, будоража нежную кожу, добираются до свободных от плена корсета грудей и сжимают их. Напористо, не ласково, и в то же время томительно сладко. Соски набухли помимо моей воли, сделались жесткими, торчащими и жаждущим властных касаний.

Наглый смешок слетел с уст мучителя, а пальцы обхватили нежные вершинки и легонько сжали их, заставляя меня тихо застонать.

— Нравится? — спросили у меня, и так зная ответ, в котором бы я не смогла признаться вслух.

несколькими грубыми движениями, он истязал мои соски, а я кусала простынь и пыталась молчать. Его губы впились в мою плоть, не целуя, а покусывая ее.

Мои попытки сбежать превратились в неумное желание прижаться к мужчине сильнее. Я вертела задом, неосознанно поднимая его, словно подаваясь на встречу и приглашая незнакомца к следующему шагу. Провоцируя на и без того рискованную, порочную игру.

— Даже так? — протяжно произнес он. В шепоте слышалась похвала моему смирению и податливости. — Но правила в этой игре мои, девочка, а значит будешь терпеть все, что я буду с тобой делать.

Он зарычал, резко отнимая руки, которым надоело мять мою грудь, и поднялся с меня. Теперь я не чувствовала его дыхания у себя на затылке, не чувствовала томной боли на сосках, лишь его вес на моих ногах, где он продолжал сидеть.

Это заставило разочарованно заскулить. Мне хотелось его касаний, а он перестал.

— Попроси, — властно повелел он.

Его низкий бархатный голос обволакивал меня, вызывая нестерпимую дрожь наслаждения.

— Что просить? — не поняла я.

Остатки гордости, если и были, то давно пропали напрочь. Я попрошу все что угодно, только пусть скажет, чего именно.

В ответ молчание, и лишь неумовимые шаги его пальцев вдоль позвоночника и новый смешок. словно мучитель придумал новый план.

— На четвереньки, — приказывает он, вставая с меня и позволяя мне это сделать.

Я покорно выполнила: оперлась на руки и колени, прогнулась в спине и вздрогнула,

едва ощутила руки, задирающие мои юбки вверх. Мужчина был быстр в своих действиях, не разменивался на бессмысленные ласки, добрался до моих коротких трусиков и рывком стянул их вниз до колен.

— Какие забавные пути я для тебя придумал, — раздался голос и мужские ладони легли на мои ягодицы. — Эти трусики не дадут тебе раздвинуть ножки, даже если ты очень сильно захочешь это сделать.

Я вновь почувствовала его близость к себе, он стоял сзади и беззастенчиво дразнил меня своими словами и действиями. Его пальцы погладили упругое колечко, которое тут же сжалось от непрошеного касания. Я попыталась увильнуть, но меня увесисто шлепнули.

— Это моя игра, — уверенно напомнил он мне, что своевольничать нельзя. — Хотя в чем-то ты права. Не стоит начинать нашу игру так резко.

Его пальцы скользнули ниже и без какой-либо подготовки, раздвинули нежные складочки, чтобы ворваться в мое лоно. Я вскрикнула от неожиданности, попыталась отстраниться, но второй рукой мужчина подхватил меня под живот, не давая такой возможности. Он выскользнул из меня, чтобы вновь войти, и так несколько раз, пока я вновь не начала сама прижиматься навстречу его касаниям.

— Ну же, — не выдержав этой пытки, попросила я. — Войди в меня сам!

Едва произнесла, все прекратилось. Меня отпустили, заставив обмякнуть без дополнительной поддержки руками. Я упала на простыни, на испорченное платье, и обиженно захрипела. Поднялась на локтях, в попытке сесть, и найти глазами хотя бы силуэт своего мучителя.

Но меня ждала пустота.

Под темным балдахином находилась лишь я.

Выскочила из сна рывком, мучительно вырывая себя из его объятий и покрываясь мурашками от увиденного.

Капельки пота стекали по лбу, я судорожно дышала, в попытке понять, что все случившееся мне приснилось.

— Будь проклят это бал-маскарад, о котором все трещат, — в сердцах выпалила я, падая обратно в подушки.

Не нужно быть толкователем снов, чтобы узреть корни моего почти-кошмара. После всех разговоров о маскараде, этот чертов бал плотно засел в подкорке моего сознания. Что же касалось странного почти-изнасилования в моем видении, тут было еще проще.

Впитанные годы жизни сегодняшнего мерзавца Себастьяна не могли пройти бесследно даже для меня. Скорее всего я уловила отголосок его противных развлечений, которыми он баловался с невинными девушками. С одной лишь разницей: во сне меня не принуждали к близости. Просто властвовали.

А Себастьян предпочитал быть грубым с самого начала. Швырял и трахал, затыкая рот и не давая жертве брыкаться. В отличие от него, любовник из сна пусть и действовал отнюдь не романтично, но игру выбрал поистине будоражащую. Внизу моего живота до сих пор сладко ныло...

В гостиную я спустилась, когда день клонился к закату. Сестры на кухне хлопотали над ужином, а матушка сидела и разбирала многочисленные письма.

— Нашим счетам нет конца, — вздохнула она с отчаянием.

— Мы что-нибудь придумаем, — заверила я, беря одно из писем в руки.

— Остается надеяться, что у Бриттани с мистером Пикертом все будет хорошо. Твоя сестра понимает нашу ситуацию и не оставит нас в беде. В конце концов всему есть предел, жизнь не всегда должна иметь только серый оттенок, ведь правда? — мама искала поддержки у меня, а я думала о том, что ночью мне нужно будет покинуть дом и посмотреть, чем занимается будущий жених.

Его слова, его поведение и намек на то, что ответ нужно дать в скором времени меня настораживали. Почему он так спешит со свадьбой? Он что-то задумал, или, находясь в постоянном контакте с преступниками, я совсем разучилась доверять людям и вижу зло даже там, где его нет.

— Конечно, все обязательно наладиться.

Я вскрыла несколько конвертов, в одном из которых оказался еще один злополучный счет, а вот другой было приглашение на выставку нашего хорошего друга — Мишеля Лонтье. Мишель перебрался в наш городишко пару лет назад и тотчас нашел почитателей своего творчества в лице представителей Высшего Света. Красочные пейзажи с изображениями домов заказчиков, портреты богатых дам и их кавалеров. Ходили слухи, что в частных коллекциях, скрытых от посторонних глаз, находились даже картины обнаженных персон, прикрытых лишь виноградными листьями и шелковыми обрезами. Хотя мне что-то подсказывало — это далеко не слухи.

— Мишель снова устраивает выставку, — объявила я матушке.

— Непременно стоит посетить ее, — воскликнула она, убирая все остальные письма. — Я восхищаюсь талантами этого мальчика. Как вовремя его тетушка отправилась на тот свет и оставила этому дарованию такое солидное наследство. Его дом — просто мечта...

— Мама... — даже мне сейчас стало стыдно. Порой ее цинизм переходил все границы. Хотя сложно упрекнуть ее в этом. Детство матушки проходило в бедности, вот почему сейчас она так старается, чтобы нам не довелось оказаться там, откуда ей с таким трудом удалось выбраться.

— Роззи, не будь такой строгой и позволь мне хоть иногда предаться мечтам

— Чем же тебе не угодил наш дом? — удивилась я. — Я нахожу его вполне уютным, да и места здесь достаточно.

— Наш гостевой домик мы вынуждены сдавать констеблю Буллету!

— Я вижу в этом только положительные стороны. Сэм прекрасный парень, работает в полиции, ведет себя настолько незаметно, что я порой забываю, что он живет совсем рядом.

На самом деле, жить под боком у полицейского было с одной стороны очень хорошо, ведь ночью не переживая за своих близких я могла покидать дом. С другой — мое маленькое хобби было отнюдь не безобидным и напрямую связано с преступлениями, в том числе и с моими. Спасало лишь то, что гостевой домик находился с левой стороны нашего дома, моя же комната располагалась с правой. Заметить, как я возвращаюсь после очередной охоты попросту невозможно, да и я, учитывая факт близкого нахождения констебля, вела себя крайне предусмотрительно. К тому же, кто мог подумать, что убивает всех этих негодяев одна из женщин нашей семьи, рядом с которой проживает полицейский?

Наш спор с матушкой прервал звонок входного колокольчика. Я открыла дверь и увидела на пороге Сэма Буллета. Легок на помине

— Здравствуйте, леди Клайвшот, могли бы мы поговорить с вашей матушкой? — он

переминался с ноги на ногу определенно чувствуя неловкость.

— Добрый вечер, — я заметила за его плечом еще одного человека. Мужчина был одет в гражданское и стоял чуть поодаль от Сэма. Но по той аккуратности в костюме и строгой выправке я предположила, передо мной либо бывший военный, либо еще один полицейский. Заложив руки за спину, он отрешенно смотрел куда-то в сторону. — Конечно, проходите. Чаю?

— Нет спасибо, мы на минуточку.

Они прошли в гостиную, где сидела матушка.

Консебль явно волновался, отчего долго расшаркивался с матерью, постоянно забывая представить нам гостя.

— Простите, баронесса Клейтон, это детектив Ричард Лорн, — наконец вспомнил он.

Мужчина тактично поклонился и поцеловал руку матери.

— Приятно познакомиться, баронесса Клейтон, — выпрямившись, он перевел взгляд на констебля, а затем на меня, намекая коллеге, чтобы в зале находится еще одна дама, нуждающаяся в представлении.

— Баронесса Клайвшот, — тут же исправил неловкость Буллет. — Позвольте представить детектива Лорна.

— Ричард, — улыбнулся мужчина, касаясь губами моих пальчиков.

— Розалинда, — ответила тем же, и с забрала руку, немного быстрее чем позволяли правила приличия.

Несмотря на видимую искренность улыбку мужчине и явную внешнюю привлекательность, он меня смутил. Наверное, излишней ослепляющей красотой. Лишь сейчас я стала более внимательно приглядываться к гостю.

Выше меня на голову, правильно сложенный, с идеально сидящим костюмом. Волосами цвета воронова крыла, не слишком короткими, но и не слишком длинными. Я любила такие волосы у своих жертв, мне нравилось зарываться в них пальцами, играть с локонами, наслаждаться запахом. У таких мужчин обычно были очень сладкие грехи. Я невольно втянула носом воздух, принюхиваясь, но ничего не почувствовала. Было слишком рано, мое время еще не наступило.

Стоявший близко детектив Лорн заметил это, удивленно вскинул бровь, но его выражение тут же приобрело прежнее спокойствие. Разве что зеленые глаза лукаво блестели. Я невольно залюбовалась красивыми губами, в которые тут же захотелось впиться поцелуем.

“Наверняка он пахнет корицей или яблоками, — одернула я себя. — Запах всех коварных соблазнитель”.

Иллюзий по поводу детектива я не строила, слишком красив, чтобы оказаться безвинным. Такие любят пользоваться своими данными, ибо грех этого не сделать. Хотя я и не думала, что своими похождениями Лорн мог заслужить смерть от моего дара, но от детектива решила уже сейчас держаться подальше. Настораживал он меня.

— Миссис Клейтон, дело в том, что в наш город прибыл мой коллега и ему совсем негде жить. Могли бы вы позволить остановиться ему в нашем гостевом домике?

— А как же вы, констебль? Вы нас покидаете?

— Нет, детектив Лорн ничуть не стеснит меня. Он готов платить ту же сумму, что и я, за комнату в вашем домике.

— Если это не причинит вам неудобств, то я не против, — матушка окинула взглядом

нового постояльца, изучая и уже сейчас прикидывая, куда пристроить неожиданную прибавку в денежных средствах.

— Позвольте спросить, детектив, надолго вы прибыли в наш город?

— Пока не решу все необходимые дела. Надеюсь на скорое отбытие.

— Вас смущает наш милый городок?

— Да, как и любое другое место преступления. Простите, миссис Клейтон, но если вы позволите, мне бы хотелось отдохнуть после трудной ночи.

— Конечно, детектив.

Когда они ушли матушка осталась сидеть с остекленевшим взглядом:

— Наш город — место преступления.

— Что тебя так напугало, везде происходят какие-нибудь правонарушения?!

— Меня напугало то, что он считает весь наш город одним большим местом преступления.

— Роззи, будь добра, отнеси детективу постельное белье и ключи.

— Хорошо.

Я взяла то, что подготовила для нашего гостя матушка и вышла на улицу.

В детстве я очень любила играть в нашем гостевом домике. Нам с сестрами он казался сказочным замком, правили в котором две, а потом уже и три принцессы. Небольшой, уютный, без лишних изысков — прекрасное место, где дети могли разбрасывать свои игрушки, совершать шалости и не мешать занятым взрослым.

Даже после смерти отца, гостевой домик некоторое время оставался тем самым спасительным островком счастливого детства, в котором я и Британи предпочитали прятаться от суровой реальности.

Но потом все в одночасье изменилось, перечеркнув все хорошее, что происходило внутри.

В один из летних дней, когда я сидела в крохотной гостиной домика и играла с прибившимся ко двору щенком Люмом, ко мне подошла матушка и сказала, что мне нужно вместе с ней поприветствовать одного очень важного и уважаемого гостя. Им оказался барон Клайвшот.

Скажу честно, барон тогда мне понравился. Он казался добрым стариком, который решил посетить своих знакомых и подарить подарки детям. Он приветливо улыбался, был учтив, преподнес огромную коробку конфет. Даже попытался погладить щенка, которого я приволокла с собой из домика. Однако Люм барона облаял, зарычал, едва тот протянул к нему руку.

— Не обижайтесь на пса, — раздосадовалась тогда мама, тут же забрав собаку у меня из рук. — Он беспородный, от этого глупый.

Помнится, тогда я впервые обиделась на мать. Для меня Люм был самой умной собакой на свете.

С этими воспоминаниями я дошла до домика и, постучав, услышала за дверью шаги. Открыл мне наш новый постоялец — детектив Лорн.

— Я принесла вам вот это, — протянула ему постельное белье, поверх которого лежали ключи от двери домика. — Мы подумали, что вам необходимо будет иметь свой комплект

ключей.

— Спасибо, — быстро произнес он. — Это будет кстати. Не желаете войти?

— Нет, спасибо, — я поджала губы и развернулась.

После всех воспоминаний это место мне не нравилось, более того темные страхи просыпались в душе. Я сошла с крыльца, пересекла сад и направилась к родному дому. Уже на пороге перед дверью, обернулась и посмотрела назад. Там на крыльце гостевой постройки до сих пор стоял детектив Лорн и задумчиво смотрел мне вслед.

Я прошла в дом, немного растерянная подобной реакцией. Мне не нравилось его повышенное внимание ко мне. Неужели понравилась?

Злобно усмехнувшись, я прошла в свою комнату. От таких как он у меня было универсальное средство.

— Странная она, — закрыв двери, обратился Лорн к констеблю. — Подозрительная.

Сэм взглянул на старшего коллегу с нескрываемым сомнением.

— Вы о баронессе Клайвшот?

Буллет занимался тем, что суматошно собирал свои разбросанные вещи по гостиной домика, приводя ее в более-менее божеский вид.

Идея пожить Лорну здесь, пришла к Сэму спонтанно, когда тот выказал желание съехать от престарелой тетюшки начальника, дабы не мешать ей своим присутствием. Правда сразу предупредил, снимает площадь у баронессы Клейтон — вдовы, муж которой почил почти десять лет назад.

— Кроме миссис Клейтон в хозяйском доме проживают три ее дочери, однако они не вмешиваются в мои дела. Наше общение ограничивается приветствиями. Я им абсолютно не интересен до момента принесения арендной платы. Поэтому, если вас, детектив Лорн, не смутит беспорядок в доме, я могу поговорить с Хозяйкой. Думаю, она согласится.

Беспорядок Лорна не смутил, а вот старшая дочь миссис Клейтон — Розалинда, обескуражила.

— Почему у дочери и матери разные фамилии, но при этом сохранился один и тот же титул? Они обе баронессы? — спросил Ричард у коллеги, отмечая эту странность. — Или леди Розалинда замужем, но тогда почему она живет в доме матери, а не с мужем?

— Оу, — несколько расстроено протянул Буллет. Он складывал в коробку разбросанные носки и сейчас как раз обнаружил, что с десятка из них остались без пары. — Это весьма грустная история.

— Расскажите, — попросил Ричард, склоняясь под продавленным от старости диваном, откуда выглядывал черный мысок потерянного носка. Перебросив оный констеблю, продолжил. — Мне крайне интересно.

— Когда отец этого семейства умер, дела у одинокой вдовы с тремя дочерьми пошли худо. Я не знаю, всех подробностей, но в народе поговаривали, что она специально выдала свою дочь Розалинду замуж в возрасте тринадцати лет за престарелого барона Клайвшота, чтобы поправить за счет его богатства свое материальное положение. Несмотря на свой престарелый возраст, он был почтенным и добрым человеком, поэтому никто не сомневался, что молодая жена будет рядом с ним как у Бога за пазухой.

При упоминании возраста девочки, Лорна передернуло. Что за варварское поведение?

Тринадцать лет, совсем ребенок. Да, еще полвека назад такое было сплошь и рядом, но сейчас общество относится к подобному весьма неодобрительно. И все же, с сожалением отметил он, ранее замужества практиковались до сих пор, юная баронесса была тому примером.

— И что было дальше?

— В первую брачную ночь, ее супруг умер. Прямо на девочке, успев конsumировать брак. Это стало страшной травмой для Розалинды. Говорят, она даже тронулась умом после этого. Чего стоит один траур, который она носит не снимая уже семь лет.

Детектив нахмурился, вначале он не принял черное платье молодой девушки за проявление скорби о муже, ему показалось, что наряд был подобран специально — слишком выгодно он подчеркивал все изгибы фигуры баронессы и акцентировал внимание на ее пшеничных волосах. Выходит, все же траур.

— Семь лет? Отчего же так долго? — не унимался с расспросами он. — Она ведь молода, может выйти замуж повторно.

— Я же говорю, у нее душевная травма, — немного раздраженно ответил констебль, правда раздражение больше адресовалось беспарным носкам, которые Сэм вертел в руках не зная, что с ними делать. — Баронесса Клайвшот и близко не смотрит на мужчин. Был еще один печальный инцидент, когда в шестнадцать к ней решил посвататься один из друзей ее отца. У бедняжки случилась истерика и припадок, приезжали доктора, и даже святой отец, когда люди решили, что в девушку вселился дьявол!

— Что за бред? — вспыхнул Лорн. — Откуда эти суеверия?

— Точно так же сказали и врачи, назвав подобную реакцию защитным механизмом психики. Позже девушке стало лучше, но желающих свататься к ней больше не нашлось.

“Еще бы!” — усмехнулся Лорн, хотя где-то внутри стало горько.

Молодую и красивую леди было жаль. Она не виновата, что похотливый старик решил скончаться прямо на ней.

— Вы задали столько вопросов о ней, — задал немного бестактный вопрос констебль, с интересом глядя на детектива. — Она вам понравилась?

— Нет, просто предпочитаю прояснять странные для меня вещи, — Лорн подхватил на руки выделенным ему комплект постельного белья и направился в комнату, которую ему несколько часов назад представил Буллет. — Пора спать, завтра будет тяжелый день.

Ночью я отправилась узнавать секреты мистера Пикерта. Мне хотелось прийти под окна его дома, заглянуть внутрь и обнаружить спящим в своей кровати, видящем безмятежные сны, и наконец понять, что тот вишневый аромат был всего ли запахом пирога матушки, а не грехов мужчины. Но каково было мое разочарование, когда, едва выйдя на улицу, где он проживал, я увидела Оливера спешащим куда-то в центр города и озирающегося по сторонам.

Он ежился в сюртуке с поднятым воротом, стараясь как можно сильнее вжать голову в плечи. Его шаг был настолько стремительным, что я поспешила за ним, чтобы не потерять его из виду.

Пройдя несколько кварталов, он остановился рядом с вывеской “Кабаре “Дикая кошечка” и вошел внутрь. Там было малоллюдно, но, несмотря на это, в воздухе витал

смешанный запах алкоголя с изрядной порцией сигарного дыма.

Пикерт подошел к столику, за которым сидели мужчина и женщина — незнакомые блондин и брюнетка. Легким кивком он поприветствовал обоих и подозвал виляющую пышными бедрами официантку. Та не заставила себя долго ждать и, улыбнувшись, поставила перед Оливером порцию виски.

У меня не было задачи привлечь его внимания, хотя я могла бы попытаться это сделать. Мои огненно-рыжие волосы короновала маленькая черная шляпка с темной вуалью. Черное платье из плотной ткани изящно обрамляло фигуру, выгодно подчеркивая талию. Дабы не попасться Пикерту на глаза, устроилась в самом темном углу и начала наблюдать.

— Что будете пить? — спросила меня улыбающаяся официантка.

— Нет, спасибо, я сделаю заказ позже, когда придет мой... друг, — соврала я. — Он немного опаздывает и мне не хотелось бы встретить его в весьма пикантном состоянии.

— Понимаю.

Я отдавала себе отчет в том, что должна оставаться в полной готовности. Моя сегодняшняя охота за грехами была особенной. Я не планировала становиться любовницей Оливера, мне лишь нужно было узнать о нем больше и, похоже, я не зря на это надеялась.

На сцене началось зажигательное шоу. Девушки, танцующие канкан — умело задирали ножки и трясли юбками под залихватскую музыку, бегали по сцене и задористо подбадривали публику засовывать под резинку кружевных чулочков мелкие купюры.

Но танцовщицы меня волновали мало, все мое внимание было посвящено жениху Бри. Он пил свой виски, о чем-то мирно переговаривался с мужчиной и женщиной к которым подсел за столик. Их общение происходило настолько обыденно и спокойно, будто они не в кабаре сидят и на танцовщиц смотрят, а пьют чай в обыденной домашней обстановке. Я даже начала скучать, наблюдая за размеренной беседой Пикерта с друзьями. Хотя навряд ли эти двое были все же именно друзьями Оливера, слишком разнилась одежда этой парочки и моего знакомого. У суженого Бри обычный костюм, аккуратный, но недорогой, а у мужчины напротив — дорогуший пиджак, я была готова поклясться такой стоит не одну тысячу монет. Тоже самое можно было сказать и о платье женщины, гораздо дороже, чем мой черный наряд. Раз эдак в десять дороже. В какой-то момент от моего острого зрения не укрылся блеск одинаковых колец на пальцах парочки, отчего я сделала вывод, что они супруги. Я лишь сожалела, что из-за шума и музыки не могла различить, о чем именно говорят эти трое.

Я уже была готова заскучать окончательно и даже помиловать Пикерта в своих глазах, когда женщина, сидящая между Оливером и другим мужчиной, взяла обоих за руки и куда-то повела.

Невольно, я нахмурилась. Слишком фривольное поведения для богатой леди.

Трое вышли из зала.

Поспешив за ними, увидела, как они вышли из кабаре и напрямик отправились в соседнее здание. С виду это был обычных жилой дом, с крошечными квартирами, которые так любят арендовать студенты на время учебы.

Так сразу идти за ними я не рискнула, слишком заметно. Пришлось подождать несколько мгновений и двинуться к парадной незнакомого дома.

Внутри на удивление было не так грязно, как я ожидала от дома напротив злачного кабаре. Наверное, все же дом более роскошным, чем мне показалось на первый взгляд, да и квартиры здесь наверняка более дорогостоящие, чем могли бы себе позволить студенты.

Растерянно оглядевшись по сторонам никого из преследуемых не увидела. Зато

услышала звуки удаляющихся шагов на втором этаже.

Бесшумной тенью скользнув по лестнице вверх, я очутилась в полутемном коридоре. Где тут же остановилась.

Пикер с неизвестными мне супругами маячил в конце холла, меня они не видели. Незнакомый мужчина уже возился с ключами около одной из дверей.

Я замерла, вслушиваясь в то, о чем они говорят.

— Как хорошо, что ты пришел, — сказала незнакомка. — Мы уже начали скучать по тебе.

— И на сколько сильно? — усмехнулся Пикерт.

— Сейчас все узнаешь, я приготовила для нас кое-что интересное. Тебе понравится.

Они вошли в квартиру и захлопнули дверь, я же, двигаясь по небольшому коридору попутно выключала все газовые лампы, чтобы оставаться в полной темноте, которая никогда мне не мешала, скорее наоборот — скрывала в самые необходимые моменты. Ночью я видела не хуже кошки, двигалась так же мягко и тихо.

Добралась до только что закрывшейся двери и приложила ухо к ее деревянной поверхности. Да, подслушивать гнусно, но что делать, когда на кону стояло счастье моей сестры.

— Зашторь окна, — велел Пикерт. — Я не хочу, чтобы нас кто-то видел.

— Бен, дорогой, сделай так, как просит Оливер.

Тонкая полоска света, пробивающаяся из-под низа двери, вдруг резко померкла.

— Мальчики, идите за мной.

И снова мне послышались звуки удаляющихся шагов.

Все трое направились в смежную комнату, это я поняла по скрипу несмазанных петель, который раздался прежде, чем голоса смолкли.

Достав из волос длинную шпильку, я несколькими движениями вскрыла простейший замок и скользнула из коридора внутрь квартирки.

Внутри было абсолютно темно. Но не для моих глаз. Мне стоило благодарить Пикерта, который благоразумно задернул шторы от лунного света и, возможно, любопытных посторонних глаз.

Но в крошечной гостиной, где я оказалась, мне было не интересно. Я стремилась в комнату, где уединились эти трое.

Скрипучая дверь к ним была лишь прикрыта, я подошла ближе и с любопытством заглянула в тонкую щель.

В их комнате было еще темнее, чем здесь.

— Я ничего не вижу, — произнес Пикерт, выставив перед собой руки, пытаюсь найти в воздухе хоть что-то.

— Иди вперед.

Мужчина и женщина явно знали обстановку этой комнаты, а Пикерт, похоже, был здесь впервые. Супруги сели на кровать и подтянули к себе Оливера.

— Присядь, — проворковала брюнетка, заставляя Пикерта расположиться между ней и ее мужем.

Едва он оказался рядом с ней, женщина с жадностью припала к его губам. Ей явно нравилась их мягкость и податливость, я ни с чем не могла спутать это выражение удовольствия на ее лице. Она тянулась ко рту Оливера как к божественному источнику и не могла насытиться.

Мужчина сидящий за Пикертом тоже оживился. Сняв шляпу друга, он начал покрывать его шею поцелуями, нежными, вкрадчивым, не такими страстными, как у его жены. Он гладил плечи жениха Бри, переходя на грудь и тайком расстегивая пуговицы сюртука. Эта пара с такой мимолетной ловкостью сняла с Пикерта одежду, что я не успела и глазом моргнуть.

— Теперь ты понимаешь, как мы соскучились по тебе, Оли? — спросила дамочка, вставая с постели и принимаясь раздеваться. Она сбросила свою одежду на пол, будто бутон, раскрылась перед двумя мужчинами, несмотря на то, что они не могли видеть этот танец страсти и чувственности, от которого она, безусловно, сама получала удовольствие.

— Конечно, дорогая Элли, — в темноте Оливер дотронулся до обнаженного тела развратницы, положил руки ей на талию и притянул к себе ближе. Заставил ее развести ноги и усадил себе на колени. Он еще раз глубоко поцеловал ее, и повернулся к мужчине, чтобы сделать тоже самое. — Бен.

Наблюдая за всем этим, я была в недоумении. Значит, с этой парочкой он уже давно встречался и занимался сексом? Тогда выходило, что Бри навряд ли нужна ему для великой любви, о которой грезил сестра, а скорее для получения возможности наладить контакты с членами Высшего Света.

Мне было противно осознавать, что если Бри выйдет за него замуж, то Пикерт станет и дальше пудрить ей голову, изображая порядочного семьянина. На деле же, уходя из дому, трахаться вот в таких вот тайных гнездах с этой семейной парочкой.

Именно трахаться, другим словом я не могла назвать то, что видела. Оливер беззастенчиво повалил дамочку на кровать, устраиваясь между ее бедер, и глубоко проникая в нее. Ее муж несколько мгновений вслушивался в сладкие стоны супруги, при этом поглаживая по упругому заду “уже бывшего” жениха моей сестры. Последней каплей для меня стало то, с какой податливостью Пикерт разрешил Бену зайти к нему за спину, развести мужские ягодицы и легко войти в него своим членом. Едва этот немалый ствол проник в Пикерта, мужчина выгнулся назад к своему любовнику, позволяя тому впиться губами в его шею.

Женщина под Оливером глухо застонала. Ей подобное нравилось, особенно когда этот “паровоз” принялся синхронно двигаться.

Для меня это было слишком. Я отвернулась. Противно и брезгливо.

Конечно же мне приходилось иметь дело с любителями “треугольной” страсти, но подобной мерзости мне видеть не приходилось.

Как назло, в комнате усиливался запах вишни. Теперь-то мне стало явно, какой именно грех нес в себе этот аромат. Кажется, до конца жизни я возненавидела вишню.

Пора заканчивать этот балаган.

Я рывком распахнула дверь, вписывая ее в противоположную стену. Посыпалась штукатурка.

Включила газовую лампу и сполна насладились замершими в неловкой позе троих.

— Bravo! — медленно и театрально похлопала я в ладоши. — Блестящее представление. Какая страсть, экспрессия, животное поведение...

Дамочка под Пикертом взвизгнула и поспешила в срочном порядке выбраться из-под любовника.

Я усмехнулась и, заметив в комнате на столе коробку с сигарами, прошествовала к ней.

Взяв одну, демонстративно вдохнула терпкий запах табачных листьев. Этот жест хорошо дополнил выбранный мною образ: наглый, беспринципный, хищный. Как и подобает акулам пера, которые так любят разоблачать на страницах желтых газетенок, таких как Оливер.

— Что вам нужно? Кто вы такая? — вскочил с постели Пикерт.

— Я та, кто желает вам только добра... мистер Пикерт, — усмехнулась я, наслаждаясь его зарождающейся паникой и покручивая в руках сигару. — Конечно не в том виде, в каком проявляют его эти милые люди, но все же...

Бен бросился в мою сторону, наверняка для того, чтобы выпроводить из квартиры. Хотя, судя по настроению его опустившегося и болтающегося между ног дружка, продолжать свои любовные шалости никому уже не светило. Своим внезапным появлением я испортила всю атмосферу этой чудесной оргии.

— Сядьте на место, я не договорила, — беззастенчиво приказала, и, надо заметить, мужчина с ошарашенным выражением лица выполнил. Я даже позавидовала, каким послушным “песиком” обзавелся неудавшийся жених Бри.

— Прекратите этот цирк! — закричал Оливер, пытаясь прикрыться простыней. Теперь его сходство с античным божеством было неоспоримо.

Почти Аполлон.

— У меня к вам аналогичное предложение.

— Что вы имеете ввиду?

— Что вам тоже нужно, прекращать, мистер Пикерт, — я почти ласково улыбнулась ему. Правда судя по вытянувшимся лицам троицы, моя улыбка была похожа на оскал. — Я думаю общественности нашего города будет полезно узнать, чем вы, Оливер, занимаетесь в свободное от ведения бизнеса время. Особенно рада будет одна юная особа, которой вы не так давно сделали предложение. Бедняжка наверняка расстроится. Это разобьет ей сердце.

— Оли, эта девушка из газеты? — разволновалась женщина, отбирая покрывало у своего любовника и так же пытаясь прикрыться.

— Помолчи, Элейн, — приказал Пикерт.

— Я вас двоих кстати не задерживаю, — кивнула я незадачливой парочке. — Можете собраться.

Эти свидетели мне были действительно ни к чему, хотя убивать Пикерта я не собиралась. Всего лишь напугать. Поэтому эти двое были лишними.

— Мистер Пикерт, я думаю вам нужно поторопить своих друзей, они будут только мешать нашему разговору. У меня к вам есть деловое предложение, от которого вы не сможете отказаться.

— Не будьте столь уверены...

— Отказа не будет, уверяю! — и чтобы показать твердость своих намерений, придвинула кресло, стоявшее в углу, и с самым скучающим видом уселась, продолжая смущать прямым взором торопящуюся парочку.

Моя насмешливый взгляд их пугал, я же без стеснения разглядывала женщину, ее мужа, и нетерпеливо поигрывала пальцами по подлокотнику кресла.

— Оливер, что происходит? — зашептала женщина, наскоро надевая вещи. — Кто эта девушка?

— Хотел бы я знать.

— Тебе точно не нужна наша помощь? — поинтересовался Бен. Он был несколько обескуражен моей наглостью, но уже начинал приходить в себя. — Нас двое, мы сможем ее

вышвырнуть.

— Я думаю, что смогу справиться с этой пигалицей.

Услышав эту фразу, я вновь усмехнулась.

Вскоре из квартиры парочка буквально вылетела, я услышала с каким грохотом захлопнулась за ними входная дверь.

— О чем вы хотели поговорить? — Пикерт все также сидел на кровати, разве что успел одеться

— О вашей репутации, — вновь улыbnулась я своей опасной улыбкой. — И моих деньгах, которые вы заплатите мне, чтобы я ее не разрушила.

— Что-о? Вы мне угрожаете?

— Предупреждаю о последствиях. Сейчас я вам кое-что объясню, мистер Пикерт, чтобы мы понимали друг друга немного лучше. Не так давно, вы приехали в наш городок, с целью расширения бизнеса, и кое-кому это не понравилось. Нет, вас не считают угрозой или крупной рыбой, но даже мелкой прибылью с вами делиться не желают. Поэтому мне заказали на вас разгромную статью в одну из газет нашего скромного городка, с публикацией всей подноготной, афер и даже вредных привычек. И, как профессионал своего дела, я обещаю, передовица с вашим именем уничтожит не только бизнес, но и вашу жизнь до основания. Но всего этого можно избежать! Вам нужно лишь продать бизнес и уехать из этого города.

— Да вы издеваетесь, — он возмутился, вскочил с кровати и принялся нервно расхаживать по комнате взад-вперед.

Мне стоило признать, была я наугад. Все, что я знала о делах Оливера, так это то, что он так же, как и мой покойный отец, занимался судоходством и рыбной ловлей. В свое время у папы были десятки судов, у Пикерта же насчитывалось несколько посудин, приносящих исправный доход. В основном это были лодки, базирующиеся в столичных доках, однако с этого года Оливер решил расширяться и заняться пассажирскими перевозками, для этого и приехал в наш город. Прикупил несколько круизных катеров и теперь планировал наладить на них маршруты. Я же ему намекала продать лодки и уехать восвояси. По-хорошему намекала, не хотелось мне с ним пока по-плохому.

— Мистер Пикерт, вы должны понять, что после моей статьи молва о вас разнесется повсюду. Как вы думаете, согласится ли кто-нибудь из светских персон заключить с вами сделку, после того, как узнает, какими извращениями вы здесь занимаетесь.

— Половина из них далеко не ангелы!

— Зато ангел ваша невеста. Я видела ее. Мисс Бриттани такая невинная крошка. Ваша насыщенная жизнь станет для нее настоящим шоком, а уж что скажет ее мать — баронесса Клейтон, и подумать страшно. Пусть не вводит вас в заблуждение милый вид этой дамы, она сотрет вас в пыль, используя связи с высшей аристократией.

Я говорила нарочито медленно, старательно запугивая Оливера, чтобы прочувствовал, что именно ему грозит.

— Сколько вы хотите за свое молчание?

— Много, очень много денег. Сумма с пятью, а может быть даже с шестью нулями.

Он даже руками всплеснул от моей наглости.

— Вы с ума сошли. Откуда у меня такие деньги?!

— Продайте бизнес и бегите из города, — равнодушно пожала плечами я. — Так, чтобы духу вашего здесь не было.

Он шумно втянул носом воздух, сжал губы, его лицо даже кровью налилось:

— Я достану вас...

— Мистер Пикерт, все что вы могли достать, вы уже достали сегодня из своих штанов. Угрожать мне не следует. За мной стоят влиятельные люди, которые уберегут вас, если не согласитесь выполнить условия. Каким образом — решать вам, но мой вам совет: покиньте этот город немедленно, иначе вам придется покинуть этот мир!

— Хорошо, я сделаю так, как вы говорите. Но я могу надеяться на отсрочку, хотя бы в один-два дня, чтобы завершить свои дела?

Я вскинула бровь.

— Мне казалось продать бизнес можно и из соседнего города, или вам что-то не понятно в словах: “покинуть город немедленно”?

— Это бизнес, журналистская твоя морда, — рыкнул он на меня. — Я не собираюсь продавать лодки по дешевке. Нужно отбить хотя бы вложенные в них средства.

Пришлось поцокать языком. Признаться, я все же рассчитывала, что под незавершенными делами он подразумевал помолвку с Бри. Вдруг бы у него хватило совести расстаться с ней по-человечески.

Но похоже Оливер в моей сестре не видел ничего кроме красивого личика и связей нашей мамочки. Я злилась, и от этого едва сдерживала себя в руках.

— Завтра вас не должно быть в городе, — безапелляционно сообщила я. — Или я опубликую статью.

— Нет, постойте! — статьи он все же боялся. Мужчина начал шарить по карманам пиджака, пока не извлек оттуда уже знакомую мне бархатную коробочку.

— Только не говорите мне, что собрались позвать меня замуж, — усмехнулась я, глядя, как мне в руки пытаются засунуть кольцо Бри.

— На такой как вы, никогда. Это моя плата за отсрочку статьи, — кольцо все же перекочевало ко мне. — Продадите, выручите немалую сумму, а взамен позвольте мне несколько дней отсрочки.

Очень хотелось затолкать этому подонку кольцо в глотку. Даже не знаю, как сдержалась. Да, я убивала и не таких гадов, мне ничего не стоило свернуть Пикерту шею прямо сейчас.

Но что я получу взамен? Бри, которая замкнется в себе и оденет траурной платье, оплакивая кончину жениха? Вот уж нет, не хочу.

Кольцо я все же взяла. Черт с ним, продам. Глупо отказываться от подобного, тем более в ситуации, в которой находилась моя семья. Слишком много счетов, которые нужно было оплачивать.

— У вас время до завтрашнего вечера, — сквозь зубы процедила я. — И еще кое-что. Перед отъездом вы должны “подчистить за собой”?

— Дела с бизнесом, я улажу.

— Вы должны разорвать помолвку. Тем более, что сейчас вам будет явно не до нее. Напишите письмо, придумайте что-нибудь, чтобы причинить бедняжке наименьший вред.

Пикерт нахмурился, на его лице мелькнула тень сомнения:

— Какое вам дело до дочери баронессы?

— Это не должно вас волновать, просто делайте, что приказано, — рыкнула я.

— Значит все дело в этой дряни! — в своей голове Пикерт явно связал Бри с мифическим заказчиком. — И зачем я вообще связался с этой проклятой семейкой.

— Держитесь от них подальше! Помните, что неудобных убирают. — заявила я, вставая с кресла. — Всего доброго, мистер Пикерт, и прощайте!

Выйдя на улицу, я бросила взгляд на окна тайной квартиры Пикерта и его любовничков. Он стоял и не сводил с меня глаз, наверное, мечтая о том, что из-за угла выйдет парочка отморозков и безжалостно расправиться со мной прямо здесь, под окнами, на глазах у него. Безусловно, мерзавец получил бы наслаждение от увиденного, ведь в данном случае он был бы не причастен к моей смерти, а следовательно, расправа ему не грозила. Но готова поспорить, этот трус все равно бы покинул город, потому как по сценарию весь компромат находился у тайного заказчика. Он купился на мою историю, а значит, и без моих угроз Оливеру было чего бояться. Рыльце Пикерта уже давно пряталось не в пушку, а в полноценной недельной щетине. Но мне уже было все равно, копать под него дальше не хотелось. Он не убийца, а его вишневый запах оказался всего лишь ароматом порочных связей с семейной парочкой.

Решив доиграть эту роль до конца, послала ему воздушный поцелуй — награду за беспрекословное послушание. Не сомневаюсь, Пикерт сделает так, как я сказала, а значит, завтра Бриттани станет свободной девушкой. Не скажу, что этот факт радовал меня, но это гораздо лучше, чем обнаружить “скелеты” Оливера уже после свадьбы с сестрой. Я дала себе обещание, постараться помочь сестре пережить это предательство, ведь Бриттани еще никогда не приходилось сталкиваться с подобным.

В скором времени шаг пришлось ускорить. Рассвет близок, а значит, и мое новое личико с острыми скулами, точеным миленьким носиком и чувственными губами должно исчезнуть. Но больше всего мне было жалко невероятно рыжие волосы, напоминающие языки пламени. Благодаря им я действительно почувствовала себя той, за кого себя выдавала. Хитрой хищной лисой-журналисткой.

Зайдя в ближайший проулок, решила на всякий случай сменить внешность на совсем неприметную, значительно добавив себе возраст. Даже если меня кто-то и увидит, то подумает, что старушка попросту страдает бессонницей и ищет одну из своих очередных кошек. Кто поймет этих пожилых дамочек с их непостижимыми нравами!

Домой, впрочем, как и всегда, я успела вовремя. На улице не было ни души, все беззаботно спали в своих кроватях, им не было никакого дела до моей ночной жизни. Да это было и к лучшему. Чем крепче были их сны, тем спокойнее протекали мои дни.

Обессиленно я рухнула на кровать и уплыла в царствие беззаботных снов.

Проснувшись из-за солнечного зайчика, настойчиво скачущего по моему лицу. Негоднику хотелось, чтобы я поскорее открыла глаза и увидела его, такого шального и неугомонного. Этой ночью мне все же ничего не приснилось. Я просто провалилась в сон, позабыв о вчерашних проблемах в лице мистера Оливера Пикерта.

Встав с кровати, я приняла ванну, привела себя в порядок, и спустилась вниз.

В доме царила тишина, словно все вымерли.

Пришлось искать куда запропастились мои родственники.

Матушка обнаружилась в саду. Она ухаживала за своими новыми розами, привезенными из путешествия какой-то подругой, Эмили вдохновенно пыталась изобразить что-то на мольберте, а Бри читала роман новой модной писательницы, о трудах которой гудел весь

Высший Свет.

— О чем пишет? — спросила я, пытаюсь завязать с ней разговор.

— О любви, чувствах, — произнесла сестра, не отрываясь от книги. — История просто удивительная, не могу оторваться.

— Бри, какая же ты романтичная!

— Разве это плохо?

— Порой, это очень больно.

— Что именно больно? — не поняла она. — Влюбляться?

— Склеивать кусочки растерзанного сердца.

— Роззи...

— Ты помнишь, что сегодня мы должны посетить выставку Мишеля? — вовремя перебила я. — Он наверняка ждет и будет рад нас видеть. Мы так давно никуда не выходили вдвоем. Мамочка ведь останется вместе с Эмили дома, с надеждой, что Мишель не отпустит нас с пустыми руками и передаст ей одну из своих картин.

— Как ты думаешь, наш художник уже догадался о коварстве матушки? — намеренно громко произнесла Бри, следя за тем, как отреагирует на это родительница, обрезающая секатором колючие кусты.

— Девочки, я все прекрасно слышу, — ответила она, демонстративно чикнув острыми лезвиями в воздухе. — Разве можно отказать человеку, желающему преподнести мне подарок? Разумеется, нет. Ведь своим неосторожным отказом я могу нанести тонкой душевной организации мальчика непоправимый вред.

Даже Эмили рассмеялась. Ее звонкий голосок, словно тысячи мелодичных колокольчиков разлетелся по саду.

— Ну-ну, мамочка, — прокомментировала она. — Эти благодарности, скоро будет некуда вешать.

— Что б ты понимала, Эми, — баронесса вернулась к своим розам. — Мишель талантлив, как бог. Это сегодня он выбивает залы, не соответствующие его таланту, и рисует портреты на заказ, порой за сущие пустяки. Но через двадцать лет его работы будут стоит миллионы. Вот увидите.

— Откуда такая уверенность? — я заломила бровь и уставилась на родительницу.

— Месяц назад я отправила картину Мишеля в подарок герцогу Бранду. В столице оценили талант нашего мальчика. Бранд хвастался этим подарком многочисленным гостям, и неудивительно, что пейзаж произвел фурор. Аристократы столицы уже мечтают заполучить работы Мишеля в свои коллекции, тем более, что пока они стоят не так дорого по меркам Высшего Света.

— То бишь ты передала подарок от Мишеля какому-то герцогу? — не совсем одобрительно отозвалась на действия матери Бри. — Это невежливо.

— Это благодарно, — не согласилась баронесса. — Я помогла мальчику и обеспечила его заказами. Протекции в наше время весьма важны.

— Никто и не спорит, — загадочно отозвалась я, про себя же слово “протекция” проклинала.

Не жаждал бы Пикерт их от моей матери, на сестру бы и не взглянул. Я вспомнила про вчерашнее кольцо, которое он мне с такой легкостью отдал, и меня передернуло.

Не ценил Оливер чувств Бри, иначе не расстался бы с драгоценностью.

В этот момент из глубины дома раздался звон, кто-то подошел ко входной двери и

настойчиво трезвонил в колокольчик. Мы же, находясь в саду со стороны внутреннего двора, этот перезвон едва слышали.

— Кажется, кто-то пришёл, — подскочила Эми. — Я открою.

Она отложила кисти и едва ли не вприпрыжку усакала в дом. Отпускать ее одну мне не хотелось, все же она еще крошка в моем понимании. Пришлось пойти за ней.

Я опасалась, что за дверью окажется Пикерт, мало ли что взбредет ему в голову напоследок, но на пороге был посыльный. Скользнув взглядом по Эмили, он передал запечатанный конверт мне.

Сестра насупилась, за что удостоилась от меня укоризненно шепота:

— Вот вырастешь, и тебе будут важную корреспонденцию отдавать.

Закрыв двери, я вчиталась в адресат письма.

Как я и думала.

“Баронессе Бриттани Клейтон”

Стало быть от кого, мне тоже ясно. Моя рука немного дрогнула, ведь придется самолично вручить конверт с дурными вестями Бри. Наверное, это была моя расплата за содеянное, но я не раскаивалась. Так будет лучше для всех.

В саду все так же пели птицы, хотя мне показалось, что некоторые из них сменили свой восторженный гомон на более минорный тон.

— Бри, это тебе, — сохраняя как можно более спокойное лицо, протянула я конверт.

Девушка с интересом вскинула голову и с недоумением отложила книгу.

— От кого? — спросила она, беря письмо, и тут же сама ответила. — Странно, обратного адреса нет.

Сестра задумчиво развернула конверт и вытащила сложенный вчетверо листок. Я быстро юркнула ей за плечи, чтобы прочесть послание вместе с ней. Бри моему своенравию не возражала.

“Дорогая Бриттани!

Дни, проведенные с Вами, были для меня подарком судьбы. Я благодарил Бога за нашу встречу и буду благодарить, ведь именно Вы стали моей путеводной звездой к счастью. Вчера вечером я получил приглашение от родственника, проживающего в Индии. Старик уже давно страдает от неизлечимой болезни и срочно нуждается в приемнике, готовом принять его дела и продолжить бизнес.

Моя дорогая, я не имею права предлагать Вам поехать со мной, старик закоренелый холостяк и не приемлет браки, как он говорит: “Они отвлекают от бизнеса. Человек, который хочет добиться многого, должен быть совершенно свободным от обязательств”.

Вы посчитаете меня циничным и продажным человеком, но я вынужден отказаться от своего предложения руки и сердца. Прошу простить меня и не держать зла. Прощайте! “

Руки Бри убито опустились, она сама, словно обмякла, и если б не я стоящая у нее за спиной, и вовсе рухнула бы на землю.

— Это письмо от мистера Пикерта! — произнесла она слабым голосом, едва я усадила ее на плетеный диванчик из ротанга, и сама присела рядом.

Ее взгляд был устремлен в пустоту, а весь вид выражал шок, недоверие и недоумение.

— Боже, какой он романтик, — обрадовалась матушка, неверно истолковав реакцию

сестры и приняв ее за своеобразное проявление радости. — Пишет своей возлюбленной письма, изнывая от нетерпения узнать ответ.

— Он отказался от своего предложения, — почти прошептала Бри.

— ЧТО? — пожалуй, крик разъяренной матушки могла слышать вся округа. — Как он посмел? Да что этот молокосос о себе возомнил?

Бриттани протянула письмо, а мама, не снимая испачканных перчаток, начала читать.

— Немыслимо, — заключила она. — Бросить мою малышку... Что теперь с нами будет?

— Мама, прекрати немедленно, — возмутилась я, вперив в нее уничтожающий взгляд. — Даже в такие минуты ты умудряешься думать о деньгах.

— Как и Пикерт, — не выдержала Бри и разревелась на моем плече. — Роззи, это проклятие!

— Бри, не говори глупости. Твой жених оказался подонком, как впрочем и мой когда-то. Просто кто-то... — на миг я задумалась, подбирая слова. — ... на Небесах, вовремя уберег тебя от ошибки.

— Но я же успела его полюбить.

— Это всего лишь влюбленность, — пыталась убедить я, но сестра была безутешна.

Спустя час истерики и море, пролитых слез, Бри все же начала успокаиваться.

— Скажи, Роззи, как ты смогла пережить смерть мужа?

— Нелегко, — в ответ я вложила все эмоции, которые принесли мне эти отношения.

И в моем случае это была не боль утраты по безвременно почившему супругу.

Мне пришлось пережить слишком многое за тот короткий срок, что я была с ним в браке. И как же мне повезло, что я смогла освободиться из этого плена. Даже моя мать в этой ситуации оказалась в проигрыше. От моей свадьбы с бароном наша семья получила сущие гроши. Основное состояние старик оставил в наследство своим детям от предыдущих браков. Он не успел, а может быть и вовсе не собирался включать меня в завещание. В браке, на которые возлагала столько надежд моя мать, выиграл только он, а я осталась всего лишь молодой игрушкой надменного аристократа.

Со временем я простила мать, а вот Вивальда проклинала до сих пор!

— Девочки, вам ни в коем случае нельзя впадать в уныние, — мама пыталась сохранять наигранный оптимизм в попытке подбодрить сестру.

— Бри, мама права, — подхватила я, понимая, в какую сторону мне нужно двигаться.

— О чем ты?

— Мы, как и планировали, должны отправиться на выставку Мишеля и поддержать нашего друга в трудную минуту, — я давила на самое больное — на порядочность. — Мы же не бросим его на растерзание этих светских пираний? Тем более ещё вчера я написала ему письмо, в котором подтвердила наш приход.

Конечно же я соврала, никакого письма не было, но об этом Бри вряд ли узнает.

— Но мне сейчас так плохо.

— Доченька, творчество Мишеля развеет твою грусть. Приобщишься к прекрасному, тебе станет легче на душе, возможно даже встретишь новых интересных людей. Не стоит запираť себя в четырех стенах из-за какого-то мерзавца Пикерта!

— Хорошо, я пойду с Розалиндой на выставку.

До выхода из дома Бриттани мучилась вопросом: стоит ли ехать на выставку вообще?

Она несколько раз передумывала и решала, что правильнее будет остаться дома и пропустить вечер. Но матушка была неумолима. Своей настойчивостью она почти выставила

сестру из дома, наказав, не возвращаются без хороших эмоций.

А вот на моей душе было прескверно. Вина за состояние Бри полностью лежала на мне, и в тоже время я оправдывала себя заботой о сестре. Пусть лучше так, чем мучиться из-за неудачного брака, как это делала до сих пор я.

Мы с Бри сели в нанятый экипаж друг напротив друга. Я тайком наблюдала за сестрой, пытаюсь понять, где витают ее мысли. Она смотрела в окно с задумчивым видом и нервно перебирала пальцами складки розового ридикюля в тон ее платья.

— Знаешь, — начала я. — Я иногда жалею, что барон Клайвшот не разорвал со мной помолвку. Моя жизнь сложилась бы совсем иначе, не будь той свадьбы. Возможно, сейчас я была бы замужем за хорошим человеком. А этот тиран не остался прожженной дырой в моей судьбе...

Бри посмотрела на меня чересчур внимательно, ведь я так редко говорила о своем муже. Кому как не сестре знать, что для меня эта тема весьма болезненна.

— Как и Пикерт, Вивальд казался нашей матушке достаточно обаятельным человеком. Член городского совета, почетный и солидный гражданин, а уж сколько у барона было денег — не счесть. Неудивительно, что матушка попала под его обаяние и поверила, что замужество с ним даст для меня отличный старт в жизни. Она очень надеялась поправить дела семьи за счет его денег. И ее можно понять, ведь после смерти отца, она осталась практически одна с тремя дочерьми на руках и призрачными возможностями на светлое будущее. Она искренне считала, что дарует мне счастье, и никто не виноват, что она ошиблась. Как только я переехала в дом барона, Вивальд обнажил свою подлую натуру. Этот старый змей сбросил свою шкуру, убил моего пса, заявив, что беспородные шавки ему в доме не нужны. Он ведь и в жены меня взял только потому, что я молодая и знатная. Ему льстило, что он сумел обзавестись подобной “игрушкой”, учитывая его возраст.

— Мерзавец...

— В нашу первую и единственную брачную ночь он вел себя, как голодный зверь. Я просила его дать мне время, но Клайвшоту было все равно. Ему хотелось обладать мною, навсегда остаться моим первым. Бри, я не хочу такой участи для тебя. Пусть Пикерт катиться ко всем чертям! Единожды променяв тебя на деньги, он будет поступать так снова и снова. Ты достойна лучшего, и не должна даже в мыслях принадлежать ему. Попытайся жить дальше!

— Я постараюсь, — в глазах сестры мелькнуло согласие.

Она не была глупой девочкой, сама всё прекрасно понимала. Молодая и красивая, у нее еще будут десятки кавалеров. Просто сейчас ей было больно. Предательство — это всегда боль.

— Вот и правильно, — я решила закрепить положительную динамику своей терапии и напомнить о хорошем. — Сейчас мы приедем на выставку и проведем там время с удовольствием. Матушка не простит нам, если мы упустим что-то важное и не расскажем ей об этом.

Галерея, где проходил вернисаж Мишеля, располагалась в самом центре города. Экипаж остановился у центрального входа выставочных залов, и возница, спустив подножку, помог мне и Бри выбраться из кареты. Поблагодарив, я расплатилась с мужчиной, а после подхватив сестру под руку двинулась навстречу искусству.

В свет я выходила крайне редко. Носящим траур не положены увеселения, но сегодня было скорее исключение из правил. Не пойти на выставку к Мишелю я не могла, что же до

пересуд почтенных матрон, которые обязательно заметят мой черный наряд, то их я уже давно не боялась. Скорее наоборот наслаждалась слухами о моей ненормальности. Ну какая же девушка будет носить траур больше семи лет, любая другая давно бы уже сняла и вышла замуж повторно. Но я не любая, и второй раз на те же грабли наступать не собиралась.

Мишеля Лонтье мы заметили издалека. Тонкоусый француз встречал гостей, обменивался с ними приветственными словами, сопровождал к особо интересным работам, но раз за разом отвлекался на вновь подошедших к нему знакомых.

Вот и мы двинулись выразить свое почтение художнику, однако уже на подходе, он заметил нас первым:

— Chers amis, как я рад видеть вас, — он поцеловал мою руку, а затем прикоснулся губами к пальчикам Бриттани. — Вы просто не представляете, как скучно было с этими напыщенными снобами. Мне кажется, что даже муза не смогла выдержать всего это пафоса и покинула меня. Вы должны спасти меня и быть рядом весь вечер. Молю вас, спасите.

— Конечно, Мишель, — улыбнулась я, разглядывая причудливый наряд художника: зеленые брюки на красных подтяжках, разноцветная рубашка и бордовый берет, из-под которого выбивались черные вьющиеся волосы. — Именно за этим мы и здесь.

— О, как благородно с вашей стороны, — Мишель театрально приложил ладони к сердцу. — Взамен просите что угодно!

— Мы не отказались бы от твоей личной экскурсии по выставке.

— Это меньшее, что я сумею для вас сделать. Хотите шампанского?

Он подозвал к нам нанятого для вечера официанта и взял с подноса бокалы.

Напиток оказался приятным, с легкой кислинкой. Я даже не удержалась и пригубила его второй раз чуть быстрее, чем того требовали правила.

Идя по залу, Лонтье рассказывал нам о своих картинах, показывал пейзажи, натюрморты. Но не они составляли основу его коллекции. Жемчужинами являлись портреты. Настолько яркие и реалистичные, что захватывало дух. Казалось, перед ними множество окон, за каждым из которых сидят живые люди. Приложи руку к холсту, и реакция человека на нем не заставит себя долго ждать.

— Потрясающе, — восхитилась я. — Мишель, за свой талант ты продал душу дьяволу?

— Почти, — усмехнулся он, отпивая из своего бокала игристое. — Кстати, дорогая Бриттани, взгляните вон туда.

Художник указал на противоположную стену, где висел портрет. На нем была изображена моя сестра.

Нежный, вдохновленный мечтами образ. В легких белых одеждах на фоне рассветного пейзажа она протягивала руку бабочке, которая спустя мгновение должна была опуститься на ее кожу.

— Почему ты не сказала мне, что позировала для Мишеля? — удивилась я, радуясь неожиданному сюрпризу.

— Мишель попросил молчать, — Бри смущенно опустила глаза в пол. — Сказал, что ты и матушка должны увидеть все своими глазами, а мои слова лишь испортят первое впечатление.

— Эффект неожиданности! — заметил он. — Но к слову, а где же сама баронесса Клейтон?

— Осталась дома, приглядывать за Эмили, — ответила я, подходя ближе к полотну. — Но когда вы успели создать картину?

Я перевела строгий взгляд на Бри, желая услышать ответ.

— Помнишь, несколько недель назад я сказала вам с матушкой, что собираюсь навестить подругу? — затараторила она, явно чувствуя неловкость за обман. — На самом деле, это Мишель пригласил меня для написания портрета.

— Бри, да ты негодница! Если в следующий раз ты скажешь, что решила посетить одну из подруг, я обязательно уточню нет ли у нее усов, — рассмеялась я, наблюдая как сестра краснеет.

— Мне нужно... припудрить носик, — произнесла она, окончательно залившись краской, и тотчас же скрылась.

Я пронаблюдала, как ее розовый наряд мелькнул среди многочисленных гостей и скрылся в коридорчике, ведущему в дамскую комнату. Мгновение я раздумывала, стоит ли бежать за ней, вдруг Бри вновь оплакивает неудавшуюся помолвку, но решив, что дело все же в смущении перед Мишелем, я осталась в зале.

— Дорогой друг, — вернула я свое внимание художнику. — Твой портрет пришелся как нельзя кстати, у бедняжки трудные времена, и ей очень важны хорошие эмоции.

— Я могу чем-то помочь?

— К сожалению, ей поможет только время. Дела любовные!

— Понимаю, — он тяжело вздохнул, с такими сокровенными нотками в голосе, что я невольно обеспокоилась: а все ли в порядке у самого Лонтье?

— У тебя что-то случилось? — поинтересовалась, проникновенно заглядывая в его глаза.

Мгновение Мишель сомневался отвечать или нет, но все же с некоторым смущением признался.

— Глядя на Бриттани, вспомнил об одном заказе, от которого вероятно придется отказаться, — весьма раздосадовано произнес он. — Мне предложили хорошие деньги, но я не могу найти подходящей натурщицы для столь щекотливой задумки.

Сперва я нахмурилась, уж ни Бри ли Лонтье хотел склонить к позированию в этой самой щекотливой задумке. Но прочитав на моем лице недовольство, и верно истолковав его, Лонтье поспешил разубедить меня. Мишель почти подпрыгивал на месте от переполняющего его волнения.

— Роуз, Бри совершенно не причем, я даже не собирался предлагать ей ничего подобного. Твоя сестра несомненно красивейшая из девушек, но заказчик достаточно подробно описал типаж, который следует изобразить на картине. Проблема в том, что ни одна из моих знакомых не похожа на этот образ... — после моих сомнений по поводу Бри, Мишель начал медлить с рассказом, никак обиделся

— А если поговорить с той, чей именно портрет заказан? — предложила я. — Или заказчик выдумал девушку из воздуха?

— Как говорит клиент, эта леди находится очень далеко и лишена возможности приехать. Я в панике. Мне нужна модель... для обнаженного образа. Я готов хорошо заплатить, лишь бы найти ту, которая будет напоминать описание. Двести тысяч.

Я едва не потеряла рад речи, услышав сумму. Даже в мыслях не могла представить сколько будет стоить сама картина, если художник готов отдать такие деньги за позирование. Конечно подобный заработок может стать настоящим ударом по репутации любой леди, согласившейся на эту аферу. И тем ни менее у меня появилась одна мысль!

— Неужели в нашем городе нет ни одной подходящей натурщицы, даже в академии

искусств? — начала издали подбираться к главному.

— Нет, внешность слишком экзотичная для наших мест. Никогда не встречал подобного образа.

— И что же такого особенного в этой девушке?

— Брюнетка с пышными, вьющимися волосами, миндалевидными голубыми глазами, чуть вздернутым носиком и пухлыми, почти алыми губы. Высокая упругая грудь. Тонкая талия и пышные бедра, — художник не стал усложнять все пафосными фразочками. — Кожа слегка смуглая, типаж восточный. Теперь-то ты понимаешь, Роуз, как сложно в этом царстве белых нежных бутонов, — он обвел рукой зал, где было так много приглашенных дам. — Найти, столь яркий, агрессивный и наверняка ядовитый цветок!

Я растерянно кивнула, соглашаясь. И все же, мне было не по себе, в описании я узнала себя.

Ведь однажды мне уже приходилось “носить” нечто подобное, когда я охотилась за Себастьяном. И вот сейчас Мишель ищет натурщицу с до боли знакомой внешностью. Совпадение ли это?

— А кто твой заказчик?

— Один меценат из столицы. Весьма состоятельный человек. Он уже не раз заказывал у меня картины, но эта первая за столь огромные деньги.

— И что, даже имени его не скажешь? — любопытствовала я, на деле же желала убедиться, что изобразить образ брюнетки на картине будет безопасно для меня.

— Он пожелал остаться инкогнито. Да и навряд ли тебе, что-то скажет его имя. Как я понял, господин ведет достаточно закрытый образ жизни, он даже мои картины запирает под замок и любит ими исключительно в одиночестве.

Мое личико опять сделалось хмурым. Что ж это за заказчик такой таинственный, который не спешит созывать гостей в свой дом, чтобы похвастаться очередным приобретением. Обычно столичные богатеи предпочитали сделать из каждого пополнения своих коллекций редкостный фарс, показать гостям свою статусность. Поддержать, так сказать, репутацию ценителя искусства в обществе.

Но по словам Мишеля, выходило, что его клиент делиться прекрасным не желал ни с кем. Фантазия мгновенно нарисовала образ дряхлого старикашки, который уже устал от светской жизни, и теперь чахнет над своими картинами в одиночестве. Собственно, меня это более чем устраивало.

— У меня есть подруга, — не очень уверенно произнесла я. — Она похожа на ту, что ты ищешь. Я бы могла поговорить с ней, но есть одна проблема.

— Какая? — Мигель мгновенно забыл про все невзгоды и живо заинтересовался призрачной возможностью заполучить натурщицу.

— Ее родители крайне строгие люди. Настолько, что, если они прознают о позировании, бедняжке несдобровать.

— Я, как и мой клиент, гарантируем, что никто не узнает о девушке. Картина будет храниться в графском доме. Ой... — Мишель осекся, понимая, что от волнения случайно раскрыл титул заказчика. — Только не говори никому!

Мне же стало немного спокойнее. Всех старых графов нашей страны я знала наперечет, не так много их осталось, а в столице так и вовсе жил один — почтенный Таминус. Он действительно был одиноким и дряхлым, того и гляди отправиться на тот свет. Матушка всегда отзывалась о нем весьма положительно, меж тем переписку они не поддерживали уже

более пяти лет. Мама говорила, что причины в проблемах здоровья графа.

Картинка в моей голове сложилась окончательно. Для умирающего дворянина всегда можно немного попозировать, он точно не станет созывать гостей любоваться на новую работу уездного художника. Что же до того, если граф умрет, то я помнила — прямых наследников у него нет, а значит пока будет грызня за состояние между стервятниками-родственниками, про картину и вовсе забудут. Тяжбы по наследованию занимали порой не один десяток лет.

— Если я уговорю ее тебе помочь, — таинственно прошептала я, заговорчески подмигивая, — То она придет завтра после заката, ей придется сбежать из дому, чтобы попасть в твою мастерскую.

— Чудесно, — обрадовался он. — Это будет просто замечательно. А знаешь что, Роззи, когда-нибудь я напишу твой портрет и назову эту картину “Прекрасная спасительница”. Конечно, если ты согласишься позировать мне.

Лонтье крутился вокруг меня как умасленный любимым лакомством кот.

— Не торопи события, — я усмехнулась оттого, как он быстро у него менялось настроение. — Я еще ничего не сделала. Кстати, где моя сестра? Надеюсь Бриттани не сбежала тайном и не уехала с выставки.

На миг я даже перепугалась. Бриттани находилась в таком непредсказуемом состоянии, что могла выкинуть все, что угодно, даже улизнуть домой. Но девушка уже спешила к нам сияя от счастья.

— Простите, но почитатели твоего таланта, Мишель, просто осыпали меня комплиментами. Было неловко убегать от каждого из них, поэтому мне приходилось уделять внимание всем.

— Кажется кто-то снискал славу, — наблюдать за счастьем сестры было одним удовольствием. Как же удачно все сложилось, внимание и комплименты быстро поправили душевное равновесие Бри. — Скажи, Мишель, ты намеренно сделал мою сестру звездой своей выставки или всему виной ее природное обаяние?

— Это не я сделал ее звездой, это она, богиня, ведет меня на Олимп.

— И вовсе я не богиня, — засмушалась она, опустив взгляд.

Безусловно, благодаря сегодняшнему вечеру ей удалось отвлечься от любовных переживаний. Портрет, написанный Мишелем, преобразил сестру, и хотя бы на время вернул ее к жизни.

Мы еще около часа бродили с ней по залу, разглядывая многочисленные картины. То и дело к Бри подходили незнакомые джентльмены и не в силах сдержаться выражали свое восхищение ее красотой. Меня в черном траурном платье большинство из них как будто не замечали, отделавшись вежливым кивком, лишь двое из общей массы соизволили подарить скромной вдове Клайвшот дежурный комплимент. Мысленно я поставила галочку из поведению и воспитанию. Если когда-нибудь наши судьбы еще пересекутся с этими молодыми людьми — эта вежливость пойдет им только в плюс.

— Мишель, мне неловко об этом говорить, — подходя к художнику в окончании вечера, произнесла я. — Но нам с Бриттани пора возвращаться домой. Матушка будет волноваться, если мы вернемся домой под покровом ночи.

— Я был безумно счастлив лицезреть вас на выставке. Завтра же пришлю посыльного, который доставит портрет прекрасной Бриттани, — он поцеловал сестре руку, и та вновь зарделась.

Попрощавшись с художником, мы покинули выставку и сели в один из пойманных экипажей. Путь до дома предстоял не близкий, поэтому я решила воспользоваться этим временем для разговора. Тем более что Бри была в самом благодушном настроении, ей с трудом удавалось скрывать мечтательную улыбку.

— Давай не будем говорить матушке о твоём портрете, — предложила я. — Иначе эту ночь она проведет без сна. Пусть картина станет для нее приятным сюрпризом.

— А? что? — своим предложением я будто бы спустила Бриттани с небес на землю. — Конечно.

— О чем говорили с тобой... поклонники?

— Какие у меня могут быть поклонники?! — удивилась она. — Это Мишель поставил портрет туда, где было самое удачное освещение. Это предало полотну нечто особое.

— Не скромничай и говори как есть.

— Ко мне подошел журналист из местной газеты и задал пару вопросов: кем я прихожусь Мишелю? Как мы познакомились? Позировала ли я раньше для него? Он пообещал, что в завтрашнем номере на главной полосе будет большой обзор об этой выставке.

— Это же замечательно, — изумилась я вслух, про себя же не очень обрадовалась будущему вниманию к моей семье. А оно обязательно будет после такой статьи.

Экипаж остановился у входных ворот нашей усадьбы. Окрыленные положительными эмоциями после выставки, мы с Бри буквально выпорхнули из колесницы.

Настроение было прекрасным, а тело после выпитого шампанского легким.

— Какой же прекрасный сегодня вечер, — Бри полной грудью вдохнула прохладный воздух. — Так свежо.

Весь ее вид выражал счастье. Я невольно усмехнулась.

— Мы бы с тобой еще погуляли, но боюсь матушка не погладит нас по головке за столь поздние прогулки.

— Как жаль, — расстроилась Бри.

Я распахнула перед ней стальную створку ворот, позволяя юркнуть на территорию сада, сама скользнула за ней. Но прежде чем прикрыть ворота, увидела, как к дому приближается наш новый постоялец — детектив Лорн.

Выглядел он уставшим, слегка помятым, и наверняка возвращался с работы. Живя по соседству с констеблем Буллетом, я уже привыкла, что со своими полицейскими делами он не редко задерживался на службе.

Мне вдруг резко захотелось хлопнуть калиткой прямо перед носом детектива, но это было бы слишком ярким проявлением моего недовольства по отношению к нему. Потому пришлось сдерживаться и вежливо дожидаться, пока он подойдет ближе.

— Добрый вечер, леди, — поздоровался он, заведя меня и Бри у ворот.

— Здравствуйте, господин полицейский, — хором отозвались мы.

Я попыталась подцепить сестру за руку и увести по дорожке к дому, все же правила вежливости уже были выполнены. Но у развеселой Бри, кажется, проснулось настроение пообщаться.

— Как дела на вашей работе? — спросила она, улыбаясь своей очаровательной улыбкой. — Кого-нибудь поймали?

— К сожалению, пока нет, — он покачал головой.

— А кого ловите? — не унималась Бри. Она восторженно заглядывала в лицо детектива,

я даже забеспокоилась, еще не хватало, чтобы она в него влюбилась.

— Это является тайной расследования, — улыбнулся Лорн.

Мы медленно шли по дорожке к дому. Я преимущественно молчала, Бри же тараторила хуже трещотки.

— Ну право же, детектив Лорн, о какой тайне может быть речь в нашем городке? Если не завтра, то послезавтра новости о вас будут в газетах, и уж тогда ваше расследование точно не останется секретом.

Следователь на мгновение призадумался. Все же не признать правоту Бри было бы глупо. Приезд Лорна могли не заметить в самом начале, но чем дольше он в городе, тем больше любопытных особ будет к себе привлекать.

— Наверное, вы правы. Скрывать бессмысленно, — без улыбки ответил он. Детектив выглядел весьма серьезно. — Тем более, что девушкам, которые, как вы, гуляют так поздно ночью, владеть такой информацией будет полезно.

После этой реплики я насторожилась: странные нотки в голосе Лорна мне не понравились.

— В этом городе появился серийный убийца, — пояснил Ричард. — Все его жертвы мужчины, однако это не означает, что следующим трупом не окажется милая девушка.

— Серийный?! — взвизгнула Бри. Она плотнее схватила меня за руку и прижалась ближе. — То бишь жертв много?

— Именно так, — кивнул Лорн, останавливаясь на пороге гостевого домика, до которого мы дошли. — Всех жертв объединяет одно: их тела больше похожи на иссушенные мумии, чем на обычный труп, — увидев непонимание на лице Бри и мое изумление, Ричард пояснил: — Представьте, что перед вами стоит достаточно молодой и полный сил человек. А спустя час он становится похож на старика, а потом и вовсе на обезвоженный сухарь.

Все поплыло перед глазами. Мне показалось, что на миг я уснула и вижу страшный сон. Лорн занимается расследованием моих ночных походов? Выходило, что убийствами всех этих мерзавцев заинтересовалась полиция, да к тому же пригласила принять участие в расследовании специалиста из другого города. Я не могла поверить в это!

— Я пока не понимаю, как именно маньяк добивается подобного эффекта, но в скором времени планирую подключить к расследованию столичных криминалистов. Возможно, дело связано с каким-то весьма хитроумным ядом, с которым ни мне, ни моим коллегам из местной полиции еще не приходилось сталкиваться. Принцип, по которому убийца выбирает своих жертв, пока тоже не ясен, но я обязательно докопаюсь до сути.

Похоже Лорн только недавно начал свое расследование и еще не имел на меня никаких улик. И все же я была напряжена, хоть и всеми силами пыталась скрыть свое потрясение. К счастью, сейчас мне было просто выдать его за трепет, подобный тому, что испытывала шокированная рассказом детектива Бри.

— Я надеюсь, вы сможете обезопасить улицы нашего города, мистер Лорн, — как можно спокойнее произнесла я. — Не то напуганная этими жуткими историями матушка никогда не выпустит ни Бри, ни малышку Эмили на вечерний променад.

— А за себя вы, стало быть, не боитесь? — выгнув бровь, поинтересовался он.

— Разумеется, боюсь. Но я уже седьмой год скорблю по мужу, поэтому на вечерних прогулках появляюсь крайне редко и только по особой надобности.

Я проследила за взглядом мужчины, который оценивающе скользнул по моему черному платью, отмечая скромный крой и траурный цвет.

— Простите, Баронесса Клайвшот. Я не хотел затрагивать своим вопросом столь неприятное событие вашей жизни, — голос Лорна казался искренним, но я не спешила верить.

Отчего-то была уверена: врать этот мужчина умел мастерски, особенно если ему это было нужным.

— Ничего страшного, — слушала я. — Вы же не нарочно.

В ответ заработала виноватую улыбку, излишне располагающую к себе, чтобы я купилась.

— Мы с сестрой пойдем в дом. Матушка уже наверняка испереживалась, — я вежливо намекнула на окончание разговора. — Спокойной ночи, детектив Лорн.

— Спокойной ночи, леди, — отозвался он.

Откланявшись, я потащила замешкавшуюся Бри подальше от гостевого дома. Сестрица выглядела растерянно, она даже не сумела выдавить из себя вежливых слов прощания для мужчины.

Хотя для меня ее реакция была предсказуема — Бриттани всегда была излишне впечатлительной натурой.

Уже на подходе к родному крыльцу, сестра ожила:

— Поверить не могу, что где-то в городе живет подобное чудовище!

— Я тоже, — отрешенно поддакнула, про себя истерически хохоча. Чудовище живет не просто в городе, а под одной крышей с Бри. — Хотя за себя мы можем не опасаться. Ни один убийца не станет нападать на дом, где снимают жилье полицейские.

— Ты как всегда права, Роуз, — всплеснула руками девушка. — Главное, я уверена — детектив Лорн поймает преступника и накажет по всей строгости закона! — голос сестрички стал твердым, будто она уже сейчас мысленно повесила страшного маньяка, предварительно огласив ему смертный приговор. Но она мгновенно растеряла весь свой боевой запал, едва вспомнила: — Кстати, Роуз, ты заметила, как он на тебя смотрел? Мне кажется, ты ему понравилась...

Я закатила глаза. Вот уже чего-чего, а этого мне только не хватало. Мне бы, наоборот, держаться от Лорна подальше и вести себя с ним осторожнее, ведь каждый промах может стать роковым.

— Тебе показалось, — поспешила я разубедить Бри. — Он просто посочувствовал моей судьбе.

— И все же я думаю, что права, — сестра мечтательно закатила глаза. — Он ведь такой симпатичный. Было бы замечательно, если бы ты нашла с ним общий язык. Он бы сделал тебе предложение. Ты бы выкинула все свои черные платья и вышла за него замуж. А потом у вас бы родились замечательные дети.

Я с сомнением глянула на родственницу и даже, не удержавшись, приложила руку к ее лбу, проверяя, не бредит ли она часом.

Жара у Бри не было. Но вот ее мечты мне здоровыми не показались, о чем я тут же поспешила ей сообщить.

— Ну я же как лучше хочу, — нахмурилась она. — Уже и помечтать нельзя!

Мы подошли к дому, я открыла дверь и пропустила сестру вперед. Свет в холле был потушен, мы тихо прошли в гостиную, чтобы обнаружить матушку мирно дремлющей в кресле. Будить ее не хотелось, но едва мы попытались пробраться мимо по лестнице, она и сама проснулась, сходу накинувшись с расспросами.

Отвечала в основном Бриттани. Эмоции в ней кипели, она с радостью рассказывала с журналисте, о картинах Мишеля, предусмотрительно умолчав о портрете, долго щебетала о многочисленных кавалерах.

Матушка одобрительно кивала, про Пикерта до конца вечера никто и не вспоминал, чему я была несказанно рада. Он пришел в нашу жизнь легко, так же легко и ушел.

А через час, утомленная беседой, я отпросилась и ушла спать, чтобы утром проснуться от радостного вопля матушки, получившей картину-подарок от Мишеля.

Я улыбнулась сама себе и вновь рухнула на подушку досыпать. Сегодня у меня планировался напряженный день, наполненный восторженными щебетаниями сестер и матери, а затем весьма продуктивная ночь.

Едва солнце скрылось за горизонтом, я тут же встала с постели, прислушалась к звукам в доме и убедилась, что все спят.

Весь день матушка и Бри бегали по дому, решая, куда же повесить чудесный портрет, сделав это так, чтобы любой вошедший в дом, непременно его заметил. При этом задача осложнялась тем, что в любом видном месте картина выглядела либо не сильно выигрышно из-за освещения, либо наоборот слишком навязчиво, будто крича: посмотрите на меня, похвалить меня!

За суетой эти двое почти забыли о том, что сегодня вышла газета со статьей о выставке. Зато малышка Эмили вспомнила и, сбегав в газетную лавку, прикупила свежий выпуск.

Статья на самом деле мне не слишком понравилась — чересчур сильно журналист восхвалял Бри, превознося на Олимп ее красоту. У меня даже сложилось впечатление, будто не у художника Лонтье вчера выставка была, а дефиле у Бри.

Сестре я ни в коем случае не завидовала, но это статья меня обеспокоила. Слишком много внимания не могло не иметь последствий.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С этими мыслями я открыла свой гардероб, раздвинула вешалки привычных черных нарядов, и притянула к себе задвинутый к задней стенке чемодан. Щелкнув застежками, открыла и вперилась задумчивым взглядом в содержимое.

Цветные платья, яркие, нарядные или наоборот простые. Днем я никогда их не одевала, ночами же иногда приходилось. Мой маскарад требовал разнообразия в одежде. Идти же к Лонтье в своем обычном черном платье я опасалась. Это обычные мужчины никогда не обращали внимания на одежду, Мишель же наметанным глазом художника всегда подмечал каждую пришитую розочку к подолу.

Я выбрала простой синий наряд, потертый от времени и еще ни разу мною не одетый. Его я купила на барахолке несколько лет назад, к тому времени я уже понимала, что ночные вылазки в собственной одежде это слишком рискованно.

Примерив платье, я осталась недовольна. На моей фигуре оно висело. Мне настоящей не хватало фактуры для ношения подобного фасона. Пришлось сосредотачиваться и прибегать к первым изменениям уже сейчас.

Идти к Мишелю сразу в образе знойной брюнетки я не хотела. Это был неоправданный риск: кто-то случайно мог заметить столь приметную особу.

В итоге, полностью подгонять фигуру под платье тоже не стала, ограничилась лишь изменением в плечах и бедрах, чтобы не сильно болталось. Покрыв лицо сотней веснушек, превратила волосы из пшеничных в ржаво-рыжие и, накинув сверху плащ с капюшоном,

приготовилась покинуть комнату.

Перед уходом через окно, лишний раз убедилась, что двери заперты, и только после этого прыгнула на мягкую землю в саду.

Ночной воздух был свеж, я шумно втянула его полной грудью, желая убедиться, что ветер не принесет мне лишних запахов. К счастью, все было в порядке. На мгновение, я поймала себя на мысли подкрасться к гостевому домику и наконец приняться к аромату грехов Лорна. Ведь не мог же детектив не пахнуть вообще ничем.

Но я одернула себя от этой дурацкой мысли и устремилась вперед, к улицам города.

Пройдя пешком несколько кварталов, я поймала извозчик и, назвав адрес Мишеля, спокойно уселась в колесницу. Идти пешком до мастерской художника было бы слишком расточительно по времени и утомительно для ног, не говоря уже о том, что улицы города ночью не всегда безопасны.

Не для меня, разумеется, но терять время разбираясь с неудачливыми грабителями или насильниками, мне не хотелось.

Извозчик быстро довез меня до указанного адреса. Расплатившись, я сошла на мостовую и медленно побрела к заветной двери.

Мое лицо и волосы скрывал капюшон, и пока я брела ко входу, незаметно меняла внешность с рыжей простушки на экзотическую брюнетку.

Этот образ мне нравился, сама не знаю почему. Каждый раз, оказываясь в нем, мне чудилось, будто я возвращаюсь в родное тело, а та, утренняя Роуз всего лишь временная оболочка.

В этом роскошном теле мне даже дышалось легче, не говоря уже о том, что и чувствовала себя в нем едва ли не богиней.

Странное, почти эйфорическое ощущение.

Выбросив из головы эти мысли, я постучала в двери мастерской.

Открыли мне почти сразу. На пороге обнаружился включенный Мишель. Едва завидев мою фигуру в плаще, он испустил вздох облегчения, смешанного с радостью, и, отступая на шаг, пригласил внутрь:

— Леди, вы мое спасение, — воскликнул он. — Я уже и не надеялся вас дождаться. Роуз ведь не обещала ничего, просто сказала, что побеседует с вами.

Я сбросила с головы капюшон, являя свое лицо, и Мишель ахнул:

— Глазам своим не верю. Когда я описывал типаж образа баронессе, то даже не думал, что можно будет найти столь точное попадание.

— Благодарю, мистер Лонтье, — немного смущенно ответила я. — Роуз отзывалась о вас, как об очень порядочном человеке, и объяснила о зарплате какого рода идет речь.

Играть уж совсем наивную дурочку мне не хотелось, отчего-то мне казалось, что Мишелю на картине нужен образ уверенной в себе женщины и соблазнительницы. Поэтому изображать из себя уж совсем трепетную лань было бы излишне.

— Да, — расплылся в улыбке Мишель. — Заказчик платит весьма хорошие деньги и гарантирует анонимность.

— Тогда перейдем прямо к делу, — я сняла с себя плащ и повесила на ближайшую вешалку. — Мои родители весьма строгих нравов и мне пришлось убежать через окно, чтобы попасть к вам. Поэтому до рассвета мне необходимо вернуться домой, а раз так, давайте приступим прямо сейчас.

От моей прыти мужчина слегка растерялся, однако тут же собравшись, пригласил

проследовать за ним.

Будучи Роуз, я не единожды бывала в его мастерской. Просторное помещение, заставленное холстами и мольбертами, с вечно витающим запахом краски и ярким светом. Однако сегодня оно было приглушенно до интимно-тусклого.

— Позировать надо здесь, — Мишель указал на постамент, задрапированный черным мехом наподобие огромной кровати.

— Просто лежать? — подходя к своему импровизированному ложу и ощупывая бархатный материал, спросила я.

— Красиво лежать, — поправил меня Лонтье.

Несколько мгновений я раздумывала над тем, как именно расположусь на этом меховом великолепии, мысли в голову упорно не приходили.

— Где я могу раздеться? — спросила у художника и, получив кивок в сторону ширмы, прошла за нее.

Пока снимала платье, еще несколько раз задала себе вопрос, а правильно ли поступаю, соблазняясь деньгами и соглашаясь на портрет. Но эти мысли я отгоняла одну за другой, словно назойливых мух, и продолжала упорно стягивать с себя сначала корсет, а затем и чулки с трусиками.

Как мужчину, Мишеля я абсолютно не стеснялась. Даже будучи Роуз, я бы сумела раздеться перед ним, не дрогнув ни мускулом. Почему-то я не воспринимала его, как самца. Для меня художник был другом. А у друзей нет пола.

Выйдя из-за ширмы, я подошла к меху и все же растерялась. Присела на край ткани и замерла.

— Удивительно дело, — заметил Лонтье. — Обычно девушки, которые приходят сюда впервые, бояться меня. В вас же не чувствуется страха перед обнажением, скорее наоборот, вам это нравится. Единственное, что вас смущает, это растерянность перед тем, как именно нужно позировать. Сказывается нехватка опыта.

— Это плохо? — вскинув взгляд, уточнила я, удивляясь проницательности художника.

— Нет, как раз нет. Просто непривычно и странно, — Лонтье подошел ближе и принялся объяснять, как мне лечь. Руками он не касался, лишь направлял, при этом неосознанно переходя на “ты”: — Нужно прилечь на бок. В талии более сильный изгиб. Одну ногу выпрями, вторую, наоборот, немного подтяни. Вот так. Отлично. Замри.

Я даже дышать перестала. Поза была вполне удобной, разве что воздух в мастерской слишком прохладен, отчего кожа начала покрываться мурашками.

Мишель отошел на несколько метров, полюбовался моей обнаженной фигурой издалека, а затем принес поднос с маленькими чайными свечами и принялся расставлять их вокруг меня, прямо на черном меху.

— Я хочу, чтобы в твоих глаза отражался огонь, — пояснил он. — Да и сам свет придаст картине пикантности. Ты главное не шевелись сильно, иначе воск расплескается прямо на шкуру, или того хуже — огонь перекинется на материал.

Удивительно дело, я смотрела на Мишеля и не узнавала его. Привыкла видеть художника радужным, восторженным, но едва дело коснулось непосредственной работы, он сосредоточился, подобрался, стал серьезен и собран.

Время текло, я все лежала на постаменте. Свечи медленно прогорали, а художник творил. Мишель рисовал быстро: вначале делал набросок, затем наносил какие-то легкие мазки. За кропотливое прорисовывание он даже не брался, лишь отмечал на холсте какие-то

одному ему ведомые детали.

Объективно я понимала, что за одну ночь он мой портрет нарисовать не сумеет, а значит уже завтра мне придется прийти сюда повторно. Возможно и послезавтра.

Но за час до рассвета Мишель меня удивил:

— Все, можешь идти. Я запомнил твой образ, думаю, через неделю картина будет готова.

— Что значит все? И завтра приходить не нужно?

Он отрицательно покачал головой.

— Завтра ты будешь уже другой. С другим настроением, а значит уже не такая. Люди меняются каждый день, — он говорил уверенно, при этом неотрывно глядя на холст. — Так что твоя работа сделана, можешь одеваться. А я принесу деньги.

Он вышел из мастерской, а я, пока его не было, потушила свечи, сжав между пальцами фитиль. Боли при этом не почувствовала.

Уже за ширмой, когда одевала платье, услышала, как Лонтье вернулся. Судя по звукам, он опять смотрел на картину.

— Ты странная, — послышалось мне. — Выглядишь правильной, красивой, почти идеалом. Но портреты никогда не врут, подойди ближе. Быть может, увидишь сама.

Я оправила юбки, обула туфли и вышла.

Было интересно, что же такого удивительного нарисовал Мишель? Приблизившись к холсту, я с любопытством взглянула на полотно. Оттуда на меня смотрела хищница, дикая и необузданная. Брюнетка на полотне была не просто красивой и изящной девушкой, она казалась вальяжной пантерой, прилегшей отдохнуть, но всего одно мгновение, и она встрепенется, чтобы разодрать глотку любому, кто ей не по нраву. Свечи на портрете давали странный эффект, вокруг нарисованной меня сгущалась дьявольски-огненная аура, обжигающая, опасная, агрессивная. Даже взгляд девушки с портрета казался ядовитым.

— Мишель, вы уверены, что заказчик захочет получить именно этот образ на картине? — на мгновение усомнилась я, разглядывая столь атмосферное полотно и вновь переходя с художником на “вы”. — Быть может, его стоило немного смягчить?

— Уверен, ему понравится, — после недолгого молчания ответил Лонтье и тут же встрепенулся, вывалившись из собственных мыслей: — Вот ваши деньги!

Он протянул мне конверт, который я не преминула тут же забрать.

— Спасибо, — поблагодарила, сжимая пухлый сверток. Мысленно я уже расплачивалась этой суммой по многочисленным счетам матери и придумывала легенду о богатом поклоннике Бри, который решил анонимно помочь нашей семье.

Мастерскую Мишеля я покинула за час до рассвета, но вот в пойманный экипаж села с просыпающимся чувством легкого голода.

Сейчас он меня не слишком беспокоил, но я знала: уже завтра к ночи мне придется выйти на очередную охоту. Слишком часто за последние дни я пользовалась своей силой, расходуя ценную энергию, но и иного выхода у меня не было. Все превращения являлись вынужденной мерой, а голод меж тем подступал. Запахи становились ярче, и я ощущала ароматы даже легких грехов случайных прохожих, но продолжала упрямо идти к дому.

После восхода солнца голод притупится ровно до его заката.

Я пробралась в сад и тихо брела меж ветвей раскидистых кустов. Первые лучи рассвета уже забрезжили, и я впервые кляла себя за нерасторопность и опоздание. Внешность вернулась в свое обычное состояние, а неподходящее по размеру платье почти мгновенно

стало огромным и принялось болтаться по земле подолом.

На этот раз чертыхалась я вслух, но тихо. Будучи в своем привычном теле, на окно второго этажа я бы точно забраться не сумела. Мое тело было слишком слабым для таких физических нагрузок в отличие от ночного амплуа. Понимая, что теперь мой путь лежит исключительно через первый этаж дома, я побрела к черному ходу, заодно решая, как буду пробираться мимо спален матери и сестер, а после вскрывать заколкой запертую изнутри дверь собственной комнаты.

Выходило, что действовать придется очень и очень тихо. Уже дойдя до заветной двери, я приготовилась надавить на ручку, как почувствовала на своей спине чей-то взгляд.

Я резко обернулась, тут же благодаря providение, что на мне сейчас родная внешность. Позади, на тропинке сада, стоял Лорн, обнаженный по пояс. Я невольно залюбовалась его телом: мускулистый, подтянутый, излишне красивый, будто внешние недостатки отсутствовали в нем напрочь. Его кожу покрывали капельки пота, словно говоря: детектив совершал утреннюю пробежку, когда наткнулся на меня.

К слову, матушка никогда не запрещала постояльцам гулять по саду, я же не рассчитывала, встретить Лорна столь ранним утром и тем более в таком виде. Проклиная себя за неосторожность, выдавила растерянную улыбку.

— Вы весьма умело прикидываетесь днем порядочной вдовой, — заметил мужчина. — Не поделитесь, куда ходили?

Его взгляд блуждал в полах моего темного плаща, из-под которых выбивался низ синего платья. Я нервно сглотнула и сильнее запахнулась. Пока на мне была накидка, Лорн не мог видеть, что наряд мне велик, а значит, оставалась возможность избежать лишних вопросов и придумать достоверную легенду.

— Это абсолютно не ваше дело, куда я хожу, — огрызнулась, глядя полицейскому в лицо.

— Или к кому? — изогнув бровь, он коварно усмехнулся.

— Намеряете на любовника? — не то чтобы я оскорбилась, но рывкнула весьма агрессивно, про себя же отмечая не столь плохую идею выдумать себе мифического воздыхателя.

— Заметьте, про любовника сказал не я, а вы, — скрестив на груди руки, он подошел ближе. — Хотя, признаться, я сразу догадался, что вы не столь просты, как хотите всем казаться. Слишком уверенный и наглый у вас взгляд для той, кто решил похоронить себя под трауром о старике-муже.

— Решили прочитать мне мораль по поводу неблагопристойного образа жизни? — я скопировала его позу, точно так же скрестив руки, и с вызовом взглянула ему в глаза.

Лорн наклонил голову набок и с интересом наблюдал, словно экзотического зверька изучал. Наверное, он думал, что я буду смущена тем, что он меня словил, но я ринулась в бой.

— Кто я такой, чтобы рассказывать вам о правилах этикета и учить морали? Скорее наоборот, я — последний, кто мог бы это делать! — в его голосе мелькнули странные ноты затаенной грусти, которые, впрочем, были очень тщательно скрыты за ехидством.

Я же не могла этого не отметить и сделала шаг вперед, оказываясь чересчур близко.

— Последний? — я выгнула бровь, почти шипя ему в лицо. Смотрела с вызовом, играя при этом женщину оскорбленную, пойманную на горячем. Пусть думает, что это мой способ защиты, такое наглое и глупое нападение. — Почему же последний?

— Потому что я сам не безгрешен, — улыбка исчезла с лица детектива. От ехидства не осталось ни следа. — Мне нравится, что вы не оправдываетесь, что завели любовника. Скорее, я рад этому. Ведь вы тоже можете быть по-своему счастливы. По-человечески за вас рад, баронесса.

Последнюю фразу детектив произнес слишком тихо, я едва расслышала, прежде чем Лорн отступил назад. Нет, не сдаваясь под моим напором, а просто показывая, что разговор окончен.

Признаться, своей неожиданной победе я была не рада — слишком легкой она мне показалась. И наблюдая, как Лорн бежит по дорожке сада, завершая свою утреннюю зарядку, я истуканом стояла у дверей черного хода.

Запоздало до меня дошло, как же сильно я рисковала и как мне в действительности повезло опоздать и попасть под свет солнца за пять минут до этой непредвиденной встречи. Ведь обычно я возвращалась заранее, через окно на втором этаже, запрыгивала на подоконник, словно кошка, предварительно подтягиваясь на кованом карнизе. Меня бросило в дрожь, едва представила, что было бы, увидь меня Лорн в образе знойной брюнетки. И как бы я ему это объясняла? И объясняла ли вообще? Вдруг бы он поднял шум, решив, что кто-то грабит дом и позвав полицейских

Проглотив комок страха в горле, я вздохнула. Мне нельзя было думать об этом. Не случилось — и слава богу, впредь буду в сотню раз осторожнее и не попадусь так глупо.

Скользнув в дом, я сняла туфли и, стараясь не скрипеть половицами, двинулась на второй этаж. Успешно миновала лестницу, прошмыгнула мимо спальни матери, откуда доносился тихий храп. Очень долго ковыряла замок собственной комнаты: сказывалось волнение и дрожь в руках. Но, едва преграда была повержена, и я оказалась в родных пенатах, силы покинули меня. Ноги подкосились, и я буквально рухнула на пол, прислоняясь спиной к стене.

Нервы все же сдали, и я тихо всхлипнула. Впервые за долгие годы позволив себе подобную слабость.

Какие-то силы свыше явно берегли меня, иначе не могла объяснить сегодняшнее везение, ведь еще никогда я не была так близка к провалу.

Самое ужасное, что я понимала, завтра будет еще хуже. В сложившейся ситуации мне бы притихнуть, затаиться и не выходить на охоту как минимум месяца два-три. Но голод... Голод не позволит мне такой непозволительной роскоши.

Пальцы задрожали. Мелкий тремор отбивал чечётку на полу, где лежали руки, а я вспомнила, как пять лет назад впервые довела себя до изнеможения.

Своим первым убийством я справедливо считала смерть бывшего мужа. Пускай его тело и не было похоже на те высушенные трупы, что я оставляла после себя позже, но все равно считала тот миг началом, когда во мне пробудился монстр. Целый год после этого маленькая девочка Роза считала себя сломанной куклой, которой попользовались и выбросили. Родственники мужа прибрали к рукам наследство, выделив мне лишь жалкие крохи пособия, заставили облачиться в черный наряд и отправили обратно к матери. И если вначале я скучала и плакала по ярким платьям, то вскоре поняла, что траур — это моя защита, моя крепость, под которой нахожусь в безопасности.

Никому не была интересна несчастная, носящая мрачные тряпки. А через год, когда я решилась наедине с собой надеть старое красное платье, произошло первое превращение. Стоя у зеркала я сделалась иной. Мое лицо не было красивым в тот момент, я вообще плохо

помню, кем была: брюнеткой или блондинкой. Меня направлял лишь Голод. Я сбежала и долго блуждала по улицам, пока не почувствовала запах хорошо прожаренного стейка. Волшебный аромат вел меня, будто путеводный компас, между улочек и подворотен, и я шла, влекомая им, пока не забрела в тупик.

Там стоял он. Выглядел прилично: дорогая одежда, шляпа-котелок, трость с серебряным набалдашником... Но лучше всего я запомнила его губы, которыми он впивался в почти бессознательную девушку, лежащую между его бедер с задранной одеждой. А дальше провал, я лишь помнила, как после вытирала его кровь о свое красное платье.

Очнувшись утром, я чувствовала себя наилучшим образом. Полной сил и энергии, счастливой, как никогда раньше, и лишь увидев следы запекшейся крови под ногтями и испорченный наряд, смертельно испугалась. Долго отмывала с тела улики преступления, а после разрезала грязную одежду в лоскуты и сжигала клочок за клочком на заднем дворе с садовым мусором. В газетах так и не появилось ни слова об инциденте, словно и не было ничего той ночью, но я не забывала об этом никогда.

Примерно через полгода я вновь почувствовала приближение жажды чужой жизни. Это пугало меня, я боялась вновь превратиться в монстра и тех поступков, что делаю, будучи им. И я держалась до последнего. Заставляла себя сидеть в комнате, не поддаваться влечению ночи и не сбегать.

Вначале мне было плохо только вечерами, а после состояние стало появляться днем. У меня начался жар, а следом тут же знобило, я не могла есть обычную еду и даже воду пила с трудом. Все, о чем могла думать, это о Голоде и запахах, которых вокруг стало превеликое множество.

Я даже рассказала матери о них, но она, испугавшись, что у меня начался бред, вызвала лекаря. Пожилой врач пах засохшими апельсиновыми корками, такими, что кладут в шкаф от моли. Абсолютно не аппетитно, но Голод звал. И той же ночью я сорвалась.

Новое неконтролируемое превращение, и вновь я сбежала. На этот раз крови на руках не было, но следующим днем я прочла в городской газете о страшном массовом убийстве — в одной из таверн обнаружили четыре мужских трупа. Подробностей убийства не указывали, но я знала, чьих это рук дело. Тем более, что уже с утра мое здоровье пошло на поправку.

Я сделала из того случая выводы. Полностью контролировать свой дар или проклятье не могу, но судьба давала мне шанс разобраться с его особенностями и научиться с ним жить. За несколько лет я сумела понять, что означают запахи, о чем говорит их интенсивность, а еще понять, что питаюсь я чужими жизнями, не прожитыми годами подонков, временем, которое выпивала из них.

Если не изменять внешность и не использовать полученную энергию, то одного убийцы или насильника мне хватало на полгода тихой жизни. Если же я изволила шалить, то и месяца оказывалось мало.

Теперь же, понимая, что из-за своей слежки за Пикертом и позирования Мишелю я растеряла слишком много драгоценного ресурса, кляла себя за нерациональность. Проживая по соседству с Лорном, я и так ходила по лезвию ножа. Завтра же мне придется обязательно улизнуть из дома, найти новую жертву, оставить после себя очередной труп подонка и только потом затаиться. Быть может, полгода тишины хватит, чтобы расследование столичного детектива признали неудавшимся и свернули за нехваткой улик.

С этими мыслями я встала с пола, переоделась и легла в холодную кровать. Мне следовало доспать оставшееся утреннее время, а днем заняться не менее важными делами,

для чего отправиться в город.

Сегодня я собиралась избавиться от одной отягощающей вещи, которая грызла мою совесть — обручального кольца Бриттани, что всучил ее женишок, желая откупиться. Я планировала заложить украшение в ломбарде без права выкупа, а вырученные деньги пустить на оплату счетов. Хоть какой-то толк будет от Оливера Пиккерта.

Ювелир недовольно покрутил перстень в руках. Вправо-влево, придирчиво вглядываясь через увеличительное стекло в грани камня, а после недовольно цокнул:

— Пятнадцать медяков!

— Сколько?! — я сама не узнала свой голос от потрясения. Сумма, названная мужчиной, была просто смехотворна, кофе в забегаловках хотя стоило дороже. — Но ведь камень...

— Стекло, — одернул меня ростовщик, не давая закончить фразу. — Сам материал кольца — латунь, покрытая золотой краской. Ваше кольцо — подделка, хотя и выполнена весьма аккуратно! Собственно, поэтому я и предлагаю вам хоть какие-то деньги, будь украшение еще и безобразным, лично бы выбросил эту пошлость в помойное ведро.

Говорил ювелир четко, уверенно, правдиво. Но я же, отчего-то решила, что меня пытаются надуть. Выхватила у мужчины из рук кольцо и с гордостью вышла из его лавки, правда, тут же направились в конкурирующую контору.

А затем в еще одну, и еще одну.

Везде я слышала одно — стекло, латунь, подделка. Радовало хотя бы то, что надо мной никто не смеялся. Наоборот, все ростовщики на меня смотрели с сочувствием. Наверное, глядя на мое потерянное выражение лица, им сразу в голову приходила грустная история, где бедняжка по глупости приобрела эту финтифлюшку за огромные деньги, и теперь узнает истинную правду о цене изделия.

Я рычала и бесилась. Нет, мне было не жаль денег, которых я не получила. Было жаль Бри, которую оценили кольцом за пятнадцать медяков. Проклиная Пиккерта, я уже пожалела, что отпустила его так просто из города. Нужно было переломать ему предварительно все пальцы и начать с безымянного. Ито, этого было бы недостаточно за унижение, что он приготовил для моей сестры.

Даже скряга и мерзавец Вивальд подарил мне на свадьбу тонкий золотой ободок с розовым камушком. Ему, как аристократу, было стыдно оставлять меня без достойного кольца. И не важно, что этот подарок я потом зарыла в его же могилу, но факт оставался фактом.

Пиккерт собирался вручить Бриттани на помолвку кусок стекла и металла. Неслыханное оскорбление.

Интересно, чтобы он придумал, когда у Бри проявились бы симптомы аллергии на латунь, навряд ли поспешил сознаться.

Я почти бежала по мостовой, гневно стуча каблуками, при этом продолжая сжимать в руках дурацкое украшение, а едва дошла до городского моста, не выдержала и, замахнувшись со всей силы, отправила этот кусок семейного позора в реку.

Колечко описало красивую дугу и кануло в темные воды Камеи. На душе вдруг сразу стало капельку легче.

— Потрясающий бросок, — раздалось позади. — Удивительная сила и техника метания, метров пятьдесят пролетело.

Я резко обернулась, встретившись взглядом с детективом Ричардом Лорном. Его голос я узнала сразу, но вот, что он тут делает?

— Вы следили за мной? — плохо сдерживая эмоции, взвизгнула я. В уме при этом прикидывая, как давно он мог за мной идти и что видел.

— Бросьте, — следователь небрежно отмахнулся и подошел к кованым перилам моста, чтобы опереться на парапет, широко расставляя руки и глядя вдаль. Я невольно скользнула оценивающим взглядом по его мощной фигуре, которую так выгодно подчеркивал черный костюм, выглаженный по идеальным стрелкам, и мгновенно отвела взгляд. Лорн для меня враг, нашла на кого любоваться. — Я всего лишь выходил из участка, когда вы пронеслись мимо меня словно фурия, едва не сбив, и даже не удосужились меня узнать. После такого я просто не мог не пойти за вами и не узнать о причинах столь бурного настроения. Быть может, вам требуется помощь.

Слово “Фурия” больно резануло мой слух.

— Ничего не требуется, — автоматически огрызнулась я, с облегчением понимая, что участок миновала от силы минуты две назад и действительно, зацепила там чью-то фигуру. Но мое состояние было настолько взвинченным, что я заметила это. — Спасибо за заботу, детектив Лорн, но я, пожалуй, пойду по своим делам.

Изобразив книксен, невозмутимо развернулась и двинулась дальше по улице.

Меня тут же догнали. Отпускать мою скромную персону Лорн явно не намеревался.

— Баронесса, могу я пригласить вас на чашку кофе? — спросил он, а я от шока столбом встала, ноги отказались двигаться, а идущий за мной незнакомый мужчина едва не врезался в меня.

— Что? — ошарашено выдохнула, не веря своим ушам. — Кофе?

— А что в этом удивительно? — Лорн смотрел на меня вполне приветливо, даже улыбался. — Нет ничего плохого, если мужчина приглашает женщину испить чашечку ароматного напитка в людном кафетерии днем.

— Не женщину, а вдову, — уточнила я, все еще приходя в себя.

— Насколько помню, вдовы тоже пьют кофе, — все также улыбаясь, пошутил он. — А заодно, быть может, сумеют рассказать, кто же их так обидел, что они носятся по городу и выбрасывают в реку кольца.

Воздух в моей груди застыл и перестал циркулировать. Как дышать я тоже забыла. Вот за какие заслуги судьба послала мне такого глазастого недруга, что он даже в летящую в воду побрякушку сумел разглядеть?

Я шумно и с усилием выдохнула. Медленно, считая про себя числа и пытаясь взять себя в руки, чтобы успокоиться.

— Ну право, миссис Клайвшот, — продолжал уговоры полицейский. — Сегодня утром я стал свидетелем вашего возвращения домой не в самом идеальном расположении духа, а сейчас вы выбросили кольцо. На лицо явные признаки, расстройства из-за мужчины. Так позвольте же, хоть немного поднять вам настроение и угостить если не кофе, то хотя бы пирожным!

Я закатила глаза. Со стороны, наверное, смотрелось крайне неприлично, но сдержаться, увы, не смогла. Во-первых, поняла, что мне проще согласиться, во-вторых, пирожное — это запрещенный прием.

— Хорошо, — сдалась я. — Но только одну чашечку! У меня сегодня еще много дел в городе, как наверняка и у вас, детектив Лорн!

Рядом с мужчиной я чувствовала себя неловко, а уж когда мы зашли в тихую уютную кафешку, и вовсе растерялась.

До меня вдруг неожиданно дошло, что впервые в жизни вот так буду сидеть наедине с симпатичным мужчиной, почти как нормальная девушка на свидании.

О чем принято говорить в таких ситуациях, я тоже не представляла. Поэтому неудивительно, что усаживаясь на заботливо отодвинутый Ричардом стул, сделала это с абсолютно прямой спиной, словно механическая кукла с плохо гнущимся телом.

— Вы слишком напряжены, — Лорн присел напротив и с интересом изучал, как я комкаю верх сумочки и плотно сжимаю губы, едва ли не закусывая их зубами с обратной стороны.

Мне и самой было стыдно за подобную реакцию, она была абсолютно не характерна для всегда собранной меня. Так откуда же взялась эта неловкость и стеснение?

— Непривычное место и непривычная компания, — ответила я сама себе и заодно ему. — Как вы могли догадаться, я не часто общаюсь с мужчинами в кафетериях!

— Тем ценнее, что вы пошли на этот поступок ради меня, — он подозвал официанта и, ткнув в меню несколько позиций, тут же отпустил.

Я удивленно проследила за его действиями. А как же предложить даме самой выбрать? Разумеется, я бы ничего не заказывала, но правила приличия никто не отменял.

— У вас удивительное лицо, Розалинда, — мужчина расслабленно откинулся на спинку стула. — Иногда, вас легко прочесть, как сейчас например. Вы задаетесь вопросом, почему вам не предложили меню, но ответ на него прост: я знаю, что вы откажетесь и закажете лишь воду. Поэтому сделал заказ за вас.

Мое лицо вспыхнуло от возмущения. Да, я бы так и поступила, но ведь это не значит, что он имеет право решать за меня.

— Это невежливо с вашей стороны, — как можно тише прошепелявила я, стараясь не шипеть.

— А иногда вы непроницаемы, — словно не услышав предыдущей реплики, продолжил Ричард. — Обычно я легко разгадываю людей, но в вашем случае чувствую какую-то неправильность, которую еще не могу объяснить. Но обязательно пойму, в чем дело...

Я сощурила глаза. Мне бы впору испугаться, ведь он почти открыто угрожал, но вместо этого я решила испортить игру Лорну.

— Быть может разгадка гораздо банальнее? — усмехнулась я. — И дело в том, что я вам попросту нравлюсь?

— Мне нравятся многие женщины, — он был невозмутим, и все же я почувствовала в нем слабину.

Навряд ли связанную со мной, но что-то иное, что давало мне возможность зацепиться за эту тему.

— Других женщин вы понимаете. У вас наверняка огромный опыт в общении со слабым полом. Уверена, многие влюблялись в вашу идеальную внешность, а вы с успехом разбивали им сердце. Вы ведь привыкли, что с женщинами легко, а мои поступки, если и способны понять, то не до конца.

В этот момент принесли заказ. Официант поставил передо мной шоколадно-бисквитное пирожное и чашечку ароматного кофе. Перед детективом возник классический черный чай и

тарелка с тостами.

Вполне ожидаемый выбор для мужчины, и все же сладкое меня обрадовало. Я с удовольствием вонзила ложечку в десерт и, лишь попробовав лакомство, продолжила:

— Безусловно, с выбором пирожного вы угадали. Существует очень мало девушек и женщин, равнодушных к шоколаду.

— А равнодушных к мужчинам? — собеседник поднес ко рту чашку, пряча за ней выражение губ.

— Если вы намекаете на меня, то к мужчинам я не равнодушна. Как раз наоборот.

— Но вы не замужем.

— Я там была, мне не понравилось.

Еще одна ложечка десерта растаяла на моем языке.

— Предположим, ваш брак действительно не самый приятный факт биографии, — согласился Лорн. — Но ведь вам предлагали руку и сердце другие мужчины. Констебль Буллет рассказывал о сватовстве к вам многих достойных аристократов.

Мне пришлось состроить самое скорбное выражение лица из всех возможных.

— Быть может, Сэм забыл упомянуть, чем закончились все эти попытки? Я больна, мистер Лорн. Первый брак нанес мне тяжелейшую душевную травму, теперь я и помыслить не могу об отношениях с мужчиной.

Выражение лица детектива явственно говорило, что мне ни на йоту не поверили.

— Бросьте, — он стал серьезным и наклонился вперед, чтобы как можно тише прошептать: — Вначале я поверил этим рассказам, но ваш сегодняшний ночной поход заставил меня усомниться. Да и все ваше поведение говорит об обратном. Мужчин вы не боитесь, иначе не пошли бы бог весть куда, после заката, в одиночку. Да и ваш цветной наряд заявлял сам за себя.

— И что же он заявлял? — усмехнулась я, наклоняясь так же близко и с вызовом глядя в его зеленые глаза.

Мне вдруг стало любопытно, что детектив надумал и каких гипотез настроил. Да и сама ситуация неожиданно начала меня развлекать. Здесь не я жертва и не Лорн охотник. А если начнет рыть слишком глубоко, то в один день мне придется попуститься принципами и свернуть чью-то весьма красивую и мужественный шею.

— Так о чем говорило мое платье? — выдохнула вопрос ему в губы.

— Вам было, для кого наряжаться, — моя выходка Лорна ничуть не смутила, он скорее воспринял ее за забавное проявление флирта.

Я усмехнулась, не желая разубеждать Лорна в его неправоте.

— Вы так говорите, детектив, будто завидует этому счастливчику, — незаметно я втягивала в себя его аромат. Мужской парфюм, смешанный с чем-то неуловимо пикантным, пряным, похожим на гвоздику в сочетании с имбирем.

— Завидую? — Лорн не спешил отстраняться, наоборот, на кончиках его губ играла заинтересованная усмешка. — Зачем завидовать тому, чье кольцо выбрасывают в реку.

Не знаю, как не расхохоталась ему в лицо, но выводы Лорна меня смешили. Особенно эти “гениальные логические цепочки”. Если это лучший столичный детектив, то расследование убийств рискует зайти в тупик гораздо раньше, чем я рассчитывала. Что, в принципе, не плохо!

И все же, кое на какие мысли поведение Лорна меня натолкнуло. Чтобы быть в курсе продвижения дел в участке, мне нужно с ним сблизиться. Тем более, что сам Ричард явно не

против.

“Держи друзей близко, а врагов еще ближе”, — вспомнилась старая пословица, весьма подходящая к случаю. Мне нужно очаровать Лорна, втереться в доверие. Это станет неплохим решением проблемы. Все же убивать мужчину мне не хотелось, а обман не казался чем-то ужасающим.

— А я смотрю, детектив Лорн, вы любите играть, — пользуясь близостью его лица, я, чуть царапая ногтем, провела пальцем по гладковыбритой щеке. Зрачки в зеленых глазах мужчины расширить, а дыхание стало шумным. — Что же, давайте поиграем! Разгадайте меня, Ричард!

Я резко отстранилась и, все так же сохраняя на лице уверенную улыбку, встала из-за стола. Если перед детективом уже не было смысла играть несчастную вдову, то этим нужно пользоваться. Пусть видит перед собой женщину уверенную, опытную, не стесняющуюся своих желаний, бросающую ему вызов и задевающую самолюбие.

Бри была права, я ему нравилась. Мой чуткий нос не мог не уловить запаха мужского желания, а значит брошенные зерна падали на благодатную почву. Мое поведение обязательно зацепит Лорна, а дальше дело техники. Правда, еще незнакомой для меня: поддерживать отношения с женщиной, а не убивать его.

И все же я была уверена, что справлюсь.

— Спасибо за отличную компанию и десерт, господин Лорн, — глядя на детектива сверху-вниз, проворковала я. — Было приятно провести с вами время.

Пока мужчина не опомнился, грациозно развернулась на каблуках и с видом, полным достоинства, вышла из кафе. На этот раз за мной Ричард не пошел, я видела, как он смотрит мне вслед, сидя у столика за окном. И это меня несказанно радовало.

Поймав извозчика, я отправилась в банк. Там долго возилась с бумагами, совершая анонимный денежный перевод на имя Бриттани. Банковский работник смотрел на меня со странным выражением лица, особенно пока проводил столь странную операцию. Пришлось очаровательно улыбнуться и соврать:

— У сестры скоро праздник, я хочу, чтобы деньги оказались для нее сюрпризом.

Я не боялась, что он кому-то может рассказать. Все же мы находились в отдельной кабинке и посторонние увидеть нас не могли, а банковские операции представляли коммерческую тайну для третьих лиц. Даже полиции без специального ордера не узнать, что именно я делала в банке.

А вернувшись домой, остаток вечера провела в тишине и покое. Бри и Эмили занимались чем-то в саду, а матушка решила посетить одну из своих многочисленных подруг, я же воспользовалась редким моментом одиночества и отдыхала с книгой в библиотеке.

Когда до заката оставался час, я захлопнула том и вышла из читальни. Теперь покидать ночами дом для меня будет сложнее, а значит, следовало сменить тактику. Сегодня бежать через окно я не собиралась.

Вышла в сад и обратилась к собирающей мольберт и краски Эмили.

— Я, пожалуй, пройду по городу, дойду до ночной аптеки на набережной. Пока сидела в библиотеке, у меня разболелась голова.

Младшая сестра с сомнением глянула на морщущуюся от мифической боли меня.

— Роуз, а не слишком ли поздно? Разве дома нет микстуры?

Я недовольно покачала головой. Микстуры, разумеется, не было, ее остатки я вылила в

раковину перед тем, как пойти в библиотеку.

Сестру поддержала Бриттани.

— Матушка будет недовольна, если вернется, а тебя нет дома. Да и ночь на дворе, не лучшее время для прогулки.

Я лишь отмахнулась от сестрицы.

— Бри, с каких пор ты стала такой занудой? — я устало потерла якобы болящие виски. — Ты прекрасно знаешь, что матушка от миссис Клаудии никогда не возвращается раньше полуночи. Я же прогуляюсь, куплю лекарство и сразу вернусь.

Бри насупилась: она бы хотела попроситься вместе со мной, но боялась гнева матушки. Я же, будучи вдовой, могла себе позволить подобные вольности.

— Обещаю, что буду идти только по людной набережной, — соврала я сестрам, чтобы не беспокоились. — И постараюсь побыстрее.

— До ночной аптеки и обратно полтора часа ходу, — буркнула Эми. — Тебе проще и безопаснее нанять экипаж.

— Не хочу трястись в колеснице, и так голова будто в тумане, еще укачает ненароком, — вздохнула я и вернулась в дом.

Мне нужно было взять с собой плащ и сумочку. На самом деле, ни в какую аптеку я не собиралась, а вот слегка не дойти до набережной и забрести в портовый городок, где обретались матросы, шлюхи, царили хаос и беспорядок — в мои планы входило. Там было проще всего найти подходящего мужчину, который утолит мой Голод.

Правда, на этот раз спать со своей жертвой я не собиралась, времени и так в обрез. Сегодня придется питаться по ускоренному сценарию.

Я вышла за пределы поместья, прикрыв за собой створки ворот, и двинулась вперед по улице, но вскоре свернула в узкий проулок, чтобы сократить путь. Затем долго петляла меж домов, пока не вышла на один из центральных проспектов городка. Недолгое время шла по нему, любуясь витринами еще не закрывшихся кофеен и ресторанов. С каждой минутой я ощущала приближение ночи, которой сумерки уступали свои позиции. Все явственнее чувствовались запахи, и я спешила туда, откуда тянулись самые соблазнительные из них.

Я поплотнее укуталась в плащ и накрыла лицо капюшоном — менять внешность сейчас не хотела, под капюшоном всегда успею это сделать, а вот энергию беречь было нужно.

Впереди уже маячили первые здания портового городка, когда кто-то с силой дернул меня за локоть и потянул в ближайшую подворотню. Я пискнула больше от неожиданности, чем от истинного испуга, но рот заткнули дурно пахнущей мозолистой рукой. Подумать только, меня поймал какой-то мерзавец и теперь тащил творить свои мерзкие дела. Хохоча в душе от столь смешной для себя ситуации, я, ради соответствия обстановке, даже побрыкалась и попыталась отбиться. Мне, правда, тут же больно ткнули кулаком в бок.

— Не дергайся, сучка, иначе подправлю личико, — и даже ножом перед лицом помахали.

Зато я разглядела своего обидчика. Типичный бандит. От него разило алкоголем, виноградом и перцем — запахи грабителей и любителей развлекаться с доступными девицами.

Дергаться я и в самом деле перестала, мне было даже любопытно, что произойдет дальше. Раньше на меня столь открыто нападать никто не решался. В то же время, это было даже хорошо. Жертва сама нашла своего убийцу.

Бандит швырнул меня к стене, прижимая к холодной кладке и приставив к горлу нож,

потребовал:

— Хочешь жить?

Я испуганно кивнула. Жить очень хотелось, а кушать еще больше.

— Умница, — гоготнул он, щекоча лезвием мою шею. — Значит, сейчас отдашь мне свой кошелек и поднимешь юбку. Расставишь ножки пошире и мы с тобой развлечемся.

“Да-да! Развлечемся!” — почти пели мысли в моей голове.

На деле же я всхлипнула и дрожащими руками отдала бандюге ридикюль.

— Какая покладистая сучка, — кончик лезвия коснулся моей брови и стал медленно спускаться вниз по щеке. Сильно дергаться сейчас я все же побоялась, этот идиот мог ненароком меня порезать, но вот натурально всхлипывать я не забывала. — А теперь молча задирай юбку и только попробуй пискнуть. Прикончу.

Он блефовал. Передо мной стоял не убийца. Ранить мог, избить тоже, но убивать бы не стал. Я послушно начала поднимать полы платья, пальцы дрожали, правда, не от волнения, а от жажды, что бесновалась внутри меня. Единственное, что беспокоило — это то, что я не успела изменить свое лицо до того, как была поймана. А значит, из этой подворотни подонки живым не выйдут точно, ему я не оставлю даже нескольких часов до рассвета.

За этими сладостными мыслями, я даже глаза поплотнее зажмурила, уж слишком предвкушающий у меня был взгляд.

Однако грабитель воспринял это за очередное проявление испуга и лишь шумно сопел мне в лицо, издавая невнятные, но довольные звуки, пока извлекал свое оружие из штанов.

Внезапный грохот заставил меня распахнуть глаза. Ощущение близости чужого тела пропало, так же, как и кончик лезвия. Кто-то забрал у меня добычу и теперь пинал ее ногами в метре от стены. Я видела лишь фигуру своего “спасителя” и с ужасом узнала в ней детектива Лорна.

Всхлипнула. Громко.

Еще раз всхлипнула. Но не от радости, что меня благородно спасли от насильника, а от досады, что забрали еду буквально изо рта.

Вопросами, как этот полицейский тут оказался, я пока не задавалась. Голоду было не до этого, а вот рыдала я уже естественно, натурально, не притворяясь!

Закончив избивать, Лорн защелкнул наручники за спиной гада и бросился ко мне.

— Ну тише, тише, — принялся он утешать меня, справедливо полагая, что у меня началась истерика. — Все хорошо, я успел. Вас больше никто не тронет.

Кажется, он гладил меня по волосам и, прижимая к груди, пытался убаюкать. Я же могла только смотреть сквозь слезы на скрученного грабителя и мысленно облизываться. В довершение всего, сам Лорн стал пахнуть чересчур, одуряюще вкусно. Какими бы грехами не были незнакомая для меня гвоздика и имбирь, но уж очень захотелось их вкусить прямо сейчас.

Неимоверных усилий стоило удержать себя в узде и не приняться раздевать Ричарда прямо здесь и сейчас. Во-первых, после моих желаний он рисковал не выжить, во-вторых, убивать его по-прежнему не хотелось. Навряд ли его грехи были достойны смерти.

— Ваша сестра Бри правильно поступила, обратившись ко мне и попросив проследить за тем, как вы ночью пошли в аптеку. Юная баронесса как чувствовала, что вы не дойдете до набережной! — продолжал он “радовать” меня, думая, что его глупый лепет мог меня успокоить.

Теперь проклинать я начала не только Лорна, но и чересчур заботливую сестрицу.

Плакать прекратила. С трудом, но все же.

Вытерла подолом слезы, подобралась и попыталась встать. Ричард принялся мне помогать, а заодно оправлять складки сбившегося платья.

— Я хочу домой, — как можно увереннее заявила я.

— Боюсь, не получится, — мужчина покачал головой. — Сейчас нужно доставить преступника в участок, а вас опросить и составить протокол. Вы же не хотите, чтобы он избежал наказания?

От этого заявления я дернулась, как от электрического тока. Меня ни в коем разе нельзя было вести в участок. Сколько там могло быть преступников в камерах, таких вкусный и притягательных? Пять-десять? Да я же с ума сойду от этого изобилия!

— Я хочу домой, — повторила и для надежности еще раз всхлипнула. — Нужно вернуться до прихода матери. Да и Бри сойдет с ума, если узнает, что здесь произошло.

Детектив нахмурился. Он смотрел на меня своими зелеными глазами и явно не понимал, почему я не хочу наказать гада-насильника за почти содеянное им.

— В участок я приду завтра днем. Обещаю, — почти взмолилась я, прикладывая ладони на мощную грудь следователя и пронзительно глядя ему в лицо. — Так, чтобы никто в семье не узнал. Прошу вас, я не хочу заставлять их волноваться.

Кажется, моя проникновенная речь заставила его выдержку дрогнуть.

— Хорошо, — недовольно буркнул он. — Сейчас я выведу этого подонка на центральную улицу и передам в руки патрульных. А потом сразу вернусь за вами и провожу домой.

Мне оставалось лишь согласиться, а после ждать, когда Лорн вначале уведет мою “еду”, а затем придет обратно.

Нужно отдать ему должное, заняло это не более десяти минут, но за это время я дважды порывалась сбежать, не дожидаясь его, и каждый раз одергивала себя, понимая, что тогда проблем и вопросов точно не миновать.

— Баронесса, — обратился он. — Как вы себя чувствуете?

— Отвратительно, — честно призналась я, правда относилось это больше к моему голоду. В желудке хоть и не урчало, но в разуме уже начало мутиться.

Огромных трудов стоило идти с Лорном под руку, отвечать впопад на его вопросы и не думать о том, как же аппетитно пахнут случайные прохожие и сам собеседник.

— Ваша сестра поступила весьма разумно, попросив меня отправиться за вами, — Ричард размеренно шел по проспекту, меня при этом не подгоняя. Как раз наоборот, временами останавливался, обеспокоенно вглядывался в мое лицо, убеждался, что в обморок я падать от потрясения не спешу, и только потом продолжал путь.

Я бы и сама была рада поспешить, чтобы пересидеть дома остаток ночи и не сходить с ума от голода, но стоило пройти мимо меня хоть кому-то сотворившему мало-мальский грех, как мои ноги сами останавливались, а я проваливалась в борьбу с внутренним чудовищем.

— Розалинда, если вам так плохо, мы можем присесть и передохнуть на одной из скамеек, чтобы вы немного пришли в себя, — детектив указал на одну из многочисленных лавочек вдоль тротуара проспекта.

Днем они всегда были заняты почтенными матронами, собирающими городские сплетни, сейчас же пожилые блюстительницы морали спали крепким сном, а лавочки в большинстве своем пустовали, разве что влюбленные парочки изредка останавливались возле них и целовались под фонарями.

Перспектива потерять время, засиживаясь на скамейках, мне не нравилась категорически.

— Я хочу домой, — уже в третий раз повторила фразу, ставшую почти заученной. — Давайте найдем экипаж.

Лорн уговорам поддался без сопротивления, и через минуту мы уже тряслись в открытом экипаже. Впереди маячила спина извозчика на козлах. Я невольно принохивалась к его запаху мускуса и апельсиновой цедры. Аромат убийства и смерти, но не таких, за которые приговаривают к казни, как преступника. Убийство вынужденное или случайное. Так пахли солдаты, бывшие на войне, и врачи, на чьих операционных столах умирали пациенты. Вот только несмотря на мотивы, грех все равно оставался грехом, навсегда меняя запах человека.

И если б не мой голод, я бы даже не обратила внимание на возникшего, сейчас же аромат его грехов меня бережил и раздражал. Я пыталась не дышать, вот только Лорн продолжал поддерживать со мной разговор, отчего временами приходилось набирать в легкие воздух.

— Выходит, вы следили за мной от самого дома? — решив, что будет лучше, если я начну задавать вопросы, спросила у мужчины.

— Теперь мне глупо за это оправдываться, — кивнул зеленоглазый. — Было бы гораздо хуже, если б я не подоспел вовремя.

“Это как посмотреть, — грустно подумалось мне. — Бандиту бы точно пришлось не сладко”.

— Я вам благодарна за помощь, — слукавила, стараясь не выдать истинных эмоций и расстройства в голосе.

Ветер сменил направление и теперь до меня опять доносился запах Ричарда.

“Какой же он вкусный!” — мелькнула в голове шальная мысль, а я неосознанно облизала губы. Правда тут же одернула себя, больно закусив до крови нежную кожу. Не хватало только сорваться и наброситься на Лорна здесь и сейчас.

А ведь я была на грани этого состояния, в мозгу послушно всплыли картинки, как я снимаю с него этот чертов идеально сидящий пиджак, стягиваю жилет, затем рубашку, а после, без всякий долгих прелюдий, целую в темные ореолы сосков, скользя пальцами по рельефным мускулам тела.

С губ невольно сорвался мечтательный стон.

— У вас что-то болит? — забеспокоился Лорн, даже не представляя, о чем я сейчас грезил. — Этот подонок навредил вам?

Его голос выдернул меня из чревоугодных грёз, и я поспешила убедить детектива в неправильности его выводов.

— Просто у меня голова болит, — вспомнила о причинах, из-за которых вообще покинула дом. — Я ведь шла в аптеку за микстурой.

— Ах, да. Ваша сестра говорила об этом, — он опять доброжелательно улыбнулся. — Сейчас подъедем к дому, и я вынесу вам снадобье. У нас с констеблем Буллетом дома отличная аптечка на любой случай жизни.

Я даже зубами скрипнула. Из моей головы совсем выскочило, что эти двое — полицейские, а у них, как правило, целый арсенал полезных вещей в запасе. Мало того, что Лорн лишил меня ужина, так еще и лекарствами снабдит, которое всенепременно придется выпить ради подтверждения легенды.

Экипаж повернул на знакомую с детства улицу и вскоре остановился у ворот дома. С

радостью от близости родных стен, я попыталась побыстрее выбраться из кареты. И пока Лорн расплачивался с извозчиком, судорожно дергала задвижку пассажирской дверцы со своей стороны.

— Зря мучаетесь, леди, — обернулся извозчик. — Дверь не работает. Я специально намертво закрепил ее, чтобы во время движения не открылась случайно.

Хорошо, что очередной скрип моих зубов не был слышен, а ведь я не удержалась и от души двинула челюстями.

Пришлось дожидаться, пока выйдет Лорн, а после вежливо подаст мне руку, чтобы помочь спуститься. Едва мои пальчики коснулись его ладони, запряженная лошадь дернулась и решила, что вправе сделать несколько шагов вперед. Карета поехала, а я потеряла равновесие, чтобы быть пойманной ловким детективом.

— Простите, леди, — рассыпался извозчик в извинениях, но я уже его слабо слышала.

Мой нос уткнулся в мужскую грудь и плевать мне хотелось, что происходит вокруг. Запах мужчины свел с ума оголодавшее чудовище внутри меня, оно рычало и рвалось наружу, я же, цепляясь за лацканы черного пиджака, комкала материю и с наслаждением дышала Ричардом. Шумно дышала, полной грудью.

— Розалинда, что с вами? — над ухом послышался бархатный баритон, от которого захотелось разорвать одежду на мужчине прямо здесь и сейчас. Даже голос Лорна сейчас чертовски возбуждал.

— Оу, со мной все в полном порядке, — так же уткнувшись в грудь, выдохнула я и принялась подталкивать мужчину с дороги в сторону ворот.

— Баронесса, что вы делаете? — в голосе Лорна послышалась растерянность, и все же он пятился назад, правда при этом попытался положить мне руки на плечи, чтобы отстранить, но где там.

Второй раз за сутки еду отпускать я не собиралась. И пускай во мне сейчас говорил отнюдь не голос разума, а голод, я уже просчитывала, как сделать так, чтобы и поесть, и не убивать Лорна.

Подняла голову, чтобы взглянуть ему в глаза. Зеленые, задумчивые, растерянные, и все же любопытствующие, что будет дальше.

— Что вы делаете, Розалинда? — повторил он, нервно сглотнув, когда я недвусмысленно прижалась к нему сильнее, особенно там, внизу.

— Иду домой, разве не видно? — через ткань многочисленной одежды я не могла почувствовать его реакцию, но могла поклясться, что она была.

Жажда застилала мне глаза, и я мало о чем могла думать кроме того, как опрокинуть Лорна где-нибудь в кустах маминого сада, снять с него одежду... И... Надеюсь, он не будет сопротивляться. Не применять же к нему силу, в конце-то концов.

Я толкнула мужчину за ворота и отвлеклась от него всего на мгновение, чтобы прикрыть кованые створки. Когда повернулась, была тут же схвачена за плечи в цепкий захват.

— Розалинда, мне кажется, вы не в себе, — он осторожно тряхнул меня, заставляя посмотреть себе в глаза. — Подобное активное поведение случается у жертв насилия. Это защитная реакция психики на произошедшее в переулке. Поэтому давайте я сейчас провожу вас до дома вашей матушки, вы поднимаетесь в свою комнату, выпьете успокоительное и ляжете спать. А утром взгляните на произошедшее трезвым взглядом.

Не знаю, о каком трезвом взгляде он говорил, но сейчас я видела перед собой только его

четко очерченные губы, казавшиеся такими сочными, словно спелая малина. Сорвать, скользнуть языком по ягодке, сжать зубами, выдавливая сладкий сок, посмаковать и только потом съесть, чтобы насытиться.

Нужно только дотянуться. Извернувшись, я сама положила ему руки на грудь и, словно таран, впечатала в ближайший заборный столб.

Привстала на цыпочки и приблизилась к его лицу. Мои губы были призывно раскрыты, и Лорн это видел. Он и сам следил за моими движениями, шумно дышал, пытался говорить о чем-то вразумляющем, пока я терлась своим телом о его одежду, но для меня все звучало крайне неубедительно.

Все, кроме вкуса его губ и поцелуя, которым я заткнула такого занудного в этот момент детектива.

Его руки по-прежнему покоились на моих плечах, и он бы мог попытаться оттолкнуть меня прочь, но Лорн замер. Его запах усиливался, кружа мне голову, а я неистово целовала его губы, наконец пробуя вкус жизни этого мужчины.

Это не было полноценным ужином, скорее, легким бульончиком для голодающего. Но боже! Как же он был вкусен!

Я не долго дразнила его, через мгновение уже Ричард вел в этом парном танце. Он развернул меня спиной к прохладному столбу, а я позволила целовать себя, скользить его рукам по моему телу, чтобы оказаться на талии и прижать меня еще ближе.

На мгновение он оторвался от моих губ, чтобы прошептать что-то на ухо, но это не входило в мои планы, и я снова впилась в него языком. Мне не нужны его глупые слова и фразы, только немножечко жизни. Я возьму чуть-чуть. Всего полгодика, это даст мне неделю, чтобы продержаться до следующей жертвы.

Момент, когда стоило прекратить, я почувствовала очень остро. Внутри меня словно что-то щелкнуло. Хватит!

Я почти бросила чужие губы и резко отшатнулась от мужчины. Мой разум пришел в норму, рациональность мышления вернулась, а вместе с этим и осознание, кого только что чуть не съела.

А вот Лорн выглядел растерянно. Минуту назад я была готова едва ли не на все, а сейчас, словно барышня с семью пятницам на неделе, передумала.

Да и он хорош. Вначале якобы попытался быть голосом моего разума, а затем без зазрения воспользовался сговорчивостью дамы.

Я схватилась за виски и замычала, стиснув зубы.

— Пожалуй, вы правы, детектив, — болезненно заметила я, — кажется, моя головная боль плохо влияет на рассудок.

Он выпустил меня из объятий, а я чуть на землю не осела. Ноги предательски подкосились, явно сказывалось нервное перенапряжение.

— Розалинда, вам плохо? — Ричард опять выглядел обеспокоенно. Теперь он просто помогал мне держать равновесие и явно ни о чем большем не помышлял. — Вы выглядите весьма бледной.

Да, мне было очень плохо. Он даже не мог представить, как. И даже не притупившийся легким перекусом голод был тому виной, а элементарный страх перед тем, как опасно я только что разгуливала по краю пропасти. Вначале едва не убила бандита-грабителя на глазах у детектива, а затем самым Лорном поужинала.

И сейчас я чувствовала острую потребность сбежать подальше от мужчины, который так

трепетно удерживал меня за талию.

— Мне нужно прилечь, — почти взмолилась я. — Пожалуй, лучше поторопиться и вернуться домой.

— Я провожу вас до крыльца, — безапелляционным тоном сообщил Лорн, так что отказываться я даже не пыталась. Сразу понятно, что бесполезно.

Пока мы шли по тропинке в полном молчании, я мечтала, как запрусь в своей спальне до утра, а потом безвылазно посижу дома остаток недели. От греха подальше, дабы не искушать судьбу.

Но уже у самых дверей Лорн мои планы скорректировал:

— Я буду ждать вас завтра в участке. Вы обещали дать показания против подонка, напавшего на вас.

Мучительный стон сорвался с губ.

— Хорошо, — согласилась я, правда решила оставить себе крошечную лазейку: — Если буду чувствовать себя лучше!

— Надеюсь на улучшение вашего самочувствия.

“А я наоборот!” — призналась сама себе, веря, что сумею провалиться с симуляцией какой-нибудь инфлюэнции минимум неделю.

— Спасибо, что проводили, господин Лорн, — решила, что хватит на меня сегодня вежливости и стала заканчивать разговор.

Но прежде чем я успела прошмыгнуть в дом, Ричард поймал мою ладонь и коснулся ее губами.

— Доброй ночи, баронесса...

А через полчаса, когда я уже лежала в своей постели, в дверь постучалась матушка. Она только что приехала с дружеских посиделок, находилась в прекрасном расположении духа и от этого стучала в мою дверь особенно активно:

— Роуз, ты спишь?!

— Нет, — устало вымолвила я, вставая с постели и открывая ей дверь. — Что случилось?

Вместо ответа мне протянули склянку с микстурой от головной боли.

— Наш постоялец, мистер Лорн, сказал, что ты сегодня не сумела купить лекарства в аптеке и просил передать это тебе.

— Спасибо, — я сдержанно поблагодарила ее и, нерешительно забрав флакончик, приготовилась закрыть дверь.

Но в образовавшуюся щель матушка быстро просунула ногу, мешая осуществить задуманное:

— Роуз, ты бы пригляделась к Ричарду, — заговорчески произнесла она. — Прекрасный молодой человек, да и явно оказывает тебе знаки внимания.

— Склянки с микстурой — это не знак внимания, — воспротивилась я.

— Это намного лучше, деточка, — глубокомысленно заметила мама. — Это забота, а она стоит дороже, чем все цветы мира!

Родительница убрала ногу и, развернувшись, двинулась к своей спальне. На сегодня она явно сказала мне все, что хотела.

Я захлопнула дверь. Звук вышел громче, чем я рассчитывала. Остервенело закинула склянку с лекарством в ящик тумбочки (пить я ее не собиралась) и вновь легла в кровать.

Сегодняшний поцелуй с Лорном не выходил из головы. Да, он дал мне немного времени

— неделю на разработку плана как жить и находить еду дальше. Вот только цена у моего питания была слишком высока для детектива: пусть он никогда и не узнает, но теперь проживет мужчина на полгода меньше.

Я прикрыла глаза, чтобы попытаться уснуть, но слишком много мыслей роилось в голове. Сном я сумела забыться только под утро, а когда Эмили пришла будить меня на завтрак, я соврала ей про плохое самочувствие из-за пришедших женских дней.

В участок не пошла ни к обеду, ни к вечеру, да и на следующий день территорию дома не покинула.

Ко мне в спальню несколько раз заходила Бри, она радостно рассказывала о том, что про меня спрашивал Лорн. Сестра в поведении мужчины явно видела романтическую подоплеку, я же ясно дала ей понять, что про детектива даже слышать ничего не желаю.

Так мне удалось отлежаться в своей комнате целых пять дней. Я почти не выходила, разве что на приемы пищи и несколько раз дышала воздухом в саду. А вот утром, в пятницу, встать пришлось из-за ужасного переполоха, который устроила матушка в гостиной. Оттуда слышались радостные вскрики, хлопанье в ладоши и едва ли не бурные танцы.

Что вызвало столь яркую реакцию, стало понятно, когда я спустилась. Ко мне тут же подлетела Бриттани, помахивая перед лицом каким-то листом бумаги и делясь радостью:

— Роуз, у меня богатый поклонник! Смотри, — она сунула мне под нос лист с выпиской банковского счета, где значился анонимный перевод на имя сестры. Тот самый, что я делала в начале недели. — Теперь мы можем оплатить наши долги и еще останутся деньги на некоторое время!

Разделяя ее радость, я и сама захлопала в ладоши, вкладывая в аплодисменты как можно больше энтузиазма.

Счастливы были все: Эмили, вальсирующая сама с собой, матушка, которая читала письмо из банка вслух уже трижды, и Бри, мысленно выходящая замуж за неизвестного дарителя и видящая их будущих детей.

— Вероятно, кто-то заметил меня на выставке у Мишеля, — предположила она. — Или прочел обо мне статью в городском вестнике.

— Не исключено, — согласилась матушка. — Однако меня все же смущает столь большой денежный подарок. Это нетрадиционно, и если б не анонимность, я бы решила, что нашу семью хотят втянуть в какую-то авантюру или потребуют ответных любезностей!

— А отправителя никак не отследить? — как бы невзначай поинтересовалась я. Не то, чтобы меня это волновало, ответ я и так прекрасно знала, но спросить ради приличия все же стоило.

Мать покачала головой.

— Ни один банк не рискнет своей репутацией, соглашаясь раскрыть тайну. Им поэтому и доверяют деньги.

Когда радость от неожиданного подарка поутихла, мама принялась разбирать полученную корреспонденцию дальше.

— Роуз, это тебе, — без интереса она протянула мне маленький голубой конвертик. — Это от Мишеля. Быть может, теперь он хочет нарисовать и твой портрет.

В конверте оказалась короткая записка. Признаться, я ожидала чего угодно, но не этого: “Дорогая, Розалинда! Портрет твоей подруги удалось закончить раньше, чем я рассчитывал. Заказчик в восторге. Он хотел бы встретиться с твоей подругой, но она не оставила своих координат. Не могла бы ты передать ей просьбу о встрече с ним? Пусть

напишет время и место. Клиент всенепременно придет выразить ей свое почтение и благодарность.

С любовью, Мишель Л."

Письмо я перечитала трижды.

Разумеется, ни о какой встрече даже речи идти не могло.

— О чем пишет наш друг? — полюбопытствовала Бриттани, заглядывая в записку.

Я тут же перевернула ее, пряча текст, на что сестра явно обиделась.

— Сущие пустяки, — отмахнулась от девушки.

Подошла к столику, где всегда лежала стопка чистых конвертов, и быстро составила ответ.

“Она против”.

Всего два слова, зато сколько смысла.

Упаковала записку и вышла из дома, чтобы бросить письмо в ящик для почты. Для этого пришлось миновать сад, пройти мимо гостевого домика и выйти на улицу. Столкнуться с Лорном в столь раннее время я не боялась, он наверняка был на работе.

Когда с отправкой конверта было закончено, и я вернулась в гостиную, там по-прежнему царил веселье, но уже по другому поводу.

— Розалинда, — опять подскочила Бри, на этот раз трясая перед моим лицом черной продолговатой картонкой с золотым тиснением, — нашу семью пригласили на бал-маскарад!

Мои глаза невольно закатились: час от часу не легче.

— Там наверняка будет поклонник Бриттани, — всплеснула руками матушка, — так что мы просто обязаны пойти.

Я нахмурилась. Слишком категорично родительница произнесла это “мы”, лично я идти никуда не собиралась. Правда, взглянув на приглашение внимательнее, все же усомнилась.

— Начало в десять вечера, — задумчиво протянула я. — Не слишком ли поздно для выхода в свет незамужним дамам?

Эмили, которая мысленно уже танцевала на своем первом балу-маскараде, замерла. С ее лица исчезла улыбка, зато появилось осознание — в свои годы на таком позднем мероприятии ей делать нечего.

— Ну ма-ам, — тут же принялась она за уговоры, хоть сама баронесса ей еще и слова против не сказала. — Я очень хочу на маскарад! Тем более, приглашено все семейство Клейтон!

— Мы все пойдем, — матушка всплеснула руками. — Поздний час — это, конечно, печально, но ведь с вами буду я. Правила позволяют посещать такие мероприятия в сопровождении старших женщин рода. Так что я и Розалинда сможем вывести тебя и Бриттани в свет.

Мне пришлось тактично откашляться. Жаль было рушить планы родительницы насчет меня, но выбора она мне не оставила. Если я хотела воспользоваться маскарадом и поискать себе пропитание, то ни о каком сопровождении сестер даже речи быть не могло!

— Мне жаль вас расстраивать, — произнесла я, — но про меня в приглашении нет ни слова. Моя фамилия Клайвшот, в письме же речь шла только о Клейтонах.

Лица сестер стали озадаченными.

— Это наверняка какая-то ошибка, — мама встала со своего кресла и забрала у меня из рук заветную картонку. — Я уверена, это недоразумение.

Она подошла к свету и внимательно вчиталась в строки.

— Ну почему же? — я развела руками. — Кто бы не рассылал приглашения, он явно решил, что мне оно ни к чему. И мне не за что его осуждать. За последние семь лет я не посетила ни одного бала, почему этот должен быть исключением?

“Шах и мат, мама” — мысленно я потерла ладони.

Но матушка меня удивила.

— Нужно написать обратное письмо, — командно заявила она. — Чтобы выслали приглашение на твое имя!

Она стремительно вернулась на свое место, нашла среди множества конвертов письмо, в котором пришло приглашение, и, с полной решительностью составить гневный ответ, вперилась глазами в обратный адрес.

— Хм, мэрия, — озадачилась она. — Что же выходит? Приглашение — это общая рассылка по дворянским семьям?

— Ничего удивительного, — Бри уже немного умерила радость и теперь, усевшись на пуфик, принялась рассуждать: — Бал устраивает мэр. Проходить мероприятие будет в зале главного театра. А раз организацию праздника на себя взял муниципалитет, я почти уверена, что Роуз потом придет отдельное приглашение на ее имя. Просто оно еще не дошло.

— Неважно, — одернула я их всех. — Даже если все так, как вы предполагаете, это не значит, что я пойду на бал. Мне там нечего делать.

— Роуз! — вспыхнула мать. — Может уже хватит? Сколько можно запираť себя в четырех стенах? Ты — молодая красивая девушка с титулом и связями. Пора уже снять с себя траур и задуматься о будущем!

У меня дар речи пропал от внезапности ее заявления. Она, конечно, и раньше пыталась заводить со мной подобные разговоры, но прежде это было в более мягком тоне. Так резко это было впервые.

— Матушка, вы забыли о моей душевной травме? — собравшись с мыслями, вкрадчиво поинтересовалась я.

— Я ни о чем не забываю, — глядя мне в глаза, произнесла она. — Но с последнего рецидива прошло несколько лет. Быть может, ты давно исцелилась. А даже если нет, то любая болезнь требует лечения. Ты же ему препятствуешь!

Я напряглась.

— О каком лечении речь? — процедила я. Уж не о больнице ли для душевнобольных она глаголет?

— О банальной терапии, — пояснила мать. Было видно, что она уже успокаивается после вспышки. — Ты боишься встречи с собственными страхами, а зря! Роуз, оглянись по сторонам: вокруг множество замечательных мужчин, которые интересуются тобой.

Пришлось насупиться. Теперь было понятно, чего она хотела — всего-то обратить мой взор на противоположный пол.

— Ты о Лорне?

Вместо матери ответила Бри. До этого они с Эмили сидели как мыши, притихнув и не вмешиваясь в нашу с родительницей перепалку.

— Детектив справлялся о твоём здоровье каждый день, — голос сестры выражал восхищение заботливым полицейским. — Он был таким милым!

Эмили восторг сестры разделяла, что в ее юном возрасте даже не удивительно. Это меня в тринадцать окунули с головой в реальность этого мира, а младшей сестренке такая судьба

не грозила. Из моей печальной истории семья извлекла хороший урок: не повторять ошибок дважды.

— То бишь мое мнение вам не интересно? — выгнув бровь, спросила у них. — Вам в голову не приходило, что детектив может мне попросту не нравиться?

Судя по вытянувшимся лицам, не приходило.

— Но он же красивый, — мечтательно протянула Бри. — И должность перспективная. Разве этого мало?

— А что, много? — в несвойственной мне манере огрызнулась и перевела взгляд на матушку. — Я сниму траур тогда, когда сама захочу. И уж точно не потому, что на меня кто-то соизволил обратить внимание!

После этих слов я поднялась и покинула гостиную. Пулей взлетев по лестнице, я закрылась в своей комнате и почти час лежала на кровати, разглядывая потолок.

Мало мне было проблем, так к ним еще добавилось желание семьи свести меня с Лорном. С самым неподходящим для меня человеком во всех смыслах.

И дело было даже не в том, что я могла в поцелуе выпить всю его жизнь. Лазейки для близости были. А в том, что он ищет серийного убийцу, которым по сути являюсь я.

Интрижку с ним я рассматривала как способ побольше узнать о ходе расследования, но вмешательство в эти отношения матушки грозило превратить все в редкостный фарс по моему сватовству.

— Роуз, — в дверь постучала Бри, — мама спрашивает поедешь ли ты с нами в город?

— Зачем?

— Нужно купить платья для бала. Не идти же в старье!

Я закатила глаза. Хитрая маменька явно решила зайти с другого бока в желании уговорить меня.

— Езжайте сами, — уверенно отчеканила. — На маскарад я идти не собираюсь, а значит и платье мне ни к чему!

Даже через дверь я почувствовала, что сестра на меня за это обиделась.

— Зря ты так, — буркнула она и ушла.

“А вот и нет!” — язвительно подумалось мне. — “Отнюдь не зря”.

Будучи Розалиндой Клайвшот, я действительно на бал не собиралась. И покупать себе новое платье было бы слишком расточительно. На маскарад у меня были впечатляющие планы. Я собиралась идти ва-банк.

Энергия, полученная от Лорна, уже подходила к концу, и мне нужна была пища. Для этого я собиралась из последних сил изменить внешность и под покровом маски вначале найти пару кавалеров и страстно их поцеловать, а затем поискать кого-нибудь повкуснее и, быть может, развлечься по-взрослому, желательно не убивая.

Конечно, можно было вновь отправиться в портовый городок и попытать счастья там, вот только на балу был шанс обойтись без жертв, довольствуясь вкусом легких грехов. В порту же я рисковала оставить после себя несколько трупов, что в моем случае слишком неосторожно.

В довесок, адекватно рассчитывая свои силы, я понимала: для воплощения нового образа потребуется много сил, которых не было. Проще всего было выбрать одну из старых личин, привычных мне. Какую именно я еще не решила, но склонялась к образу рыжей бестии-журналистки.

Дело оставалось за подходящим нарядом.

Воспользовавшись своим одиночеством в доме, я беззастенчиво притащила из подвала старый манекен и принялась обряжать его в платья и наряды из чемодана.

Выходило нелепо, слишком дешево и элементарно недостойно появляться в таком на приличное мероприятие. Душа требовала чего-то приличного, пускай без лишней роскоши. А пока же на манекене красовалась когда-то пышная, зеленая юбка из протертого бархата и коричневый корсет с серебристыми застежками, металл которых местами казался ржавым. Радовала только накидка на плечи: невесомая, кружевная и абсолютно не подходящая к наряду в целом.

Полная жуть!

Я раздела манекен, гневно запихнула все одежды обратно в чемодан, ни капли не заботясь о том, что ткани помнутся, и в сердцах пнула ногой шкаф, едва не отбив себе пальцы.

Села на кровать и задумалась о том, что амбиции стоит поумерить. Все же я на балу собиралась не мужа искать, а “еду”. Значит и не так принципиальна одежда, в которой я собираюсь трапезничать.

Конечно, хорошее платье привлекло бы больше кавалеров к моей персоне, ведь правильный наряд — это полдела. Теперь же приходилось рассчитывать только на природную наглость и неприязнательность мужчин, которым моя грудь покажется интереснее, чем корсет, за которым она прячется.

Смирившись с этими мыслями я отнесла манекен обратно в подвал, посетовав, что вообще зря его носила туда-сюда.

А возвращаясь обратно, решила до прихода родных провести остаток времени в библиотеке.

Часы за книгами текли незаметно, я даже немного расстроилась, когда дом вновь наполнился гомоном от приезда сестер.

Они были необычайно довольны. Их голоса звонкими трелями разносились под сводами гостиной, и только строгий тон матери немного осаждал радость:

— Вышло дороже, чем я рассчитывала, — хмуро заметила она. — Неожиданный подарок от поклонника Бриттани — это прекрасно, но не стоит так щедро транжирить деньги уже в первый день.

— Матушка, — отозвалась сестра, когда я входила в гостиную, — но ведь на балу мне нужно выглядеть пристойно, чтобы меня заметили.

— Не забывай, что будешь в маске, — произнесла я, решив напомнить Бри о призрачной возможности, что “тайный поклонник” может ее и вовсе не узнать.

— Я все предусмотрела, — повернувшись в мою сторону, сестрица расцвела. Она уже давно забыла об утренней обиде на меня и теперь с восторгом кинулась показывать обновки и продемонстрировала тонкую кружевную полумаску. — В такой он меня точно узнает!

Глядя на аксессуар, который только формально можно назвать маской, с утверждением сестры пришлось согласиться.

— Не слишком ли навязчиво? — усомнилась я в ее выборе тем более сейчас, когда ко мне подошла Эмили и показала свою, гораздо более закрытую и классическую маску из темного бархата. Похоже, что только Бри собиралась идти на маскарад фактически не скрываясь.

— Брось, Роуз, — вместо сестры ответила матушка. — Мы объездили с десятков салонов, продавцы заверили, что эта модель — последнее слово моды. Большинство молодых девушек

будет в чем-то подобном. Все ведь прекрасно понимают, что маскарад — это всего лишь повод вывести в свет невест на выданье. Так что никто из городских семей не станет скрывать и прятать лучшие розы из своих оранжерей!

Я закатила глаза, уже сейчас понимая, в какую ярмарку тщеславия превратится в бал, если мама окажется права, а это скорее всего так и было. Все будут ходить как напыщенные павлины, демонстрируя наряды один дороже другого, изголяться пафосными речами и натужным хвастовством.

Мне же в таких условиях добыть немного еды становилось все сложнее. Во-первых, наряд мой не столь завлекателен, как новое персиковое платье Бри, во-вторых, женщин на балу будет, как и всегда, намного меньше, чем мужчин. А значит, практически каждого свободного постараются заполучить в свои цепкие ручки почтенные дамы с матримониальными планами. В общем, меня ждала серьезная конкуренция за сердце и печень потенциальной еды.

В раздумьях я села на краешек софы и остаток вечера посвятила разглядыванию обновок в гардеробе сестер. На все заданные вопросы отвечала дежурными фразами, а иногда и невпопад. Ведь все мои мысли были там, на балу. Глядя на наряды домочадцев, прекрасно осознавала, какой белой вороной стану на мероприятие. Точнее, облезлой зеленой вороной.

Радовало хотя бы то, что время у меня еще было. За два дня до маскарада я успевала привезти и юбку и корсет в более-менее надлежащий вид.

Из гостиной разошлись ближе к полуночи, уж слишком эмоционально насыщенным выдался у всех день. Сестры и матушки не могли наговориться о будущем мероприятии, а я же делала вид, что поддерживаю беседу.

Уже в спальне я долго вертелась — не могла уснуть. В глубине уже начинало свербеть легкое чувство просыпающегося голода.

Промучившись до рассвета, я все же поднялась с первыми лучами, чтобы просто выйти в сад и подышать воздухом.

Встретить Лорна на пробежке я не слишком боялась, еще вчера я мельком услышала от матери, что на эти выходные Ричард уехал в столицу и вернется не раньше утра понедельника. Эта новость для меня прозвучала словно музыка, ведь теперь я могла улизнуть из дома на бал практически не таясь. Конечно, можно было бы и сегодня уйти, найти себе вкусную жертву и затаиться. Но в сложившейся ситуации, выбирая между одним трупом и десятком зацелованных аристократов, я решила выбрать более безопасное, пусть и диетическое блюдо.

В саду было тихо и умиротворенно. Птицы только начинали свои утренние песни, а роса еще не успела испариться. Я присела на сыроватое сидение качелей и откинулась на плетеную спинку. Так, прикрыв глаза, я просидела почти час. Моя странная апатия мне не нравилась, слишком не вовремя она нахлынула, зато на воздухе меня наконец начало клонить в сон. Борясь с соблазном расположиться прямо в беседке, укрывшись пледом, я силой заставила себя встать и пройтись.

Размять ноги было отличной идеей: кровь побежала по венам быстрее, сознание прояснилось. Я шла по гравийным дорожкам, прогуливалась мимо гостевого дома, и уже решив вернуться назад, заметила, как у калитки ошивается незнакомый мужчина. Он был в форме посыльного. Такие, как он, обычно разносили утреннюю корреспонденцию. Но в руках этого красовалась большая прямоугольная коробка.

Курьер явно чего-то или кого-то ждал, переминаясь с ноги на ногу, но при этом не

трогая колокольчика и не спеша попасть на территорию поместья.

— Вам что-то подсказать? — спросила у него, подойдя ближе.

Сейчас меня и немолодого посыльного разделяла лишь решетка ворот.

Обрадовавшись вниманию, мужчина сделал шаг вперед.

— Доброе утро, леди. У меня послание для баронессы Клайвшот, — держа коробку в одной руке, он полез второй во внутренний карман, чтобы извлечь знакомый конверт.

Не то, чтобы я напряглась, но вчера точно в таком же пришло письмо от Мишеля Лонтье.

— Я — Розалинда Клайвшот, — предчувствуя неприятные новости в послании, представилась курьеру. — Документы нужны?

— Не стоит, — покачал он головой. — Мне объяснили, как вы выглядите, чтобы передать послание лично в руки.

В следующий миг конверт через прутья решетки переключался ко мне, а я дрожащими руками вскрыла записку.

“Милая Розалинда!

Зачем же ваша подруга отказывается так категорично? Неужели думает, что я могу желать ей зла?

Прошу вас, Розалинда, заверьте ее, что мой клиент кристальной честности человек и хочет всего лишь поговорить с ней и ничего кроме.

Если у девушки проблемы с родственниками, он готов лично явиться к ним в дом и поговорить с ее почтенными родителями.

Однако, если прекрасная мисс переживает за свою анонимность или репутацию, граф предлагает ей встречу на маскараде, который пройдет в это воскресенье. И, в знак своих добрых намерений, высылает небольшой презент, не требующий взамен никаких ответных любезностей.

Это полностью бескорыстный подарок с его стороны, который поможет ему опознать девушку под маской среди множества других гостей на мероприятии.

Прошу тебя, Роуз. Передай своей подруге коробку, которую тебе вручит курьер.

P.S. Прогонять посыльного бессмысленно. Граф оплатил ему два дня ожидания под воротами твоего дома. Если коробку не забереешь ты, то рано или поздно это сделают твоя матушка или сестры.”

Я повторно пробежалась глазами по строкам письма, обратила внимание, как хитро Мишель составил послание прыгая с “вы” на “ты”, явно пытаясь меня этим разжалобить. А еще художник загнал меня в угол.

Не могла я теперь оставить курьера под дверью и не забрать коробку. Чтобы в ней не оказалось, если посыльного увидит матушка, вопросов родиться масса.

Мне оставалось только подивиться, какой ангел-хранитель помог в очередной раз заметить неприятности буквально на подходе.

— Я так понимаю, эту коробку вы тоже должны отдать мне? — со вздохом спросила я, кивая на ношу мужчины.

— Именно так, баронесса.

Мне пришлось отворить калитку ворот, чтобы впустить его. Мужчина охотно передал мне непрошенный подарок, заставил расписаться в ведомости и, едва все формальности были соблюдены, поспешил скрыться.

Подарок оказался увесистым, да и волочь коробку к дому было неудобно. Оставалось

только порадоваться, что родные вчера легли спать поздно и в этот утренний час еще не проснулись. Закрыв двери своей спальни, положила коробку на кровать и с сомнением потянула за опоясывающие ее ленты. В принципе, я уже догадалась, какой сюрприз меня ожидает, но вот воспользуюсь ли я им, пока не решила.

Подняв крышку из плотного картона и отложив ее в сторону, я осторожно провела рукой по тонкой бумаге, которой была проложена сверху коробка — золотистая, шуршащая, словно фольга у конфет, но гораздо более блестящая. Сдвинув и ее, я увидела черный бархат материала, расшитый мелкими аметистами.

Я застыла, успокаивая дыхание.

Вещь уже выглядела слишком дорогой для ни к чему не обязывающего подарка.

Но стоило полностью достать платье, а это было именно оно, как дышать я вовсе забыла как. Слишком знакомым оно было, словно копия того наряда из давнишнего сна.

Кромешно-черное, словно сама ночь, и камнями, будто звезды. Хотя при более тщательном рассмотрении наряд оказался и не таким уж похожим на бывшее видение. Этот был менее пышным, но с более глубоким вырезом. В комплекте прилагались перчатки и плотная маска из бархата.

Даже жаль, что платью не суждено увидеть свет. Не собиралась я потакать желаниям заказчика картины и надевать это подарок на маскарад. Но, в то же время, внутри назойливо ерзало чувство неутолимого голода. Разве стоило отказываться от того, что и так шло в руки?

Мой любимый образ черноволосой красотицы не пострадает, если я один раз появлюсь в нем на балу. Что может быть лучше десятков сраженных кавалеров, почти невинных поцелуев и утоленной жажды? Быть может, граф все же надеется на какую-то благодарность с моей стороны за наряд?

Я усмехнулась с некоторой злорадностью: уж слишком он настойчивый был, а за такую назойливость можно немного и наказать.

Я вдруг вспомнила о преклонном возрасте мужчины, и улыбка на моем лице стала оскалом.

Если вдруг окажется, что почтенный господин такой же подонок с гнусными планами на девушку, как и мой бывший муж, то придушу старикашку или устрою более изощренное путешествие на тот свет. Главное — замести все следы.

Скрипнув зубами, я спрятала платье обратно в коробку и убрала в шкаф.

Раз обстоятельства сложились так, грех этим не воспользоваться.

Сестры с матерью отбыли в восемь вечера. Они посчитали, что перед маскарадом нужно заехать к одной из подруг матери, которая, будучи вдовой ювелира, согласилась сдать им в аренду золотые украшения. С собой они забрали констебля Буллета.

Как выяснилось утром, Сэм на балу должен присутствовать в качестве одного из охраняющих порядок полицейских, и хитрая маман тут же подсуежилась, предложив констеблю подбросить его на маскарад, а заодно воспользовалась им в качестве сопровождающей охраны до ювелирки и обратно.

Меня этот расклад событий устраивал полностью. Оставшись дома одна, я заранее приготовилась к тому, что возможно придется вернуться домой позже, чем родственники. Я написала записку матери с просьбой меня не будить, когда они явятся, и закрыла дверь

комнаты изнутри. Вначале аккуратно спустила коробку с платьем в сад, а затем и сама прыгнула на мягкую землю.

Переодеваться дома я не планировала: все же пышное бальное платье не тот наряд, в котором я могла незаметно выскользнуть из дому. Поэтому приходилось изгаляться.

Пойманный возница отвез меня в центр нашего городка, где я еще утром озаботилась снять номер в небольшой гостинице. Отперев дверь своим ключом, я проскользнула внутрь. До начала маскарада у меня было не так много времени, чтобы привести себя в порядок.

Торопливо сняв собственное платье, я осталась лишь в нижнем белье и подошла к небольшому зеркалу, криво прибитому к стенке. В нем отражалось мало: только мое лицо и плечи. Но, чтобы проконтролировать смену внешности, и этого было достаточно.

Закрыв глаза, я сосредоточилась на собственных ощущениях. Образ эффектной брюнетки мгновенно вспыхнул в памяти и, даже несмотря на недостаток сил организма, измученного Голодом, тело легко приняло новый облик.

Даже воздух, который я втянула полной грудью, казалось, приобрел сладкий вкус.

Из отражения на меня смотрела дерзкая красавица, а я не могла не признать, что такой себе нравлюсь гораздо больше, чем тихоней Роуз.

В отличии от меня, эта фурия была свободной, как ветер. Могла дерзить, не придерживаясь правил общества, брать то, что захочет, и не оправдываться ни перед кем.

Со вздохом отошла от зеркала и достала из коробки платье. Удивительно, но на мою обновленную фигуру оно пришлось идеально впору, словно искусный портной подгонял каждый миллиметр. До этого мне казалось, что придется долго провозиться со шнуровкой корсета, терпеливо затягивая под свои параметры, но нет, ошиблась.

Вероятно, в подборе наряда участвовал Мишель. У кого еще, как не у него, мог быть настолько точный глазомер, чтобы по одному вечеру позирования запомнить мои мерки?

Отдельно порадовало, что само платье не помялось в коробке. Это был мой второй страх, но дорогой материал не подвел. Ни складочки! Разве что почти незаметные глазу.

Вновь подойдя к зеркалу, я завязала на лице маску. Обзор сразу непривычно сузился до узких прорезей, но тут уж мне оставалось только смириться. Черные перчатки завершили мой образ.

Я еще раз напоследок взглянула в глаза своему отражению и покинула комнату.

В коридоре никого из постояльцев не встретила, даже спящий консьерж не удосужился проснуться, когда я проходила мимо. Зато на улице мне сразу подвернулся свободный извозчик, и хотя идти до здания театра было недалеко, я решила воспользоваться его услугами. Все же платье на мне было дорогим, и ходить в таком пешком минимум не подобало статусу, на который я выглядела.

Мой экипаж был не единственным, подъезжающим к театру, множество карет толкались у поворота к зданию, тем самым образуя затор. Многие из прибывающих не выдерживали долгого ожидания, выходили и оставшиеся метры шли на своих двоих. Наблюдая в окошко за ними, я поняла, как была права, называя маскарад ярмаркой тщеславия и презентацией невест. Девушек, судя по пестрым платьям было превеликое множество, тогда как темные мужские фраки были редкими пятнами в этом павлиньем царстве. Охота предстояла мне явно трудная и интересная.

Я дождалась, пока возница протолкнется и проедет к крыльцу театра, и только тогда вышла. Впереди меня ждала высокая лестница и два встречающих, что проверяли приглашения у гостей. Тут меня ожидали первые трудности, ведь на мое имя заветного

письма из мэрии так и не пришло, поэтому полагалась я исключительно на свою внешность и умение уговаривать.

— Доброго вечера, — проворковала, подойдя к младшему из мужчин.

Из всех присутствующих только эти два администратора были без масок, старший мне показался более строгим: он скрупулезно сверял приглашения со списком и только убедившись, что все в порядке, пропускал в зал. Мимо этого Цербера шансов пройти не было. Второй же, к которому подошла я, гораздо более охотно смотрел в декольте дам, чем в списки.

— Добрый вечер, — еще раз окликнула я, отвлекая мужчину от созерцания ложбинки меж грудей. — Вы бы могли мне помочь?

Франт оторвался от любования прекрасным и поднял на меня глаза, улыбка при этом была предвкушающая.

— Чем я могу помочь очаровательной леди?

Я ослепительно улыбнулась, растерянно разводя руками.

— Мое приглашение, — прошептала я, как великую тайну. — Кажется, я забыла его дома.

Мужчина помрачнел. Взгляд на мгновение стал колючим и подозрительным. Его приветливое отношение ко мне резко пропало.

— Очень неосмотрительно с вашей стороны, леди. Правила есть правила. Без приглашения я не могу вас пропустить.

Мне пришлось как можно более обиженно надуть губки. Раз уж начала косить под дурочку, нужно доигрывать роль до конца.

— Мне придется ехать через весь город, неужели нельзя пойти на маленькую уступку? — почти взмолилась я. — Разве это так сложно?

— Сложно, — буркнул мужчина, превращаясь в полную копию более старшего “Цербера”. — Если что-то случится, не вы мне потом пособие по безработице платить будете!

Я даже воздух от неожиданности хапнула. Такого отворота-поворота я действительно не ожидала. Запоздало принялась к аромату грехов мужчины и поняла, что нужно было сделать это с самого начала. Несмотря на свою любовь к созерцанию женских прелестей, молодой смотритель был отвратительно честным и правильным. Его грехи почти не чувствовались, разве что слабо, едва уловимо. Хоть нимб над головой рисуй.

— Я бы посоветовал вам вернуться домой за пригласительным, — ответил он, ставя в нашем разговоре точку.

Я отступила на шаг. Мое место тут же заняли следующие по очереди гости. На меня они косились с неодобрением — все же я порядком подзадержала скопившийся народ — зато пропустили их без разговоров, едва те показали приглашение.

Растеряно спустившись по лестнице, я задумалась, как поступить дальше. Ехать домой бесполезно, выкрасть у кого-то заветный конвертик тоже не вариант. Оставался один способ.

Пришлось выйти на соседнюю с театром улицу, обойти здание кругом и подворотнями-закоулками двинуться к заднему двору. Как я и ожидала, меня встретил забор. Двухметровый.

В другое время я бы не задумываясь перемахнула его, но не сегодня. Мое чересчур нарядное платье сыграло со мной дурную шутку. Так я и шла вдоль неприступного

ограждения в поисках хотя бы крошечной лазейки, пока впереди не замаячила стайка из четырех оглядывающихся по сторонам девиц. Они о чем-то шептались, вид имели таинственный и заговорческий. Я замерла, а уже через мгновение начала медленно подкрадываться к ним в попытке подслушать.

Неожиданно одна из них отделилась от компании, подошла к забору и гулко отбила замысловатый ритм по деревянной доске. С той стороны отозвались. И уже через мгновение несколько секций забора приоткрылись, являя заветную лазейку. Оттуда высунулся ушлого вида мужичонка и, приняв из рук девицы кошелек со звонкой монетой, пропустил всю стайку внутрь. Сразу после этого лазейка закрылась.

“Ага! — мысленно протянула я. — Вот и способ проникновения без пригласительных.”

Прошедшие девушки не выглядели аристократками, платья были довольно простенькими, хоть и аккуратными. Но не мне было их винить за то, что на бал очень хотелось.

Я подошла к забору и внимательно прислушалась к звукам с той стороны. Ответом мне послужила полная тишина. Аккуратно потянув за заветные доски, с сожалением поняла: с обратной стороны их что-то удерживает. Вероятно, ушлый мужик-пройдоха, создавая этот лаз, все продумал, чтобы никакие неучтенные гости извне на бал не проникли. Вот только не на ту попал.

Давно известная мудрость — рвется там, где тонко — послужила мне достойной мотивацией. Оглядевшись по сторонам, я со своей силы ударила по забору, выламывая дерево из пазов. Теперь лаз сиял передо мной дырой, в которую я не преминула юркнуть. Маскировать за собой ход не стала, да и было это бесполезно — мои художества теперь исправить мог только опытный плотник.

С обратной стороны забора меня встретил тихий закуток заброшенного сада. Заброшенного настолько, что, идя по пожухлой листве, мне казалось, что ноги утопают в ней. Интересно, сколько лет здесь не убирались? Картину унылости дополнял выставленный реквизит, старые декорации, гниющие под дождями и ветрами ветхие сундуки. Вероятно, задний двор театра использовали как импровизированную свалку. Я пролабиралась между всем этим “великолепием”, стараясь не запачкать платье, и двинулась не к ближайшей двери, за которую ушлый хитрец провел стайку девчонок, а к открытому окну на первом этаже.

Свет в нем не горел, что дарило мне надежду пробраться на бал полностью незамеченной.

Подойдя к окну, я привстала на цыпочки и заглянула внутрь. Это был чей-то кабинет, в котором находились стол, бумаги стопками, два стула — хозяйский и гостевой, и одинокий фикус на подоконнике. Убедившись, что все чисто, я подтянулась на руках и перемахнула в комнатку. Дверь, как и ожидалось, оказалась заперта снаружи, но мое искусное владение шпильками и на этот раз меня выручило. Уже через несколько минут я шла по коридору навстречу звукам музыки, которые доносились из другого конца здания. Несколько раз мне приходилось замирать и таиться за шкафами, когда рядом проходили незнакомые люди, но, к счастью, меня никто не замечал. А когда я вышла в огромную залу из-за какой-то ниши, завешанной плотными шторами, сама не поверила, что выбралась. Слишком ярко ударил свет люстр по глазам.

В зале было шумно и суетливо, кто-то танцевал, кто-то разговаривал, флиртовал, девчушки пищащими стайками порхали между кавалеров, стараясь привлечь их внимание.

Почтенные матроны взирали из-под масок за происходящим и цепким взглядом вычисляли выгодных женихов своим дочерям. В толпе я заприметила матушку, она стояла рядом со своей закадычной подругой леди Брайтон и придерживала за локоток Эмили, которая крутилась и осматривалась по сторонам. Бриттани с ними не было, зато сестра обнаружилась кружащейся в танце с высоким джентльменом в серой маске и форме офицера морского флота. Я довольно хмыкнула: сестра времени не теряла, уже успела заполучить для танца одного из самых видных мужчин вечера. Пообещав себе, что буду приглядывать за ней по ходу маскарада, решила приступить к охоте.

Теперь я обвела зал куда более хищным взглядом. Меня интересовали мужчины. Желательно много мужчин. Конечно же самые красивые, высокие и перспективные были облеплены десятком хихикающих девчонок, к таким самцам я решила даже не подходить. А вот куда более скромные джентльмены меня заинтересовали. Вот, например, очень милый пухлый юноша. Но его на бал привела матушка, которая орлом вилась вокруг, отпугивая даже случайно проходящих дамочек. Поцокав языком, решила, что к такому лучше не соваться, я перевела взгляд на другого не-красавца. Тоже полноват, да и жидкие усики над верхней губой не добавляли ему привлекательности. Но мне с ним не семью заводить, в конце-то концов, а для питательного бульончика сойдет.

Я уже было двинулась к своему “ужину”, как грубый бас догнал меня в спину.

— Могу ли я пригласить леди на танец, — скорее констатировал, нежели спросил мужчина.

Я обернулась, оценивающе сощурилась, разглядывая огромного, под два метра ростом, борова с капитанским значком на кителе. Маска, скрывающая лицо, была груба и довольно безвкусна, синяя, абсолютно не в цвет белому костюму моряка. Но про себя я все равно осталась довольна, ведь запах весенней черемухи, так больно ударивший мне в нос, явственно говорил о грехах моего партнера по танцам.

— Конечно можно, офицер, — согласилась я, протягивая руку.

Меня тут же довольно грубо притянули к себе и утащили в центр залы. Дальше происходило нечто нелепое. Капитан оказался жутким солдафоном, танцевать явно не умел, зато обладал недюжинной силой. Весь вальс в три четверти он меня фактически протаскал по залу, переставляя с места на место, как хрупкую куклу. В такт наши движения не попадали, мои ноги были оттоптаны, но я утешалась будущим поцелуем, который мне уже пообещал этот грубый и неотесанный мужлан.

— Я побывал в десятках стран, но еще нигде не встречал такой красавицы, — дежурный комплимент коснулся моего уха. Наверное, такие моряк раздавал каждой портовой шлюхе.

— Неужели? — в очередной раз убирая ногу от его грубого носка, проворковала я.

— Слово офицера! — заверил мужлан.

Я же в запахе черемухи подметила усиливающийся аромат печеных яблок.

Врал капитан и даже не краснел.

— Хотите, я покажу вам свою шхуну? — продолжал он меня обрабатывать.

И я даже нервно хихикнула от столь непристойного предложения. В другое время наверняка бы согласилась, но не сегодня.

— Ну что вы, я слишком приличная девушка, чтобы так сразу соглашаться смотреть чужие шхуны! Вначале нужны свидания, поцелуи, а потом уже и на морскую экскурсию можно согласиться.

— Так чего мы ждем? — изумился кэп, в очередной раз наступая мне на ногу. —

Давайте сейчас свидание и поцелуй, а потом ночь в море. Только вы, я и звезды, мерцающие над горизонтом.

Я в очередной раз хихикнула — так жутко меня еще никогда не соблазняли. Хотя, надо признать, меня обычно и не пытались соблазнить. Этим всегда занималась я на своей охоте.

Пришлось восторженно посмотреть на амбала из-под прорезей маски, томно вздохнуть и согласиться на поцелуй.

Конечно, ничего другого от меня он и не ожидал. Свою роль наивной дурынды и ничего не сведущей охотницы за женихами я играла искусно. Со стороны я вполне могла походить на одну из тех девчонок в стайках вокруг красавцев, а раз так, то капитан явно рассчитывал на балу поймать в свои сети одну из таких пташек.

В какой-то момент танца мы оказались возле одной из полутемных ниш, именно туда ловким движением капитан меня и затолкал, чтобы тут же и без вопросов прижать к стенке.

— Вы такая красивая, — уже заученно и шаблонно повторил он, припадая к губам.

Я же закатила глаза и сымитировала восторженный стон.

Честно говоря, такого жуткого и скучного поцелуя у меня уже давно не было. С помидором и то целоваться приятнее. Временами я ловила себя на ощущении, что бравый морской волк меня больше облизывает, чем целует. Да и его грубые руки, шарящие по платью, ни капельки не возбуждали. Утешением служил лишь поток энергии, который я тонкой струйкой вытягивала из моряка. Живительная и приятная. Учитывая, что доставшийся мне тип оказался довольно противным, я из него без зазрения совести вытянула пять лет жизни, и лишь выпивая первый день шестого года, прервалась, грубо утыкаясь ручонками в грудь мужлана.

— Хватит, — вымолвила я. — Дайте же мне хотя бы вздохнуть!

Амбал отстранился.

— Но мы же только начали!

— Конечно начали, — подтвердила я немного возмущенно. — Но ведь дышать мне тоже нужно! Это вы, моряки, наверняка можете долго без воздуха!

— Разумеется, — чересчур гордо выпятил грудь боров. — Я могу не дышать под водой полчаса!

Я с сомнением покосилась на этого хвастуна, при этом стараясь выразить на лице как можно более правдоподобный восторг. Полчаса. Ну-ну. Отчего-то я была уверена, что он и трех минут бы не продержался.

— Танцевать хочу, — капризно заявила я своему кавалеру и, ловко вывернувшись из захвата, хитро подмигнула вояке, чтобы тут же выскользнуть из-за шторы обратно в зал. Немного потерявшийся амбал помчался меня ловить. Я же, опасаясь, что второго танца мои ноги просто не выдержат, юркнула в толпу девушек возле одного из красавцев и успешно затесалась среди них.

С десятков молодых и потенциальных невест совместно с мамашами буквально окружили высокого брюнета в черной маске, и теперь подобно акулам вились вокруг, заваливая вопросами. Самому мужчине столь сильное внимание явно не претило, он отвечал всем с одинаковым энтузиазмом, максимально вежливо и галантно, и чувствовал себя в этой странной компании крайне уверенно. Я внимательно изучала его взглядом. Даже не смотря на маску, его возраст угадывался по нижней части лица. Волевой подбородок, гладкая кожа, загадочно поблескивающие глаза, а еще коварная улыбка чуть полноватых и четко очерченных губ. Ему было лет тридцать-тридцать пять. Не больше. Черные волосы

заплетены в длинный хвост до лопаток, что было довольно необычно для нынешней мужской моды — носить короткие стрижки.

В руках красавчик держал бокал шампанского, который так ни разу и не пригубил за те пять минут, что я за ним наблюдала. Хрустальный бокал искрился, словно специально привлекая мое внимание, я же незаметно для себя залюбовалась длинными тонкими пальцами, украшенными серебряными перстнями. Первый, более массивный, с драконом, второй, тонкий, будто женский, с летучей мышью.

— Нравятся украшения? — неожиданно спросил этот мужчина, приметив мой взгляд.

Я вскинула на него глаза, замечая неожиданную тишину вокруг. Кажется, впервые за вечер красавчик не отвечал на вопросы, а сам задавал их. И никому-то из восторженных дамочек, а мне.

— Я довольно равнодушна к украшениям, — уверенно ответила. — Просто взгляд упал.

Мне показалось, или в этот момент взгляд под маской хищно сверкнул? Запоздало я подумала, как мужчина вообще смог догадаться, куда я смотрела. Ведь мое лицо тоже было скрыто маской, и проследить за взглядом слишком затруднительно.

— Странно, — протянул он. — Обычно леди более благоговейно отзываются о злате и серебре.

Мне захотелось пожать плечами. Будь мы в менее людной компании, я бы так и сделала, и еще сказала, что у разных леди разные вкусы. Но кучкующиеся вокруг “поклонницы” красавчика уже поглядывали на меня слишком зло.

— Я, пожалуй, пойду, — вместо ответа произнесла и, сделав реверанс, отступила на шаг назад.

Охотиться за такими яркими самцами было слишком энергозатратно, да и от армии его “восторженных” девочек отбиваться не хотелось. Поэтому я не собиралась терять время на этого мачо и хотела обратить внимание на его менее удачливых собратьев-мужчин.

Но уйти я не успела.

Франт в три шага миновал расстояние между нами, и весьма галантно протягивая руку, произнес:

— Всего один танец, леди! Вы же не откажете мне?

Я замерла. Отказывать было как минимум глупо. Особенно учитывая мое голодающее состояние. Хотя в глубине души хотелось поиграть в гордость и неприступность, отказаться и уйти, развернувшись, гордо вздернув голову. Интересно, такой отказ унизил бы красавчика или нет?

Руку в ответ все же протянула. Если добыча захотела быть пойманной, почему нет?

Лучшим наказанием для зарвавшегося мачо будет мой поцелуй и несколько потерянных лет жизни.

Опять звучал вальс, тихая музыка лилась по залу, отражаясь от стен и потолков. На этот раз с партнером мне все же повезло больше. Красавчик вел уверенно, мягко, чувствуя каждую ноту. Мои ноги пели благодарность его танцевальному таланту, ибо на них еще ни разу не наступили.

Целый проигрыш мы провели в молчании, партнер продолжал вести танец, незаметно разглядывая мое лицо из-под маски, я же пыталась почувствовать запах его грехов. И чем больше пыталась, тем сильнее терялась.

Сколько не принюхивалась, не чувствовала ровным счетом ничего. Я даже специально споткнулась, чтобы уткнуться носом в лацканы его фрака, но кроме терпкого запаха парфюма

опять ничего не слышала...

— Аккуратнее, прекрасная незнакомка, — улыбнулся кавалер, чуть крепче беря меня в поддержку. — А вдруг в следующий раз, я не успею вас подхватить?

— Я бы не упала, — возразила ему. — Так что можете не подхватывать.

— Вы такая уверенная и ничуть не похожи ни на одну из тех девушек, — он незаметно кивнул в сторону, где его продолжали ждать “поклонницы”.

Я незаметно покосилась туда и поняла, что нажила среди них с десятков смертельных врагов. За нашим танцем они следили весьма внимательно и разве что ядом на пол не плевались.

— Восприму вашу реплику как комплимент, — отозвалась я, переводя взгляд обратно на визави.

— Это и был комплимент, — склоняясь над моих ухом, нагло заявил мужчина. — А еще не могу не заметить ваш прекрасный выбор платья! Среди этого местного птичника вы выглядите черным лебедем.

— Тогда зачем же вы пришли в этот птичник? — спросила, немного скривившись. — Или не догадывались, что это будет выглядеть именно так?

— Почему же? Я не просто догадывался, я знал это.

— Тогда повторяю. Зачем пришли?

— Увидеть вас, — заявил мне красавчик, я же только фыркнула.

Экий наглый ловелас! Этот прием мог бы сработать с кем-то, но не со мной.

Музыка вальса перешла к своей кульминации, и наш разговор был вынужден прерваться. Кавалер закружил меня в финальных па, я же продолжала осмысливать слова этого странного человека. Все его поведение говорило, что он отнюдь не безгрешен, но где тогда, черт возьми, запах?

Танец окончился. Я замерла, раздумывая, как поступить дальше. Поблагодарить за вальс и убраться от странного мужчины подальше, или рискнуть и попытаться украсть его поцелуй? На балу было еще много кавалеров, подобных капитану, я могла попытать счастье с ними.

К слову, о моряке. Он сейчас как раз спешил ко мне, прорубая свой путь через толпу. Заметавшись взглядом в поисках, куда бежать, поняла, что особо и некуда. Вокруг как назло образовалось слишком много пустого пространства. Я даже распрощаться со своим нынешним партнером по танцу не успевала.

— Вот ты где, — пробасил капитан, грубо выхватывая мою руку у черноволосого мачо. — Неужели забыла, что у нас экскурсия на шхуну?

Я только пискнуть смогла:

— Я, кажется, передумала, — затараторила в ответ, стараясь выдернуть ладонь. — У меня морская болезнь!

Не будь вокруг толп народа, я бы капитана уже давно к стенке отбросила. Сейчас же приходилось соизмерять силы и отбиваться так, чтобы не выдать себя.

— У меня от твоей болезни есть волшебная микстура, — хохотнул амбал, продолжая тянуть на выход. — Натуральное, народное средство!

Ну не дурак ли, при таком количестве людей заявлять подобное? У меня даже щеки вспыхнули.

— Да как вы смее... — возмутилась я, но была прервана голосом своего незнакомца.

— Отпустите девушку! Она с вами никуда не хочет.

— Еще десять минут назад хотела, пока вас не встретила, — прорычал моряк и сжал мою руку так, что будь я в теле Роуз — выла бы от раздробленных костей.

Ради приличия пришлось всхлипнуть.

— И все же отпустите, — почти мягко произнес кандидат в мои спасители, но в нотках его голоса послышалась сталь.

Я покосилась на фигуру красавца-мужчины, которая даже несмотря на свою прекрасную слаженность казалась крошечной рядом с мощным кэпом. Захотелось крепко выругаться. Только драки мне не хватало. Нужно было что-то сделать, но в голову как назло ничего не приходило. Хуже стало, когда красавчик решил погеройствовать и, смело шагнув к амбалу, положил руки на его кулак, сжимающий мою ладонь. В следующий миг я с изумлением наблюдала, как мачо легко вытаскивает мои пальчики из цепкого захвата, а сам же кэп меняется в лице от боли собственных костяшек и начинает тихо скулить, нянча покалеченную руку.

Со стороны казалось, будто ничего не произошло, если бы не хруст чужих костей, который до сих пор звучал в ушах, когда “мой спаситель” вызволял меня. Я изумленно смотрела на черноволосого красавчика и пыталась осмыслить увиденное. Кто он такой? Или что он такое?

Он не пахнет грехами и силен, почти так же, как и я, если не больше.

Вокруг нас теперь собрался почти весь зал, где-то в толпе я различила голос констебля Буллета, который пытался пробраться к месту происшествия и навести порядок. Прикидывая перспективы, поняла, что если сейчас не сбегу, рискую оказаться в участке, из которого меня навряд ли выпустят до рассвета. Мне нужно было уносить ноги и побыстрее. Вот только некуда: зеваки сомкнулись вокруг плотным кольцом, отрезая все пути отступления.

Откуда-то вышел офицер, который танцевал с Бри. Он стремительно приблизился к капитану и неожиданно притянул амбала за грудки. Тот даже не сопротивлялся, продолжал нянчить покалеченную руку.

— Ты посмел украсть капитанский значок? — взревел офицер, заодно срывая с кителя моряка этот самый кругляшок. — Вы уволены с флота, боцман Фьерд!

— Оу! — невольно вырвалось у меня. Боцман, не капитан! Морской волк оказался жутким вруном!

Интересно, на что он рассчитывал, когда зазывал меня осмотреть шхуну? На то, что оттуда не сбегу? В другое время я бы посмеялась от его наивности, но сейчас было не смешно.

Впервые рядах зевак я заметила матушку с сестрами. Они с любопытством разглядывали меня и стоящего за спиной красавца-кавалера, в глазах сестер плескалась восхищение поступком спасителя. Особенно у Эмили, в ее возрасте подобное заступничество автоматически приравнивается к рыцарству, а значит, мачо был тут же возведен в ранг героя.

На авансцену выбрался Буллет, я же едва не взвыла. Все в сборе, а мне никуда деться. Оставалось только верить в чудо.

— Вы, вы, вы и вы, леди, — констебль деловито обвел взглядом всех участников заварухи, — Прошу всех пройти в другую комнату для беседы.

— Но... — я хотела бы возразить, хотя бы попытаться, но “мачо-спаситель” решил схватить меня за руку, одергивая, чтобы не возмущалась.

Я гневно зыркнула на него из-под маски. Вот зачем он полез и кто, вообще, такой?

В голову закрадывались нехорошие подозрения. Будоражащие, поражающие своей неожиданностью, но я не могла делать никаких выводов, не получив доказательств.

На помощь Буллету подоспело два полицейских в форме. Втроем они весьма тактично потеснили нас в сторону темного коридора. Пришлось плестись в указанном направлении, тайком поглядывая на морского офицера, сопровождающего скулящего боцмана. Но гораздо пристальней я рассматривала “красавчика”. Уж слишком уверенно он шел вперед, словно не под конвоем вовсе. У меня же поджилки тряслись, от того, что могут арестовать, проводить в участок, или того хуже, спасаясь мне придется драться со стражами правопорядка. Но это был самый крайний вариант, если выбора совсем не останется.

Буллет провел нас в комнату, вежливо пропустил меня, как даму вперед, и лишь прикрыв за всеми двери решил устроить очную ставку.

Я села на свободный стул, когда констебль расположился за длинным столом.

— Весьма печально, что даже такое культурное мероприятие, как бал-маскарад, не смогло пройти тихо и спокойно, — медленно произнес он, оглядывая собравшихся. — Давайте же разбираться, что и как произошло.

После его слов во мне вспыхнула надежда, быть может все обойдется беседой. Ведь до драки же не дошло. Быть может пожурят и отпустят, но мои грезы тут же рассеялись под пристальным взглядом служаки.

— Могу я увидеть ваши приглашения? — попросил он у задержанных, и если мой незнакомец и морской офицер сразу протянули заветные картонки, то у меня с этим возникли трудности. Так же как и у пройдохи боцмана. Видимо, не я одна проникла на бал обманным способом.

— Не советую врать, — сразу же предупредил его Буллет. — Если приглашительного нет, то лучше признайтесь, как проникли на бал, сразу.

На меня Сэм пока не смотрел, уделяя все внимание лже-капитану. Уж кто-кто, а незадачливый вояка выглядел куда более по-бандитски чем, хрупкая девушка.

— Через забор перемахнул, — признался боцман, видя, что отпираться смысла нет.

— Перемахнули или сломали? — хитро сощурившись, уточнил констебль.

Я чуть было не ойкнула вслух, едва не выдав себя со всеми потрохами. Кажется, мою высокохудожественную дырку в ограждении все же о обнаружили и показали полицейским, те же в свою очередь спешили найти виновного.

— Перелез, — продолжал настаивать на своем боцман. Как ни удивительно, но не врал. Запаха печеных яблок на этот раз я не слышала, а вот злоба на меня внутри его чуткой души закипала. То и дело он недобро косится в мою сторону, явно обвиняя во всех смертных грехах.

— Вы лучше у этой шлюшки спросите, где ее приглашение, — мстительно кинул он в мою сторону. — А то, на меня всех собак бросили, а про нее забыли.

— Попридержите язык, — осадил его Буллет, но все же руку в ожидании моего конверта протянул.

Мне оставалось только вжать голову в плечи и затравленно пискнуть:

— Потеряла.

— Говорю же, она — шлюшка, небось богатого клиента на ночь зацепить хотела! — победно гыгыкнул моряк. — Я же к ней не просто так подошел, видел откуда пришла. Сразу заметил, что со стороны черного входа в залу вынырнула, и я сам через него проник.

— Ложь! — вскакивая со стула, возмутилась я, хоть и понимала, что парировать не чем.

Но помощь опять пришла откуда не ждали.

— Подтверждаю слова леди, — раздался холодный голос, в котором я узнала “красавчика”.

Обернувшись, увидела, что он успел снять с себя маску и, теперь скрестив на груди руки, стоял у противоположной стены и победно взирал на констебля и боцмана. Настоящий морской офицер молчал и вмешиваться явно не собирался. Его куда больше волновал капитанский значок, который он забрал у подчиненного и теперь закреплял на собственном кителе.

— Вы знаете эту даму? — поинтересовался Буллет у “красавца”, внимательно изучая его пригласительный. — Граф Малкольм.

Мне показалось, что я ослышалась. Сэм назвал мачо графом, и мне от этого стало ещё больше не по себе. Догадка о незнакомце стала походить на правду, но я до сих пор продолжала не верить в совпадения. Мало ли графов на свете.

— Знать не обязательно, — парировал красавчик. — На леди платье, чья стоимость равняется цене двух загородных домов. И вы могли бы это заметить, констебль!

Я с сомнением глянула на графа, потом на свой наряд, и прикусила язык. Платье выглядело богато, но не настолько же.

— Одни аметисты на вышивке, — продолжал Малкольм. — Камни редкой чистоты и огранки. Как вы думаете, может ли быть подобный наряд у шлюхи?

Его вопрос прозвучал, как вызов, это Сэму абсолютно не понравилось.

— Знаете ли, граф! Я понятия не имею о стоимости платья этой леди. На нем не написано, да и вы не производите впечатление зоркого ювелира, способного оценить стоимость камней с расстояния в несколько метров. Из чего я делаю вывод, платье могло быть качественно и недорого пошито у любой городской швеи, а камни всего лишь искусная подделка.

Эти двое так разговаривали, будто меня в комнате не было. Да я и не торопилась вступать в этот разговор, сказать мне было нечего, даже боцман притих.

Граф отлип от стены, подошел к столу, за которым сидел Буллет, достал из внутреннего кармана нечто и сунул ему под нос. Несколько мгновений Сэм разглядывал нечто, похожее на сложенную фотокарточку, пока не перевел взгляд на меня.

— Снимите маску, — потребовал он.

Пусть и со вздохом, но пришлось подчиниться.

Сэм только хмыкнул, явно сравнивая что-то.

— Так бы сразу и сказали, — недоуменно протянул он, отдавая карточку графу. — Зачем было устраивать этот цирк?

— Каждый развлекается по-своему, — загадочно ответил Малькольм. — Теперь, когда все вопросы прояснились, мы можем идти?

— Не смею задерживать, — полицейский развел руками.

Мне оставалось только глупо хлопать глазами, ибо я ничего не понимала. Вот ни капельки. Что за фотографию показал граф? И о каких “мы” он говорил? Но на фотографии точно не могла быть я, это ведь невозможно...

— Пошли, дорогая, — навис надо мной Малькольм, протягивая руку.

Я не шелохнулась, потому как идти куда-либо с этим типом казалось опасным. Граф явно играл в игру, правил которой я не знала.

Видя мое нежелание, Малкольм чуть наклонился, делая вид, что поправляет выбившуюся прядь моей прически и едва слышно прошептал:

— Если не хочешь встретить рассвет в участке, пойдем со мной, пока это возможно.

Сложно описать мои эмоции в этот момент: смятение, непонимание и злость на странного графа. А еще желание его поцеловать так, чтобы лет на тридцать меньше прожил.

Стиснув зубы, я подала мужчине руку.

Уже у дверей меня окликнул констебль:

— Графиня, в следующий раз не теряйте приглашения. Вашего мужа может не оказаться рядом, чтобы все объяснить.

Наверное, это было последней каплей в чашу моего терпения за этот вечер. Я уже открыла рот, чтобы уточнить, с каких пор стала графиней и откуда у меня появился муж, но заметивший мою реакцию Малкольм резво вытащил меня в коридор и захлопнул дверь перед носом.

Два полицейских, которые оставались в коридоре, недоуменно посмотрели на нас.

— Констебль отпустил, — небрежно бросил им граф, тут же утаскивая меня вперед по коридору.

Я почти бежала за ним, едва успевая переставлять ноги, но уже за первым поворотом была прижата мужчиной к стене.

— Где твоя маска? — скользя цепким взглядом по чертам лица, произнес он.

Мгновение я соображала, что действительно бегу без маски, и еще мгновение, где ее забыла.

— В кабинете осталась.

— Дурочка, — как-то чересчур ласково произнес красавчик. — Что ж ты творишь такое? Сначала питаешься кем ни попадя, потом забываешь маску. Чем меньше людей видят это лицо, тем лучше. Можешь сменить?

Рой противоречивых мыслей пронесся в голове. Этот человек знает, кто я! Знает, что я делала на балу, и, более того, пытается помочь.

Но вместо благодарности я выдохнула другое:

— Кто вы?

— Все вопросы потом, — тут же одернул он. — Ты можешь сменить лицо?

— Могу... — замялась я. — Но энергии почти нет.

— Меняй, — властно приказал приказал граф. — Энергия теперь меньшая из проблем.

Не знаю почему, но я подчинилась. Черты лица поплыли, уродуя яркую восточную красавицу, превращая ее в постаревшее подобие самой себя. В волосах появилась седина, под глазами мешки, а в уголках губ морщины.

— Оригинально, — одобрил Малкольм. — А теперь пошли.

Бег по коридору продолжился. Оказавшись в танцевальном зале, мы замедлились. Здесь праздник продолжался. Вновь кружились парочки, звучала музыка, девушки ловили потенциальных женихов. Граф поднял воротник фрака и, пряча в нем лицо от окружающих, двинулся к центральному выходу.

Я наблюдала за ним и ломала голову, кто же он такой. Малкольм так много знал обо мне, был таким же сильным, как и я, но, судя по всему, внешность менять не мог.

Миновав вход с двумя превратниками-Церберами, мы сбежали по лестнице и сели в первый же попавшийся экипаж, которых тут наблюдалось превеликое множество.

— Где ты живешь? — спросил в лоб Малкольм, но черта с два я назвала бы настоящий

адрес, вот так сразу. Зато произнесла название гостиницы, где оставались мои вещи. Нейтральная территория казалась мне более безопасной.

— Что за фотографию вы показали констеблю? — решила, что настало мое время задавать вопросы.

В ответ мне протянули ту самую карточку.

Взяв сложенный вдвое листок, я аккуратно раскрыла его и обомлела.

На черно-белом изображении была я. Точнее мое любимое амплуа восточной красотки в роскошном свадебном платье. Таким, о котором можно только мечтать: нарядном, расшитом драгоценным жемчугом. Мое лицо не скрывала вуаль, и я выглядела счастливой, такой же счастливой, как и жених рядом. Граф Малкольм.

— Но... — у меня не находилось слов. — Это невозможно! Это не я.

— Фотография сделана десять лет назад. И да, это не ты. На фотографии моя покойная супруга — Ванесса. Но начинать наш разговор нужно не с этого, — красавчик сделал паузу. — Меня зовут Эдриан. Граф Эдриан Малкольм, и это я заказал ваш портрет у художника, а после прислал платье.

— Но зачем?

— Потому что искал тебя.

Весьма забавно, я едва удержалась от скептического фырка. В сложившейся ситуации меня пугало и смущало до чертиков практически все. Начиная от того, что нынешний облик не был настоящим, а значит и искал граф не совсем меня. И в то же время он поразительно много знал о моей природе.

— “Потому что искал” — это не ответ, — процитировала я. — С какой стати вы это делали?

— Мои мотивы не имеют значения, — перевел разговор Эдриан. — Я думаю, тебя гораздо больше интересует собственная природа. Неужели ни разу не задавалась этим вопросом?

Пришлось пожать плечами. Себя я гордо величала фурией, а с внутренним чудовищем смирилась и научилась жить. Даже Голод тяготил с каждым годом все меньше. В конце концов, я делала этот мир чище от всяких мразей и подонков.

— Раньше задавалась, сейчас нет.

— А зря, — граф внимательно посмотрел на мое измененное лицо и продолжил: — Я не знаю твоего настоящего имени, но знаю о твоём даре немного больше, чем ты сама.

— Например?

— Например то, что появился он семь лет назад, я могу даже сказать точную дату. В ту ночь с тобой наверняка произошло нечто трагическое.

В горле пересохло от чужой осведомленности. Так и было, семь лет назад я вышла замуж, сложно спорить с тем, что это действительно самое трагичное событие в моей жизни.

— В ту же ночь умерла Ванесса. Меня не было с ней рядом, но если бы я знал заранее, никогда бы не допустил этого, — в голосе Малькольма послышалось сожаление. — Твой дар не является твоим. Это ее силы. Древние, неподвластные, непостижимые для обычных смертных.

Тут я все же не удержалась и хмыкнула. А я, по мнению этого странного графа, разве не смертная? С утра вроде как была.

Вот только моя глупая улыбка с каждым мгновением мрачнела все больше под

многозначительно взглядом визави.

В этот момент колесница остановилась возле гостиницы, но я не торопилась из нее выходить.

— Что вы имели ввиду, говоря о простых смертных? — потребовала ответа.

— Не здесь, — отсек граф.

Он расплатился с возничим и мне пришлось выбраться из колесницы и пойти к входу в здание. Малкольм шел позади, я спиной ощущала вибрации его тихих шагов.

На этот раз консьерж не спал и, вопреки моим надеждам, проводил нас весьма любопытным взглядом. Сейчас это было лишним. Пришлось посетовать на судьбу за ее очередной поворот ко мне филейной частью.

Поднявшись по лестнице, я уже не была столь спокойна, как пыталась казаться.

— Итак, мы остановились на “простых смертных”, — напомнила я, усаживаясь на край кровати, где лежало платье, в которое собиралась переодеться утром.

— Все верно, — подтвердил Эдриан. — Вот только ни я, ни ты таковыми не являемся. Точнее, ты ею была, пока не приняла дар Ванессы.

— А можно не ходить вокруг да около? — я начинала злиться от того, что ответы приходилось буквально вытягивать. — Выкладывайте начистоту, граф!

— Желание дамы — закон, — он придвинул к себе единственный стул в комнате и, усевшись напротив, начал рассказ: — Нас всегда было двое. Я и она. Каждый со своей силой и слабостью, словно созданные друг для друга и не могущие существовать друг без друга. Ванесса называла себя Возмездием, выбрала себе роль судьи и пыталась человеческими грехами. На деле же я знал, что ей просто нравится убивать, и смотрел на это сквозь пальцы. Мне было в сущности все равно, как она развлекается. Главное, чтобы утром возвращалась домой.

— Зачем?

— Потому что я без нее не мог, — мужчина закинул ногу на ногу и откинулся на спинку стула. Весь его вид излучал уверенность и спокойствие, а взгляд голодных глаз, так и блуждал по моей фигуре. Опасный, хищный взгляд зверя, который почуял жертву. — Ванессу мучал Голод, нестерпимая желание испытать чужих грехов. Меня же съедала Жажда. Жажда Ванессы. Это никогда не было любовью, болезненное существование без возможности жить иначе. Проходили века, годы. Мы меняли имена, статусы, документы. В разные годы она была моей сестрой, женой, иногда любила играть в старость и становилась моей матерью. Это никогда не было весело, а потом и вовсе приелось. Долгая жизнь никому не идет на пользу. А в последний век мы стали ненавидеть друг друга, но, даже несмотря на это, были вынуждены продолжать жить бок о бок. На фотографии наша последняя свадьба.

Я слушала и старалась не перебивать графа, но сейчас все же не выдержала:

— Что значит проходили века? Сколько вам лет, Эдриан?

— Я сбился на третьей тысяче, кажется, это было вечность назад.

Мои глаза расширились. Невозможно. Они же не бессмертные, в самом деле? Бред!

Он же сам сказал, что Ванесса умерла!

— Как погибла ваша жена?

— Уже неважно. Это свершившийся факт. Просто в один миг порочный круг нашей жизни разомкнулся. Женщина, которую я ненавидел, исчезла из моей жизни, но радости это не принесло.

— Почему? — задала я глупый вопрос, за что получила взгляд, достойный дурочки.

— Что тебе непонятно в слове “жажда”? — в голосе визави проскользнула злость. — Первый месяц после ее смерти я лез на стены от боли, второй пытался убить себя. На третий смирился, что буду жить вечность в муках. А после меня поразила догадка: ее дар не мог пропасть бесследно. Слишком велика сила. И я стал искать. Семь долгих лет.

Я нервно сглотнула. Граф не выглядел маньяком с болезненной зависимостью, вот только его слова говорили об обратном.

— Поздравляю, нашли, все знаете о даре, о Голоде, о грехах, но что дальше?

— Я бы мог соврать тебе, рассказать сказку о Великой любви, которая вспылала во мне, едва тебя увидел. Но это будет наглой ложью. Предпочту быть откровенным: лицо Ванессы, по-которому я искал тебя, мне глубоко осточертело за тысячи лет. Я даже не знаю, как твое имя. Но твое присутствие рядом и близость мне жизненно необходимы...

— Какая именно близость? — опасливо уточнила я, при этом в глубине души оскорбившись одна слова пусть и не о моей внешности.

— Не строй из себя идиотку, — чересчур мягко ответил Эдриан. — Секс и ничего более.

— Ну знаете ли! — внутри вскипело возмущение. — За кого вы меня принимаете?!

Ответом мне послужил смех.

— За ту, кем являешься. Скольких ты убила за эти семь лет? Десять, двадцать, сотню? Только не ври, что все это время обходилась невинными поцелуями, я ведь тоже не идиот.

Кожа на лице вспыхнула румянцем.

Одно дело убивать преступников, которые этого заслужили. Да и меня мучал Голод! Но спать с незнакомцем просто так, потому что это ЕМУ нужно? Увольте!!!

— А не боитесь, что я вас случайно во время процесса убью? Хлоп! И вы труп во время оргазма!

— А ты попробуй, — с вызовом произнес граф. — Я буду счастлив, если ты избавишь меня от этой никчемной вечной жизни.

— А какой мне в этом резон? Зачем помогать вам утолять свою Жажду? — не успокаивалась я.

— Затем, что я идеальный бессмертный источник утоления твоего Голода.

Я замерла ошарашенная ответом, а в следующий миг вскочила с кровати и принялась расхаживать по комнатке.

То бишь как это? Убить графа невозможно, даже мне?

Не то чтобы мне его очень захотелось сделать его трупом, но здоровое любопытство во мне проснулось, вместе с чувством гордости и вредности. Графу от меня нужен только секс, мне же от него не было нужно ничего. Точнее, энергия стала бы приятным бонусом, но у меня были альтернативы, а у него нет.

— Ну, идеальным я бы вас не назвала при всем желании, — остановившись, надменно смерила взглядом мужскую фигуру сверху вниз и, скрестив на груди руки, принялась гнуть свою линию. — И на роль вашей постельной грелки не нанималась, так что ничем не могу помочь. Разве только сказать спасибо за разъяснение некоторых особенностей моей натуры.

Лицо графа вытянулось, он медленно с грацией ленивого зверя поднялся со стула. Вероятно, он после признания в своей “идеальности на роль моего ежедневного бутерброда” ожидал, что я к нему на шею брошусь, но несколько ошибся, сделав эти предварительные выводы.

— Не могу ответить “пожалуйста” на ваше лестное высказывание, — проклокотал он. —

Но неужели вы думали, что ища вас целых семь лет и рассказав правду, я молча развернусь и уйду, если получу отказ?

Я с сомнением взглянула на Малкольма.

— Вы мне угрожаете? — сощутив веки, поинтересовалась я.

— Отнюдь, — покачал он головой, — Ставлю перед фактом!

И сделал шаг навстречу.

Я отскочила от него словно ужаленная. Соперник приближался, стремительно сокращая расстояние между нами. Впервые за долгие годы, меня накрыла несвойственная мне паника. Одно дело самой охотиться на заведомо слабую добычу, чтобы превратить ее в пищу, совсем другое оказаться лакомым куском для графа.

Я схватила первый попавшийся под руку предмет, коим оказался потрепанный временем канделябр и замахнулись:

— Еще шаг и я проломлю вам череп, — прошипела, глядя в лицо Эдриану. — Если вы бессмертный, это еще не значит, что я не сумею пустить вам кровь.

— А Ванессе нравились жестокие игры, — как-то двусмысленно хохотнул он, заноса ногу для следующего движения. — Собственно, это единственное, что нравилось моей жене, кроме убийств!

— Я не ваша жена, — еще более зло прорычала и со всей силы метнула подсвечник в лицо графу.

Моя надежда, что эта мера хоть на несколько минут обездвижит мужчину и даст возможность сбежать превратилась в пшик, когда мужчина словно мушку отбросил летящую в него болванку. Изменив траекторию железка воткнулась в соседнюю стену, словно нож войдя в масло, что казалось мне абсолютно невыносимым. Мои превосходящие любого человека силы, были ничтожны рядом с мощью графа.

Сердце колотилось как бешенное, когда я начала отступать, но и сдаваться не собиралась. Любые предметы, которые попадались мне под руку, я швыряла в мужчину, но его это лишь забавляло. Он словно действительно играл со мной, наслаждаясь моментом и моей беспомощностью.

Отступая, я обогнула кровать, мне пришлось даже запрыгнуть на нее, чтобы вновь оказаться с противоположной стороны от Эдриана, но соперник лишь повторил за мной этот маневры.

Как жаль, что я не додумалась носить с собой хотя бы нож, слишком была уверена в собственные силы. За предметами интерьера в ход пошла мебель, без труда оторвав от пола прикроватную тумбочку, я и ее отправила в сторону мужчины. Раздался грохот, когда граф откинул ее прочь, разнося в щепки.

Как же я надеялась в этот момент, что на шум проснуться соседи из других номеров или вызовут полицию. Но как назло, помощь все не собиралась появляться.

— Может, хватит уже этого балагана? — все с той же полуулыбкой поинтересовался подлец. — Поиграли и хватит. Сними же свое прелестное платье и раздвинь ножки!

— Да, я скорее сдохну от Голода, чем позволю себя коснуться! — выкрикнула я, все еще надеясь переполошить кого-нибудь громким звуком.

Мне было плевать, насколько граф идеален для моей пищи, но насилия над собой я не могла позволить. Мне хватило одного раза в жизни, когда гадкий старикан Клайвшот решил надругаться надо мною. И пусть Малкольм выглядел красавцем, это не меняло его намерений: бессмертный подлец, жаждущий овладеть мной, даже против воли.

— Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, — игровое выражение исчезло с его лица, на смену пришло яростное и злое, будто лик коршуна, который готов впиться когтями в мышь.

В один миг Эдриан преодолел те крохи расстояния, что разделяли нас. Я оказалась сжатой в крепких руках, а следом и поваленной на кровать.

Тяжелое тело нависло сверху, вжимая в матрас. Одни боги видели, как я сопротивлялась, пыталась брыкалась, билась руками и ногами, но это было словно сражение с непобедимой стихией, которую невозможно сломить. Эдриан сковал мои руки жестким захватом и теперь удерживал за запястья над головой, второй рукой он шарил по моему телу. Я извивалась, пыталась выкрутиться под ним, но не выходило ровным счетом ничего. Каждый раз сталкиваясь глазами с холодным взглядом графа, понимала — бесполезно. Он свое возьмет, хочу я того или нет.

Свободной рукой он рванул верх лифа, разрывая на мне безумно дорогое платье. Ткань треснула под немыслимой, нечеловеческой силой и сдалась.

Разорвались десятки нитей искусной вышивки, в этом треске я лишь различила, как по полу рассыпались драгоценные аметисты, когда-то пришитые к наряду.

— Невероятное тело, — замороженно прошептал мужчина, рассматривая меня сверху. — Ванесса обожала его, я тоже любил, особенно запах этой сладкой кожи.

Я всхлипнула.

Обнаженная, униженная, распластанная, я лежала под своим будущим насильником, и не знала, что делать. В отличие от старика Клайвшота, графа я даже убить не смогу. Никогда не смогу.

Мне оставалось только вытерпеть то, что он собирался сделать. Стиснув зубы и закрыв глаза, обещая себе когда-нибудь найти способ, чтобы отомстить.

— Ну же, — словно пытаюсь меня ободрить, прошептал граф и огладил рукой, полушарие груди. Он даже старался был нежен в этот момент, трепетно сжал горошину соска, поиграл пальцами. — Не будь такой же стервой, как Ванесса. Я уверен, ты лучше. Так зачем эти ужимки и игра в недотрогу?

— Игра? — мой всхлип совпал с возгласом. — Для вас это игра? — На глазах невольно навернулись слезы. — Ванессу вы тоже насиловали, называя это игрой?!

Нервы, словно натянутая струна, лопнули. Я сорвалась на истерику. Не знаю откуда взялись новые силы к сопротивлению, но я вновь принялась отбиваться, крутится, царапаться, все лишь бы выбраться из-под мужчины. Кажется, я даже кричала, срывая голос.

Эдриан отпустил меня, так же быстро, как и поймал. Отскочил, будто от прокаженной, к противоположной стене и медленно сполз по ней.

Я же, почувствовав свободу, немедленно подобралась и забилась в дальний от мужчины угол. Возможно это глупо, и мне бы бежать дальше, выбив окно и ласточкой нырнув на улицу, но меня колотило мелкой дрожью, я куталась в разорванную материю и пыталась отдышаться.

Смотреть на своего насильника напрямую я боялась, хоть и продолжала краем глаза отслеживать его фигуру. Граф все также сидел, привалившись у стенки и рассматривал меня, куда более открыто, чем я. Было видно, что ему плохо, но не от боли физической, а от Жажды сводящей с ума. Эдриан словно сопротивлялся самому себе, удерживался от попытки добраться до меня вновь.

— Ванесса называла это игрой — “Охотник и жертва”. Ей нравилось убегать, чтобы я

преследовал. Она говорила, что это единственная возможность понять, что чувствует ее еда, когда она выпивает жизнь, — словно оправдываясь, произнес он.

— Ваша жена была редкостной сукой, — ответила ему из угла. — Я знаю о ней всего несколько часов, а уже ненавижу за то, что сумела сломать мне жизнь.

— Как вас зовут? — наконец удосужился спросить он.

— Неважно, — огрызнулась я. — Вы все равно будете упорно игнорировать мое имя, называя именем жены.

— И все же.

Мгновение я помялась, стоит ли говорить ему. Но какая в сущности разница, если этот бессмертный подонок рано или поздно в своей бесконечной жизни узнает правду.

— Роуз, — сдалась я.

— Тогда простите меня, Роуз, — опустив голову произнес Малкольм. — Семь лет Жажды кого-угодно сведут с ума. Я не собирался вас насиловать, просто на какой-то миг я опять увидел себя частью бесконечных игр с Несс... Еще раз простите.

Он с усилием поднялся с пола, отряхнул одежды от пыли и щепок, которых теперь было сполна по всей комнате, и двинулся к двери.

— Ну и куда вы? — окликнула его.

— Прочь. Подальше из этого города, а возможно из страны. Я прожил в Жажде семь лет, сумею прожить и дальше.

Мне захотелось истерически расхохотаться. Отличное предложение со стороны графа, а главное любезное: исчезнуть из моей жизни так же быстро, как в ней и появиться, вот только было одно “но”.

— Вы разорвали на мне платье, разнесли пол номера, который между прочим, оформлен на мое настоящее имя. Поэтому спешу сообщить, что платить за этот беспредел мне нечем, да и в общем-то не буду.

Собственно, если с платьем ситуация была вполне поправима, то счет за номер рисковал быть неподъемным для кошелька вдовы барона Клайвшота.

— У вас есть второй наряд, — граф кивнул на целое платье, в котором я пришла, будучи в образе Роуз. — За номер не беспокойтесь, я все оплачу.

— Надеюсь, на ваше благородство, — не без доли ехидства отозвалась я, про себя отмечая, что уже не чувствую себя затравленной ланью.

В следующий миг, дверь комнаты хлопнула. Граф все же сбежал, оставляя меня наедине с собой.

Времени жалеть себя дальше жалеть не было. Я решительно вскочила на подрагивающих в коленях ноги и кинулась закрывать за Эдрианом замки, чтобы не дай бог, не вернулся, а уже после принялась снимать с себя остатки роскошного наряда.

В ставшем тряпкой платьем уже не было чем восхищаться. Вышивка порвана, аметисты разбросаны по всей комнате. Будь у меня больше времени, я бы облазила каждый миллиметр номера и собрала камни, все же не в моем положении разбрасываться подобным богатством. Сейчас же подобрала парочку, засунула в ридикюль, и принялась облачаться в скромное, но такое привычное траурное платье. Родная внешность вернулась с легкостью и даже внутренней радостью. После случившегося, превращается в такой любимый доселе образ роковой брюнетки, я не собиралась никогда. А едва я была полностью готова, в дверь постучали. Я невольно вздрогнула, боясь, что вернулся граф.

— Кто там?

— Хозяин отеля, — раздался требовательный голос. — Один из постояльцев, заявил, что нанес ущерб комнате. Мне необходимо оценить потери. Откройте!

Мне вдруг захотелось все же сбежать через окно, лишь бы не выполнять требования. Но взяв себя в руки, заставила подойти и отодвинуть щеколду.

За дверью меня ожидал гневного вида худощавый мужчина, средних лет. Было видно, что его подняли с кровати, разбудив среди ночи. За ним стоял мальчишка-администратор, растерянный и чем-то напуганный. Замыкал эту компанию граф.

— Как видите, — сообщил он хозяину. — Ущерб не столь катастрофичен, но я готов оплатить!

Сам же владелец отеля, разглядывая разнесенный номер, потерял дар речи.

— Не катастрофичен? — взревел он. — Да здесь ремонт на тысячи золотых.

— Не преувеличивайте, — покачал головой Эдриан. — Цена этому клоповнику не больше пятидесяти монет.

— Я вызову полицию, — взревел хозяин, от этого голоса мне захотелось втянуть голову в плечи.

— Пожалуйста, — слишком легко согласился граф. — Тогда все выплаты в рамках судебной тяжбы, после того, как компетентный оценщик подсчитает точные затраты на восстановление этой каморки. Думаю, на тридцати золотых все закончится!

Слова Эдриана возымели действия. Хозяин отеля осекся и призадумался.

— Сто, — это мое последнее слово.

— А пятьдесят, мое, — не уступил Малкольм и в итоге победил.

На меня в этом поединке никто даже внимания не обратил, до того момента, как Эдриан не отсчитал положенную сумму.

— И даму свою заберите, — буркнул умасленный хозяин. — В следующий раз для своих извращенных игрищ выбирайте отели моих конкурентов. Там хоть все разнести можете!

— С удовольствием воспользуемся вашим советом, — отозвался граф, делая мне едва уловимый кивок, чтобы поскорее выходила из номера.

Не то чтобы я хотела с ним куда-то идти, но раз обстоятельства сложились подобным образом, то и покидать гостиницу я была вынуждена с Малкольмом.

Уже на улице осознала, как близок час рассвета. Где-то на востоке уже начинало светать, а значит домой я безнадежно опаздывала.

— Мне пора, — буркнула графу, круто разворачиваясь на каблуках, чтобы убраться подальше.

— Могу я хотя бы довести вас до дома, Роуз? — послышался голос мужчины, а еще догоняющие шаги. — Да, я вел себя неподобающе, но ничего не мешает мне поймать возницу и оплатить вам дорогу.

— Вы, наверное, думаете, что я полная идиотка, если решили, будто соглашусь? — не снижая темпа ходьбы, буркнула я. — К своему дому я вас и близко не подпущу, так что будьте добры выполнить свое обещание и исчезнуть из моей жизни прямо сейчас.

Но шаги позади и не думали прекращаться: граф упорно следовал за мной, а я, будто спиной, ощущала его снисходительную улыбку.

— Я не считаю вас идиоткой, но ваш адрес перестал быть тайной, едва вы озвучили свое имя.

Как вкопанная я замерла на полушаге. Слова графа казались блефом, однако в голове прокручивались догадки о том, где я могла проколоться. Решение не находилось, и я почти

убедила себя в том, что Малкольм затеял очередную игру и теперь пытается обмануть и запутать меня. Вот только переубеждая меня и явно насмехаясь, мужчина вслух произнес мой адрес.

— Улица Чертополошья 13, баронесса Розалинда Клайвшот, — констатировал он. — Или вы думали, что я забуду адрес, куда направлял курьера с платьем? Конечно, стало некой неожиданностью, что искомая мною девушка и та, о которой Мишель Лонтье отзывался, как о несчастной вдове, не терпящей мужчин, — одно и то же лицо. Но я тоже не идиот, умею совмещать факты.

Пришлось прикусить губу — глупо вышло. Меня выдала мелочь и чересчур длинный язык одного талантливой художника.

— Раз вы знаете адрес, то можете догадаться, что возница не пригодится, — развернувшись лицом к оппоненту, рыкнула я. — Мне до дома десять минут неспешным шагом и можете быть уверены: я с удовольствием преодолею несколько кварталов без вашей помощи!

Мне казалось я говорила убедительно, но, видимо, недостаточно для того, чтобы этот тип отстал.

— Через несколько минут рассвет, — упрямылся он. — И мне будет спокойнее, если я все же провожу вас. Даже несколько кварталов могут быть опасными в этот час.

— Я могу постоять за себя! — как отрезала и вновь двинулась в своем направлении.

— Можете, но только ночью. С первыми лучами солнца это тело... — он смерил меня оценивающим взглядом, — ...станет слабым, как мышь.

Я вспыхнула от возмущения: сравнение с животным мне не понравилось, но вместо выяснений просто ответила той же монетой.

— А знаете, — ехидно проворковала я. — Если вам так нравится бежать за мной следом, тогда пожалуйста. Можете побыть моим цепным псом!

Раз мой адрес раскрыт, то особо шифроваться смысла не было и следовало поспешить домой.

Внутри поселилось беспокойство, что матушка с сестрами уже могли вернуться, а меня не застать. С них бы стало проигнорировать мою просьбу не будить, ведь на маскараде произошло столько событий, с которыми они непременно поспешат поделиться.

Завернув в ближайшую подворотню, я двинулась вдоль темных стен, петляя в закоулках. Малкольм молчаливо и ненавязчиво двигался чуть позади. Реплику про “пса” он все же спустил на тормозах, хотя я прекрасно понимала, что за эту поблажку от меня чего-то ждут. И, вероятно, ждут чего-то определенного.

— На что вы рассчитываете? — спустя квартал все же не выдержала я. — Если на близость, то можете даже не мечтать.

— Это я и так понял из наших предыдущих разговоров.

— Тогда что? — не унималась я. — Или вы уже передумали исчезать из моей жизни?

— Напротив, с каждой минутой все больше убеждаюсь, что должен бежать от вас как можно дальше.

— В чем же проблема? Бегите. Или вам необходим ускоряющий пинок?

— Пинок вряд ли, но поцелуй быть может...

Я закатила глаза. Конечно, выбирая между сексом и прикосновением губ второе было куда предпочтительнее. Да и приток фактически дармовой энергии искушал. А сам граф явно не отстанет, не добившись от меня хоть подобия ласки.

— Один поцелуй, и вы не ищите со мной новых встреч, — после недолгих раздумий предложила ему, тут же добавляя: — В ближайшие сто лет точно.

Малкольм ответил, едва мы повернули на мою улицу:

— Этот поцелуй выходит для меня столь дорогим, что я буду вынужден искать в договоре лазейки.

— Тогда ваше слово не будет стоит и гроша, — легко парировала я.

— Впрочем, мы можем обговорить на одно исключение: если вы сами не попросите меня о помощи или встрече.

— Никогда такому не бывать, — сходу восприняла я эту идею в штыки.

— Не зарекайтесь, Роуз, — спиной я опять почувствовала улыбку на его губах. — Если я что-то и понял за тысячи лет, так это то, что никогда нельзя быть в чем-то уверенным.

— И все же никогда, — твердо стояла на своем. — Никогда я сама вас не позову. И кажется, мы дошли до моего дома.

Я остановилась у секретного лаза в заборе, за которым раскинулся сад матушки. Через главные ворота путь мне был точно заказан, а посему расстаться с Малкольмом я собиралась уже здесь и сейчас.

— Что ж, целуйте, — равнодушно дозволила ему тоном, будто согласилась на великое одолжение.

Мужчина медленно приблизился ко мне, я разглядела каждую черточку его точеного, идеального лица. Сейчас я ни капельки не боялась графа, наверное, близость дома позволяла мне чувствовать себя увереннее рядом с ним. Быть может поэтому я даже не закрыла глаз, когда его губы коснулись моих.

Поцелуй был... никаким.

Безвкусным.

Умелые движения губ Эдриана конечно завлекали, и несомненно, будь я простой девушкой, граф вскружил бы мне голову и даже сорвал бы не один стон. Но... для меня это было никак. Я чувствовала поток энергии, тянущейся от него ко мне: сильной, упорной, живительной, но абсолютно никакой.

Людские грехи были сладкими, манящими, пьянящими. Апельсин, яблоки, корица, вино, вишня, сандал, кориандр. Всего и не перечесть.

Малкольм же казался пустым, не дарящим никакого удовольствия, кроме утоления чувства Голода. В этот момент я впервые поняла Ванессу: неудивительно, что она ненавидела графа и шла убивать. Ей хотелось вкуса!

Так же, как и мне сейчас!

От этой мысли мое сердце болезненно сжалось, ведь я вмиг узрела свое будущее. Такое же, как у Ванессы. Убивать я буду долго, веками... бесконечно. Не для голода, а ради удовлетворения другой, чудовищной потребности. Ради ощущения сладости чужих жизней.

— Хватит!!! — выпалила я, отворачиваясь и упирая ладонь в его грудь.

Когда мужчина отпрянул, резко развернулась, направившись в сторону забора. Не терпелось поскорее протиснуться в лаз в заборе, оказаться в саду и покончить с этим непрекращающимся кошмаром.

— Роуз, один вопрос, — вырвал из раздумий его баритон.

Я вздрогнула, скорее от раздражения, чем от неожиданности, по телу будто пробежали неприятные мурашки.

— Что еще? — не пыталась с ним фамильярничать. Этот тип порядком надоел

навязчивостью и нежеланием оставить меня в покое. — Разве вы получили не все, что хотели, или после “аперитива” желаете перейти к “десерту”?

— Хотелось бы сказать “да”, но так как у нас с вами был уговор, вынужден отказаться, — сказал он так, будто это я некоторое время назад приставала к нему и пыталась изнасиловать. — Каковы ощущения после нашей весьма скромной близости? Неужели вам понравилось?

Его самодовольный тон порядком начинал раздражать.

— Когда целовала вас... — хотелось ужалить побольней, так, чтобы след от моих слов надолго врезался в его память. Не оборачиваясь, ответила, — ...я не почувствовала НИ-ЧЕ-ГО. Абсолютно. Хотя нет. Вкус вашего поцелуя доставил мне такое же удовольствие, как и стакан горячей воды в знойный день. Сомнительное удовольствие, которое мне не хотелось бы испытывать вновь.

Он усмехнулся. Спинай ощутила, как он приблизился ко мне, а затем его сильные руки, коснувшиеся моих плеч. Вдруг захотелось исчезнуть, в надежде на это даже прикрыла глаза. Как же хотелось оказаться подальше отсюда и этого негодая.

— Хотите, расскажу, что почувствовал я? — прошептал граф мне на ухо, и не дожидаясь моего ответа произнес: — Ваш вкус незабываем, мне даже показалось, что Ванесса по сравнению с вами, была банальным перезрелым персиком. Сладким и до тошноты приторным.

Я скривилась.

— Не стоит так нагло льстить мне. Думаю, что для покойной жены вы тоже не были идеалом. Будьте же благодарны бедняжке хотя бы за то, что она долгие годы спасала вас от мук.

— Конечно, я ей благодарен, — рассмеялся он. — Вот только вы имеете хоть некую иллюзию свободы, моя участь зависеть от вас, как когда-то зависел от Ванессы.

Его слова ни капли меня не тронули, скорее наоборот.

— Привыкайте жить с Жаждой, граф, — холодно произнесла я. — Когда-то у вас это неплохо получалось. Прощайте.

— До встречи, — словно исправляя меня, отозвался Малкольм. — И помните, вы всегда можете попросить меня о помощи!

Зря надеется. Я твердым шагом двинулась к забору и нырнула в лаз, чтобы скрыться в зарослях густого сада матушки.

Пробираясь меж кустов, я старалась быть, как можно тише и незаметнее, ведь в рассветной тишине, даже легкий хруст ветки, казался мне громом. Надежда, что я успела вернуться раньше матушки и сестер давно покинула меня, наверняка они уже несколько часов как дома, и мне остается лишь надеяться, что родственницы крепко спят после насыщенного событиями бала.

Едва выбралась на дорожку, ведущую к клумбе под моими окнами, была тут же окликнута почти забытым голосом.

— Доброе утро, баронесса, — слышалось за спиной. — Или, быть может, доброй ночи?

Лорн. Уж кого-угодно, а не его я ожидала повстречать в этот предрассветный час. Матушка ведь заверяла что детектив уехал в столицу, но что я видела: Ричард совершал свою обыденную пробежку по нашему саду.

— Видел вы не одна, — с некоторым ехидством отметил он. — Сегодня ваш поклонник

набрался духу и соблаговолил проводить вас до дома. Очень любезно с его стороны. Как мы уже убедились, такой красивой барышне опасно выходить на улицу одной.

Я закатила глаза к небу, вездесущий Лорн умудрился заприметить меня и Малкольма вместе. Какой кошмар, хотя в случае с доставучестью детектива, это было даже не плохо, особенно после нашего с ним поцелуя, но вот тон, с которым он обращался ко мне, абсолютно мне не понравился.

Я хмуро посмотрела на стоявшего не так далеко мужчину. Он демонстративно вытер проступившие капельки пота и закинул мягкое полотенце на мускулистые плечи. Но на меня эти мужские фокусы не действовали. Я чувствовала себя настолько прескверно, что была готова убить любого, пусть даже им окажется Лорн.

— Скажите, детектив, не кажется ли вам, что наши утренние встречи становятся неприятной традицией? — уперев руки в бока, вперила в него злой взгляд.

— Я всегда занимаюсь пробежкой на рассвете в вашем замечательном саду, — улыбнулся он, показательно разведя руками и изображая одно из упражнений. — И я вовсе не виноват в том, что чьи-то ночные свидания имеют особенность заканчиваться именно в это время. К слову, хочу заметить, приличные девушки в это время спят в своих кроватках и видят сны.

Он подошел ближе, не обращая внимание на мое полное гнева выражение лица.

Изо всех сил я старалась сдерживаться, чтобы не вlepить ему пощечину за такие намеки. Какое право он имел так разговаривать со мной? Или после одной ничего не значащей чашечки кофе и поцелуя он вдруг решил, что может говорить мне все, что заблагорассудится? Это из-за него я мучилась от Голода. Из-за него оказалась на чертовом балу и столкнулась с проклятым Малкольмом. Боже, как я сейчас жалела о том, что матушка разрешила ему остановиться у нас... и вконец испортить мне жизнь.

— Порядочные мужчины, детектив Лорн, не суют свои любопытные носы в чужие дела, — возмущенно заявила я. — Вижу вы, уважаемый постоялец нашего скромного гостевого домика к таковым не относитесь. Всего доброго!

— Будьте осторожны, когда начнете взбираться к себе в комнату. Ваш благочестивый любовничек уже ушел и ловить вас будет некому, — продолжил насмехаться Ричард, наблюдая за моими решительными шагами к окну. — Всего хорошего, баронесса. Сладких снов.

— Бегите уже. Вас заждались ваши... упражнения!

Лишь когда Лорн убежал завершать свою утреннюю зарядку, осознала, какой тонкий намек получила от детектива.

Черный ход, через который планировала попасть в дом, оказался заперт, в итоге пришлось очень тихо подставлять садовую лестницу под окно и забираться в комнату через подоконник. Как объяснить появление лестницы утром матушке, решила подумать позже. Очередная ложь вряд ли ухудшит мое положение ещё больше.

Зато едва оказавшись в родной спальне, наконец-то почувствовала себя спокойно. Усталость навалилась сильнейшей тяжестью. Быстро сняв одежды, залезла под одеяло и почти сразу погрузилась в объятия Морфея, пообещав разобраться с проблемами завтра.

Утро началось с робкого, но настойчивого постукивания Бри в дверь комнаты.

— Войдите, — сказала я, с трудом разлепив глаза.

— Роззи, ты все еще нежишься в постели? — сестра влетела в мою комнату словно ураган и вмиг оказалась лежащей рядом со мной на постели. — Мне так жаль, что вчера ты не смогла быть с нами на маскараде. Вечер был незабываемым! Мне даже удалось отвлечься от дурных мыслей.

В миг меня окутало ее бесконечное восторженное щебетание, деталей я почти не разбирала, хотя ее лучащиеся светом глаза не могли оставить меня равнодушной.

— Вижу, это не все, что ты хотела мне рассказать, — проницательно заметила я, когда она умолкла, но вид при этом оставался загадочным. — Ну же, не томи. Ты познакомилась с каким-нибудь интересным кавалером?

— Едва мы с матушкой и сестрой вошли в залу, как ко мне подошел офицер в маске и пригласил на танец. Казалось, что мы вальсировали всего мгновение, так быстро пролетел вечер. Он был таким галантным, я даже...

— Ни разу не наступила ему на ногу? — решила пошутить я, безжалостно вторгаясь в мечтательные мысли Бриттани.

— Пригласила его к нам на ужин, — закончила она. — Как думаешь, я поступила правильно? Не слишком ли легкомысленным был мой поступок?

— Если этот человек тебе действительно понравился, то ты все сделала правильно! — поддержала я. Сестра хоть и была немного наивной, и порой даже вела себя весьма опрометчиво, но лучше пусть думает о том, как сервировать стол к ужину, чем о глупостях, связанных с неудавшимся женишком Пикертом. — Когда ждать твоего ухажера?

— Сегодня вечером он будет у нас. Матушка обещала помочь мне с составлением меню.

В итоге весь день был занят приготовлениями и обсуждением меню с матушкой. Бри то и дело прибегала ко мне в комнату в новом одеянии. Розовое платье сменялось бледно-синим, затем сестра решила, что правильнее будет надеть легкое зеленое, но в итоге остановила выбор на нежно-персиковом.

— Кажется все готово! — наконец, заключила маменька, поправляя последнее выставленное на стол блюдо.

— Все выглядит просто изумительно, — сделала я комплимент ее стараниям. — А запах! Да на такие ароматы сюда должны слететься все мужчины округи.

— Не преувеличивай, дорогая, — матушка довольно улыбнулась и присела на стул во главе стола, как и полагалось старшей женщине семейства. — Ну что, девочки, ожидаем прихода гостя.

Минуты потянулись бесконечной вереницей, и казались целой вечностью. Ведь гость уже довольно сильно опаздывал. Бриттани не могла сидеть на месте, то и дело подбегая к окну, и заглядывая в сторону ворот.

— Бри, присядь. Не стоит всматриваться в каждую промелькнувшую тень, — в голосе матушки слышался легкий холодок. — Леди не должна так себя вести, это моветон. И вообще, если мужчина заставляет себя ждать так непозволительно долго, это показывает его воспитание с не лучшей стороны, — она на мгновение запнулась и болезненно потерла виски пальцами. — Все, девочки, я больше не намерена терпеть эту... мигрень, стоит поднять наверх в свою комнату и принять микстуру, а лучше всего прилечь. Дайте знать, если гость соизволит все-таки явиться.

Комната потонула в тишине, казалось, любое слово может окончательно разрушить все надежды Бри.

— Роззи, Эмили, я выйду на улицу и немного подышу воздухом. Хорошо? — наконец выпалила она.

— Да, дорогая!

Мы понимали, что сейчас Бриттани стоит побыть одной. Я была даже не в силах взглянуть ей в глаза, понимала, что это только усугубит обстановку и тогда сестра точно разрыдается при всех.

Когда она вышла на крыльцо, я окончательно поняла:

“- Офицер не придет”.

Наверное, у него действительно произошло что-то из ряда вон выходящее, ведь я вчера видела его на балу, и он не показался мне подонком, как раз наоборот. От него даже не пахло сильными запахами грехов.

Я наблюдала в окно, как Бри спустилась по ступенькам вниз и пошла по дорожке к качелям. Сестра держала в руках крохотный кружевной платочек и изредка, поднося его к лицу, вытирала набежавшие слезы. Время шло, а сестра все не собиралась возвращаться в дом.

— Сходи за ней, — дернув меня за рукав, попросила Эмили. — Меня она не слушает.

Посмотрев в лучистые глаза младшей сестры, я кивнула и вышла. В саду было прохладно, от земли шло легкое испарение и свежесть цветов, так вкусно пахнущих перед закатом. В голове я подбирала слова, которые скажу сестре, но как назло ничего не приходило на ум, разве что тень, мелькнувшая у гостевого домика, показалась мне спасительной.

Констебль Буллет как раз возвращался с работы, и я тут же поспешила к нему, приветливо махая рукой.

— Добрый вечер, баронесса, — улыбнулся полицейский, приподняв шляпу. — Как поживаете?

— Здравствуйте, констебль. Все хорошо, — я не стала рассказывать ему о нашем неудавшемся вечере. — А как ваши дела?

— О, все просто замечательно. Сегодня нам удалось раскрыть еще одно преступление и поймать-таки наглого воришку, который несколько месяцев водил нас за нос.

— Какая прекрасная новость, — я уцепилась за нее, как рыбка за крючок. — Тогда стоит отпраздновать это важное событие. Мы с сестрами приглашаем вас к нам на ужин. Понимаю, что вы устали после службы, но нам бы очень не хотелось, чтобы вы оказались составить нам компанию.

— Благодарю, баронесса, — изумившись, произнес Буллет. — Мне нужно некоторые время, чтобы привести себя в порядок. И да, я буду рад провести этот вечер в компании вашей семьи.

Это была моя маленькая победа! Едва полицейский исчез за дверью домика, я ринулась к все еще рыдающей сестре.

— Бри, кажется офицер сегодня не придет, — начала я.

— Да, выходит что так, — безэмоционально откликнулась она.

— Но к нам на ужин придет полицейский.

— Какой полицейский, о чем ты, Роуз?

— Я только что встретила мистера Буллета, он весь светился от счастья. Им удалось раскрыть какое-то очень важное преступление, и я решила, что будет не лишним пригласить его к нам. Думаю, что уставший мужчина вряд ли будет что-то себе готовить, перекусит чем-

нибудь ужасно вредным и ляжет спать. А у нас на столе пропадает замечательный ужин. Что если мы все вместе отпразднуем это небольшое событие мистера Буллета?

Она ничего не сказала, только пожала плечами, но по ее жесту я поняла, сестра вовсе не против моей идеи.

— Тогда отправляйся приводить себя в порядок, а я предупрежу Эмили и матушку, — почти приказала я и сама ринулась в дом, побыстрее уладить все могущие возникнуть проблемы.

Но мои опасения оказались напрасны: после того, как я озвучила свой план матушке, ее мигрень, как рукой сняло. Эмили же прыгала возле меня зайчиком, хлопая в ладоши.

— Ура, гости! — Сестра была снова счастлива оттого, что праздник все-таки будет, хоть и по абсолютно другому поводу. Но ей было все равно по какому именно. В ее голове теплились свои ожидания от этого вечера.

Буллет не заставил себя долго ждать и уже через десять минут стоял на пороге нашего дома с большой коробкой сладостей.

— Здравствуйте, мистер Буллет, — дверь ему открыла матушка. — Как мило с вашей стороны, что вы не отказались принять наше приглашение! Очень рады вас видеть. Проходите!

— Отказаться от столь заманчивого предложения было бы крайне глупо, — обменявшись любезностями, они оба вошли в гостиную. — Какой потрясающий стол. Мне даже неловко. Вы ждали гостей?

— Только вас, мистер Буллет, только вас.

Бри подняла на матушку немного удивленные глаза, но тут же поняла, что не стоит сейчас говорить о нерадивом офицере, который чуть было не испортил весь вечер.

— Бриттани, дорогая, помоги нашему гостю, — распорядилась родительница. — Мистер Буллет, Розалинда сказала, что вы раскрыли какое-то весьма важное преступление?

— На самом деле сегодня нам удалось выйти на след преступника за плечами которого была целая серия грабежей богатых особ нашего города. К сожалению, одно из происшествий имело достаточно прискорбные последствия. Сторожу дома были нанесены некоторые раны. Но прошу вас не беспокоится, его жизни ничего не угрожает. Ну а вор сейчас находится под стражей, где ожидает суда.

— Как хорошо, что нас охраняют такие ответственные люди, как вы, мистер Буллет. Любящие свою работу и доводящие дела до конца.

— К сожалению, пока не удастся раскрыть ряд серьезных преступлений, но мы прилагаем все усилия. Хотелось бы, чтобы преступлений совершалось меньше.

— Нужно обязательно поднять за это бокалы, — матушка проявила инициативу и поддержала разговор. — Удачи в ваших начинаниях, мистер Буллет.

— Благодарю вас, миссис Клейтон.

Время за ужином с констеблем тянулось незаметно. Он рассказывал множество смешных случаев, произошедших с ним на службе, а также о том, в каких нелепых местах люди умудряются хранить свои сбережения. Буллет оказался удивительным собеседником. И если вначале Бриттани почти не обращала на него внимание и скучающе гоняла по тарелке пару горошин, но спустя час она всю щебетала с ним буквально обо всем. Ей вдруг стали интересны политика и законы, расспрашивала о работе детективов и криминалистов, да и о жизни полицейского участка в целом. В общем, Бри ожила, что не могли меня не радовать.

— Простоизумительный вечер, — подвела итог матушка, любуясь тем, как расцвела в

общении с Буллетом ее дочь. — Я думаю, что вам, мистер Буллет, стоит всенепременно посетить нас еще.

— Почту за честь, — улыбнулся он и, поднявшись, произнес: — Уважаемые дамы. Было приятно провести с вами все это время. Вынужден откланяться, мне пора.

— Как, уже? — удивилась Бри и перевела взгляд на часы. — Я снова потеряла счет времени, как жаль, что порой оно бежит слишком быстро.

Провожали мужчину всей семьей, словно он не в соседнем домике жил, а на многие километры от нас. И лишь закрыв за ним двери, я с радостью осознала — вечер-то удался.

— Ах, как же я устала, но это настолько приятная усталость, — заметила матушку. Ее внутреннее состояние было схоже с моим.

— Тогда поднимайся к себе и ложись отдыхать, — сказала я, улыбнувшись. — Да и Эмили давно пора спать. А мы с Бри все уберем.

Когда мама и сестра отправились по своим комнатам, Бриттани подошла ко мне и прошептала:

— Ты спасла этот вечер! Спасибо, Роуз!

Лорна я не встречала несколько дней, с тех самых пор, как он заметил меня в компании Малкольма. Видно погряз в горе бумаг, собранных на очередного убийцу или воришку, обшарившего богатенькие поместья.

Но сегодня ночью голод опять начал подгонять меня, и я планировала выйти на охоту. Искать свою жертву в городе мне не хотелось. Вездесущий Лорн и тут мог меня выследить, поэтому решила, что ловить очередного негодяя буду в порту.

Найти жертву в таком месте не должно было составить труда, скорее наоборот, множество кораблей, прибывающих в наш порт ежедневно, привозили в своих трюмах тысячи ящиков, наполненных разнообразными грузами. Но помимо этого доблестные моряки промышляли и контрабандой, в том числе провозом людей, желающих начать новую жизнь в таком месте.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что лучшей наживкой для погрязшего в грехах морячка станет портовая шляха, вконец потерявшая к себе уважение.

Наряд выбрала самый что ни на есть вызывающий: синий корсет, с торчащим из-под него лифом и небольшая, мало что прикрывающая, юбка. Поверх всего этого набросила плаш с капюшоном. Не хотелось никому попадаться на глаза раньше, чем доберусь до порта.

Но мне везло. Полчаса пешей прогулки и я вдыхала пыльный воздух загнивающей пристани. Пахло углем и нечистотами, но подгоняемая голодом, я вдыхала этот “аромат” полной грудью в надежде почуять запах сладких грехов и, наконец, насладиться долгожданным “ужином”.

Но прежде чем начать охоту, я решила спрятать накидку в каменной арке за кучей деревяшек, когда-то наверняка служившими в качестве ящиков. Присев на один более-менее целый, сосредоточилась, начав представлять себе новую личину: брюнетка с пышной копной прядей-пружинок, загорелой кожей и тонкими скулами.

Идеальное попадание в образ, без какой-либо экзотики и деталей, выделяющих меня из числа ночных бабочек.

Выйдя из своего укрытия, направилась вдоль причала, ведомая пойманной мною

смесью ароматов имбиря, алкоголя, апельсина, стейка и каких-то пряностей. Настоящий подарок для ценителя вкусной еды.

Мужчина стоял, облокотившись на грубую стену из булыжников, с зажатой в зубах докуренной до половины сигарой. Я подошла к нему, призывно качнув бедрами, и опустила ладонь на его мускулистую руку.

— Не найдется ли у такого сильного мужчины сигары для хрупкой леди, хотелось бы хоть как-то согреться в столь поздний час, — пришлось даже обхватить себя руками, начав изображать притворно невинную овечку.

Незнакомец достал портсигар и, открыв, протянул его мне.

— Угощайтесь, — безразлично произнес он, вновь устремив свой взор к морю.

Поняв, что этот орешек будет не так-то просто расколоть, решила поменять план действий.

— Вы прибыли на этом корабле? — указывая в сторону его взгляда.

— Да, — ответил он. — Нравится?

— Очень!

— Хочешь выпить? Или ты уже согрелась.

— Не отказалась бы от стаканчика рома.

— Такого добра на нашем судне с избытком. Пошли.

Он двинулся в сторону судна, я посеменила за ним.

Мы быстро поднялись наверх по трапу и двинулись к дальней палубе. До некоторого времени мне казалось, что на судне никого нет, но минуя несколько закрытых судовых помещений, я услышала, как из одного из них доносились пьяные выкрики песни про капитана Джека и влюбленную в него девушку.

— Почему вы не с ними? — решила спросить у своего “ужина”.

— Потому что теперь я с тобой, — мужчина подошел к одной из кают, отворил дверь и указал мне войти внутрь. — Располагайся, сейчас принесу обещанный ром.

И вмиг исчез.

Несколько минут я находилась в комнате одна, рассматривала пустые стены, одинокую кровать. Присела на нее. Постельное белье, на удивление оказалось чистым.

Мне вдруг стало непонятно почему от такого стойкого и уравновешенного мужчины, внешне вполне положительного, просто разило разнообразием всевозможных грехов. На миг мне даже показалось, что я ошиблась, и мой дар начал подводить, подсовывая лживые ощущения и ложные запахи. Но от мыслей меня отвлекло возвращение морского волка.

— Вот, — он протянул мне стакан с ромом и без стеснения сел рядом на кровать.

— Выпьем? — предложила я, приподнимая бокал.

— Да, — и без промедления приложился к горлышку бутылки.

Так и сидели, я со стаканом, он с полной тарой рома.

Наш разговор не клеился, особенно в начале. Мужчина неохотно разговаривал, бросал скудные словечки и замолкал, почти не смотря в мою сторону. Казалось, что я была для него всего лишь собутыльницей, ни о каком желании узнать меня поближе не было и речи. Я же пила медленно, все больше пытаясь разглядеть, что такого особенно в этом мужчине? Почему он не бросается на меня и не пытается взять силой?

После первой бутылки, он вновь отправился за выпивкой, прихватив с собой еще пару бутылок. Мужчина пил настолько много и быстро, что я едва успевала следить за тем, как один сосуд сменялся другим. После четвертого началось веселье.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Разве это имеет значение? — игриво произнесла я, раскручивая одну из своих прядей-пружинок.

— Я спросил, как тебя зовут? — моряк отправил бутылку прямиком в стену. От неожиданности я даже вздрогнула и подобралась, хотя бояться мне было нечего. Сейчас я превосходила своего визави по силе и ловкости, но все равно решила вести себя более осторожно.

— Марта, родной. Не нужно так нервничать.

— Красивое имя, Марта, — он опустил свою руку мне на коленку и с силой ее сжал. — И ноги у тебя красивые. А знаешь в чем беда, Марта? Кажется, у нас закончился ром. Но ты не переживай, я готов тебя согреть. Настоящие морские волки умеют дарить таким девочкам, как ты, тепло. Ах как я изголодался по женскому телу. Будь проклято это море!

Он опрокинул меня и полез сверху. Оказавшись на мне, не стал снимать свою тельняшку, а просто порвал ее. Получилось это на удивление легко и быстро.

Я оглядела тело своей жертвы. Мой морячок не был красавчиком по которому сходят с ума женщины. Если на его прессе и были когда-то кубики, то сейчас их скрывал небольшой волосатый живот. Словом, простой работяга с обветренной кожей, уставшим взглядом и теряющий контроль над собой после излишне выпитого алкоголя. Было ли мне его жалко? Скорее да, чем нет. Но я прекрасно понимала, что зверь сидящий внутри него слишком часто вырывался наружу, особенно когда алкоголь зашкаливал в его крови. Волк... морской волк!

— Какой ты сильный, — начала подначивать я, усмехаясь, и провела острым ноготком по его небритой щеке. — Сперва ты показался мне скромнягой, но я думаю, что ошиблась.

— Не смей считать меня слабаком, женщина. Ты сама пришла, а значит получишь то, чего хотела.

— Очень на это надеюсь!

Я поторопилась снять с себя одежду, боясь, что, не контролируя себя, мужчина порвет ее. Тем временем сам он разделся и нетерпеливо лапал меня.

— Да, капитан, и с кораблем у вас все в порядке, — я снова хихикнула, изображая похотливую дурочку, уставившись на его член.

Он притянул мои ноги к своим и навис надо мной, источая зловонный запах алкоголя. Ему не терпелось поскорее начать, выплеснуть всю накопившуюся страсть, почувствовать то тепло, которым могла одарить только женщина.

— Держись, девочка, ты попала в самый эпицентр урагана, — и резко вошел в меня, закатив глаза.

Его руки обхватили мое тело и приподняли меня за спину. Он жадно целовал мою нежную кожу, впиваясь в возбужденные соски алчными губами, и я почувствовала, как его жизненная сила растекается во мне, вновь наполняя необходимой энергией. Выгибалась и стонала от внезапно охватившего удовольствия, царапала его тело, оставляя ярко-красные следы, кусала свои губы от чувства абсолютной эйфории. Хотелось кричать от этого желанного вкуса своей жертвы, а какие ароматы источали его грехи и похоть! Мужчина не думал останавливаться и как заведенный вонзался в мое лоно, ускоряя свои и без того резкие движения.

Я пыталась перевернуться и оказаться сверху него, чтобы контролировать ситуацию, но он резко ударил меня обратной стороной ладони. Один раз, второй, еще...

— Прекрати, — пыталась остановить я. — Это не смешно!

— Молчи и не двигайся, здесь я решаю, что и как мы будем делать.

Он опустил руку на мое горло и начал сдавливать. Сперва легко, я даже получала от этой игры удовольствие, затем его пальцы сжались сильнее. Понимая, что в скором времени он полностью потеряет над собой контроль, я принялась поглощать его жизнь и энергию еще быстрее.

Он ослабевал, тряс головой и не понимал, что происходит. Движения становились медленнее, а вскоре он и вовсе, словно опомнился, отстранился от меня, грубо откинул мои ноги, встал с кровати и попытался идти в сторону выхода из каюты.

— Куда ты? — спросила я, пытаюсь понять, что он задумал.

— Мне нужно на воздух.

Я проследила за тем в какую сторону он пошел, и, наспех собравшись, последовала за ним.

Он медленно брел по палубе, изрядно шатаясь и не понимая куда нужно двигаться, да и я не понимала хотел он позвать на помощь или просто сошел с ума. Стараясь пробираться, как можно тише, на цыпочках шла за ним, опасаясь, что его дружки из команды могут быть рядом.

“Мой волк” шел к причалу, и уже спускаясь по трапу, стал заваливаться в сторону, а после, потеряв равновесие, упал в воду. Подбежав ближе, я не увидела на поверхности его тела. Возможно всему виной была темная ночь или его затянуло ко дну, но в любом случае спасти мне было некого, да и не хотелось.

Моряк был слишком опасен, когда выпьет, и вряд ли в его жизни могло произойти что-то особенное, что заставило бы бросить эту привычку.

На этот раз мне даже не понадобилось ничего делать, алкоголь поставил окончательную точку в его жизни.

Понимая, что оказалась на месте преступления, кинулась прочь с корабля. И только немного поплутав по подворотням и успокоив беснующееся сердце, отправилась к тайнику, чтобы забрать свой плащ, оставленный за старыми ящиками. Откопав его среди досок, накинула на плечи и побрела в сторону дома, для этого пришлось выйти обратно к пристани, иначе из порта было не выбраться.

Но обратный путь оказался не столь легким, как путь сюда.

— Эй, красавица, — передо мной стоял огромный тип изрядно напившийся и пошатывающийся. — Что здесь забыла такая прелесть?

— Уж точно не тебя, — огрызнулась в ответ.

Я пыталась обойти его, но мужлан преградил мне дорогу, повторяя каждый мой шаг.

— Один поцелуй и можешь идти дальше, — пьяно усмехнулся он, протягивая ко мне руки. Я всячески избегала его прикосновений, это мельтешение напоминало какой-то нелепый танец, который начал мне надоедать.

— Я позову полицию, — решила блефовать я.

— Ууууу, наша дама с коготками, — гоготнул задира. — Только никого ты не позовешь, шлюшка. Я видел, как Большой Дик вел тебя на свой корабль.

Мысленно чертыхнувшись, поняла, что нужно бежать и подальше, ведь только свидетелей мне не хватало. И свернуть бы этому гаду шею, но как назло из ближайшего паба вывалилась целая толпа гомонящих пьянчуг.

— Отвали, — прорычала я и попыталась обойти домогателя. — Иначе хуже будет.

Но этот идиот меня и не послушал. Мои гнев его веселил. На мгновение потеряв над

собой контроль, я оттолкнула его, не понимая, что сейчас мерзавец полетит в воду.

Он мертвой хваткой вцепился в мой плащ, который я слишком слабо завязала, и полетел вниз с пристани, сжимая в руке важную деталь моей маскировки.

— Черт, черт, черт.

Я побежала с пристани, уже не оглядываясь на то, как пьяница барахтается в воде, а рядом с ним плавает мой бедный плащик.

— Стоять, полиция, — издали услышала я.

Все же обернувшись, я увидела шесть полицейских, среди которых был... Лорн.

— Этого мне только не хватало, — вмиг забывая о потерянной вещице взвыла я и кинулась наутек.

Бросив на побег все силы и сноровку, я воспользовалась форой в довольно большое расстояние, разделяющее меня и полицию. Мне пришлось преодалевать заборы, перебираться по низким крышам судовых пристроек, всячески замечать следы. Через двадцать минут лихого бега я успокоилась. Ни один человек не в состоянии повторить все те акробатические трюки, что пришлось сотворить мне.

Теперь меня радовало только одно, что, добравшись до дома я не увижу на садовой дорожке Лорна. Сегодня ночью он занят более важными делами: ловит меня в порту...

— Заканчивайте с трупом и отправляйтесь в участок, — приказал Лорн сержантам, осматривая пристань. — Свидетеля мы с констеблем Буллетом допросим и доставим в участок сами.

Детектив еще раз поднялся на корабль, прошелся по каютам, осмотрев каждый уголок, и вышел на палубу. Водная гладь простирающаяся перед ним уходила вдаль на тысячи километров.

— Пришли в себя? — спросил он у кого-то за своей спиной.

— Д-да, — мужчина изрядно дрожал, нещадно стуча зубами и, казалось, пытался вобрать в себя одеяло, чтобы хоть на толику стало теплее.

— Чей плащ вы держали в руке? — холодным тоном осведомился детектив.

— Д-девушки.

— Где она сейчас? Что вы с ней сделали?

— Ушла. Наверное.

— Наверное? — удивился Лорн. — Мистер...

— Хендриксон. Руперт Хендриксон, сэр.

— Можно точнее, мистер Хендриксон? Девушка ушла или... вместе с вами оказалась в воде? Если я узнаю, что она утонула, то засажу вас за решетку на долгие, долгие годы.

Подозреваемый испугано сглотнул, а затем, секунду подумав, выпалил:

— Когда я попытался схватиться за нее, то в моих руках оказался только ее плащ. Она толкнула меня в воду. И это странно.

— Что именно? — приходилось вытягивать из “пловца” каждое слово, что несомненно утомляло.

— Я не считаю себя хлюпиком, детектив, а это девушка с легкостью оттолкнула меня. Но передо мной была не какая-нибудь тучная дама, спорящая в размерах со слоном. Вовсе нет. Хрупкая куколка. От края пристани было несколько метров. Я был пьян, но не до такой

степени, чтобы не устоять на ногах.

— Вы видели, как она здесь оказалась?

— Спустилась с корабля.

— Этого?

— Да.

— Вы видела с кем она была? Раньше вам приходилось ее видеть? Во что она была одета? Как выглядела.

— Совершенно одна. На вид обычная портовая шляха, но раньше я ее здесь не видел. Возможно парни, которых вы уже забрали в участок что-то о ней знают, но не я.

— Их мы обязательно допросим, но и вам, мистер Хендриксон придется проехать с нами.

— Но я уже все вам сказал! — в глазах подозреваемого читался явный испуг.

Он даже подобрался и был готов вскочить с места, и бежать с палубы прочь. Вот только затея эта была бессмысленна: с одной стороны корабль омывали непредсказуемые воды, с другой — стоят вооруженный констебль.

— Посидите в камере, подумаете, может быть вам удастся вспомнить что-то еще, — Руки Лорна были заняты злополучным плащом. Он осматривал его с целью найти хоть какую-то зацепку. — А мы пока поищем вашу даму. Я думаю, на сегодня довольно, едем в участок. Вставайте, мистер Хендриксон.

Взгляд детектива в очередной раз упал на плащ, под его пальцами красовалась потрепанная нашивка: “Комиссионный магазин "Рэдлин и Скотт””.

— Это уже что-то, — пробормотал он и подозвал констебля поближе. — Как много в городе комиссионных?

— Три крупных и с десятков мелких лавочек.

Предвкушающая улыбка расплылась по лицу Лорна.

— Значит, придется покопаться в отчетных книгах каждой из них. Кажется, меня ждет крайне занимательная, но скучная работенка...

Несколько месяцев, до самого декабря, я наслаждалась спокойной и размеренной жизнью. Иногда я выходила на охоту и делала небольшие перекусы, оставляя мелких негодяев в живых. Глоток из одного “сосуда”, глоток из второго, глоток из третьего — игра, в которой я чувствовала себя полновластной хозяйкой. Кому какая разница сколько потратит энергии тот или иной подлец, быть может своими поступками я спасала чьи-то жизни или оставляла в сохранности кошельки? Изможденный визави вряд ли пойдет разбойничать в таком состоянии. Ну а мне просто хотелось чего-нибудь вкусенького, тем более если десятки разнообразных ароматов со всех сторон манили и завлекали.

А вот погода выдалась холодная. Наш старый дом, казавшийся нам нерушимой крепостью нуждался в ремонте, но откуда взять средства, чтобы сделать его? Приходилось кутаться в многочисленные одежды, заворачиваться в пледы и молиться о том, что зима сменит гнев на милость. Вот только декабрь совсем не тот месяц, который мог нас удивить своим радушием, скорее наоборот, стоило ждать чего-то более сурового.

— Наш камин совсем не справляется, девочки, — расстроено произнесла матушка, разливая по чашкам горячий чай и вручая каждой.

Бриттани и Эмили сидели на диване обнявшись, высунув из одеял лишь свои симпатичные головки. Я же устроилась в кресле и пыталась что-нибудь придумать, но от такого холода голова отказывалась предлагать идеи.

— Что будем делать? — спросила я, отпивая из фарфоровой чашки.

— О, дорогая, если бы я только знала, — матушка с явным возмущением ударила несколько раз кочергой по догорающим поленьям и устало рухнула в кресло возле камина. — Все, не могу больше, нет сил.

— Может быть продадим что-нибудь? — спросила Бриттани, посмотрев на мать.

— Что нам продавать, милая? Мы уже расстались со всем, чем только могли.

Девушка перевела взгляд на меня ища поддержки.

— Что? — усмехнулась я. — Не смотри на меня так, меня уже продавали.

— Розалинда, — вскрикнула матушка. — Порой ты бываешь просто невыносима. Как жаль, что рядом нет вашего отца.

— Двух невыносимых ты вряд ли бы выдержала.

От еще одной гневной тирады меня спас дверной звонок. Я вскочила с места и ринулась открывать дверь.

— Здравствуйте, баронесса, — на пороге стоял Сэм Буллет, обворожительно улыбаясь.

— Здравствуйте, констебль. — Я не стала держать гостя в дверях и предложила пройти в гостиную. — Может быть чашечку чая?

— Не откажусь от вашего гостеприимства, тем более что за дверью чертовски холодно.

Заметив в комнате констебля девочки дружно приосанились и заулыбались.

— Добрый день, мистер Буллет, — воскликнула мама. — Рады вас видеть.

— Взаимно, миссис Клейтон. А я принес оплату за ваш уютный домик.

В миг его лицо изменилось.

— Простите, но почему здесь так холодно?

— Дом старый, мистер Буллет, — грустно ответила матушка, наполняя фарфоровую чашку горячим чаем, — нуждается в ремонте и, как вы понимаете, у нас нет средств, чтобы его сделать.

Я не узнавала свою матушку. Всегда сильная и независимая женщина предстала перед посторонним человеком слабой и беззащитной. А уж о том, чтобы она рассказала о наших материальных проблемах и речи быть не могло.

— Могу я чем-то помочь? — спросил Сэм, теребя в руках головной убор. Сделал он это настолько деликатно, пытаясь не обидеть своим предложением, что я мысленно поставила ему еще один плюсики.

— Сомневаюсь, мистер Буллет, — нежно улыбнулась она. — Разве что у вас завалялась парочка досок и вы умело орудуете инструментами?!

— Признаюсь, что до настоящего плотника мне далеко, но летом мне часто приходилось работать на ферме моего деда. Он научил меня многому, ну а справиться с несколькими дырами в стенах вашего дома я точно смогу. И да, я знаю где достать доски!

— Сэм, ты ведь не шутишь? — удивилась Бриттани, не спуская глаз с мужчины.

— Я серьезен как никогда, но есть то, без чего я не смогу вам помочь!

— И что же это?

— Ваше согласие.

Мы с девочками облегченно выдохнули, и он это заметил.

— Когда вы сможете начать, мистер Буллет? — уточнила мама. — Сколько денег вам

необходимо?

— Сейчас я отправлюсь на лесопилку своего друга, он кое-что задолжал мне и не откажется помочь. Остальное куплю по дороге.

— Возьмите деньги, — она протянула ему обратно деньги за аренду домика. — Этого будет достаточно?

— Миссис Клейтон, если вас так сильно заботит этот вопрос, то давайте сделаем вот что. Каждый месяц, я буду платить вам чуточку меньше, чем требуется. А пока я думаю, что вам стоит оставить их себе. Зима будет суровой, и кто знает, что может случиться завтра.

— Спасибо...

— В гостевом домике куда теплее, чем здесь, вы можете пойти туда и погреться. — Он посмотрел на свои карманные часы. — Возможно, что до вечера я решу вашу проблему, но точно смогу сказать вам об этом только после осмотра дома.

— Пойдемте, мистер Буллет, я вам все покажу, — матушка ринулась в бой, уводя Сэма из гостиной. — В этой комнате есть небольшая трещина...

Мы еще несколько минут прибывали с девочками в приятном удивлении.

— Невероятно, — воскликнула Бриттани.

— Нам его послал Бог, — Эмили откинула свое одеяло и начала прыгать на диване. — Я знала, я верила в чудо.

— Да, чудо, — все, что могла выдавить из себя я. — Сэм сказал, что нам нужно собрать вещи, чего же мы ждем?

Констебль препроводил нас до домика и открыл дверь, впуская внутрь.

— А как же детектив Лорд, он не будет против? — поинтересовалась я вовсе не потому, что боялась стеснить детектива, мне скорее не хотелось встречаться с ним и его острым языком.

— Ричарда не будет весь день, он занят нашим главным делом, ну а у меня сегодня выходной.

— Который вы, Сэм, решили потратить на нас! — констатировала я. — И за что вам такое наказание?!

— Розалинда, зря вы так драматизируете. Мне вовсе не в тягость помочь столько очаровательным леди в их беде, — в этот момент он перевел взгляд на Бри, наслаждаясь тем, как ее лицо покрывается нежным румянцем. — Чувствуйте себя как дома.

Он прикрыл за собой дверь, а мы начали осматриваться. Все внутри осталось таким, как было в детстве: небольшая уютная гостиная, несколько комнат, маленькая кухня. Домик был построен много позже нашего, поэтому не нуждался в ремонте, хотя, возможно, Буллет и здесь приложил свою руку, вовремя устранив все огрехи.

Интерьер гостиной был скромн: книжные полки, небольшой камин, диван и несколько кресел вокруг чайного столика.

— Я ожидала увидеть здесь беспорядок, — удивилась матушка. — Сложно поверить в том, что здесь живут двое мужчин. Похвальная чистоплотность.

— Мне кажется, что со своей работой они могут навести беспорядок только в своих кроватях. — успокоила ее я. — Но и там, я почти уверена, все находится в идеальной опрятности.

— Девочки, возможно у меня озноб, но я ощущаю сквозняк, — обеспокоилась матушка.

Действительно, по ногам дул легкий ветерок, который придя с улицы мы сразу и не заметили.

— Возможно где-то открыто окно, — предположила я. — Пройду проверю комнаты, вдруг одно из них и впрямь распахнулось. Не хватало еще, чтобы внутрь проник снег.

Спорить со мной никто не стал, поэтому сперва я проверила плотно ли закрыта дверь, надеясь на то, что Сэм недостаточно плотно ее замкнул. Затем кухню и комнату, которая, как мне показалось, должна была принадлежать констеблю. Одного взгляда, даже не переступая порога, было достаточно, чтобы понять — здесь живет человек, большинство времени проводящий на работе.

А вот что творилось в комнате Ричарда Лорна мне было интересно. Внутри меня терзали сомнения, стоит ли так бесцеремонно расхаживать по чужим покоям, но подойдя ближе к двери поняла, что сквозняк шел именно оттуда.

Подумав, что стремление устранить неприятный ветродуй, несомненно, меня оправдает, я потянулась к дверной ручке. Но едва она была повернута, передо мной предстала картина, которая напрочь заставила меня забыть о холоде.

Мимолетный взгляд по комнате, и я замерла, уставившись в одну точку.

У одной из стен стояла огромная доска, поверхность которой сплошь была покрыта записками: “постоялый двор мистера Орфа”, “городской порт”, “почтовый переулок”, “таверна “Дикий Лис”, “берег реки”, “бар “Пей или умри”...

Мне достаточно было прочитать несколько из них, чтобы понять, что объединяло все эти места.

Там я оставляла своих жертв...

Лорн таким способом пытался обнаружить меня, и шел за мной буквально шаг за шагом.

Мне стало плохо. Прислонившись к стене, я начала медленно опускаться вниз.

— Роуз, ты что-то нашла? — послышался крик матушки из гостиной.

— Да, мама, проблема в комнате Лорна!

— Тогда сделай что-нибудь и возвращайся к нам.

Ах, как бы мне хотелось сейчас с легкостью придумать то, чтобы могло мне помочь. Уничтожать его записки не было смысла. Да и поступить так было бы более чем глупо. Рыться в его столе и пытаться понять, насколько близок он к своей цели? Тоже не выход.

Наверняка все документы Лорн хранил в участке, здесь же просто занимался разгадыванием рабочих загадок. Весьма специфичное времяпрепровождение, но что поделать.

Немного придя в себя, но не найдя нужного решения, я закрыла окно и вернулась в гостиную.

— Наш атлет забыл закрыть окно в своей комнате, хотя, возможно, таким образом он закаляется.

— Атлет? — прыснула мама, не переставая что-то вышивать, сидя в небольшом кресле. — С чего ты взяла?

Поняв, что сболтнула лишнее, решила выкрутиться из ситуации:

— Как-то утром я видела, как он бежит по дорожкам нашего сада, делает какие-то упражнения и обливается водой.

Матушка в удивленно приподняла бровь.

— Мне не спалось, и я решила посмотреть на восходящее солнце, тогда я и заметила

детектива, — окончательно оправдалась я.

— Похвально, — восхитилась матушка, и, недолго думая, выпалила, — может, Роуз, тебе стоит к нему присмотреться? Детектив стал бы для тебя блестящей партией.

Я в ужасе скривилась, ясно показывая матери, что она наступает мне на больную мозоль.

— Вряд ли, — с гневом ответила я ей. — В его спальне я и так увидела больше, чем следовало.

— Что ты имеешь в виду?

— Жуткий беспорядок, — соврала я, прекрасно понимая, что матушка и сестры не пойдут проверять достоверность моих слов, а я хоть чуть-чуть выпущу пар, благодаря этой мелочной мести. — Похоже рыться в грязном белье стало для него больше, чем профессией.

— Детектив Лорн защищает наш город от тех, кто нарушает закон. Не будь столько категорична к нему. Тем более, что сейчас мы находимся на его территории и для него являемся незваными гостями.

— Своим гостеприимством нас порадовал вовсе не Лорн, а Сэм, — внутри меня все закипало.

Знала бы она, как мне больно слышать из ее уст похвалу в адрес того, кто пытается поймать ее дочь.

Ведь он ставил меня в один ряд с теми убийцами, маньяками и развратниками, с которыми я и сама боролась, пускай даже весьма своеобразными методами. И если с Лорном государство расплачивалось деньгами, я свою плату брала сама.

И вообще! Не понимаю, зачем вообще содержать в тюрьмах на деньги добропорядочных налогоплательщиков тех, кто загубил десятки людей и отнял заработанное потом и кровью?!

Где справедливость!

И пусть даже самых отъявленных отправляли на виселицу, наша правовая система не всегда могла воздать злодеям по справедливости. В отличии от меня...

— Давай, закроем тему, — попросила я родительницу, явственно давая понять, что мне неприятно говорить о Лорне, тем более в контексте тех матримониальных планов, в которых его начала рассматривать матушка.

Она благосклонно кивнула и вернулась к вышивке.

Несколько следующих часов прошли практически в полном молчании, изредка я перекидывалась с сестрами короткими репликами на отстраненные и ничего не значащие темы, матушка же, погруженная в свои мысли была тиха и занималась рукоделием.

К вечеру Сэм Буллет починил все, что обещал. Не знаю каким образом он успел, возможно трещин в доме было меньше, чем мне думалось, да и лезть в работу мужчины, мешая ему, вовсе не хотелось.

— Ну все, прекрасные дамы, кажется мою миссию можно считать выполненной, — улыбнулся он, раскручивая завернутые рукава своей рубашки. — Пока здесь достаточно прохладно, но если будете какое-то время поддерживать огонь в камине, то станет значительно теплее.

— Да здесь и так стало теплее, — обрадовалась Бриттани, снимая теплое пальто. — Сэм, ты наш спаситель!

Конечно же мы не могли не пригласить его на ужин. Пока занимались приготовлением, мужчина принес в дом дрова и развел огонь в камине. Признаться, это навеяло на меня приятные воспоминания из далекого детства, когда очагом занимался отец, а вечерами

рассказывал сказки, перед потрескивающими искрами поленьями.

К ночи в доме стало совсем тепло так, что даже бедняжка Эмили умудрилась заснуть в кресле, свернувшись, будто котенок, калачиком. Жалко было портить эту трогательную картину, но мне пришлось взять ее на руки и перенесла в постель, укрыв теплым одеялом.

Пусть отдыхает.

Утром я спустилась вниз в прекраснейшем настроении. Матушка и Бриттани уже хлопотали на кухне, готовя что-то вкусненькое на завтрак, а Эмили лежала на диване, прикрыв глаза. Я подошла к ней, села на краешек и с улыбкой спросила:

— Ну как ты, соня, выспалась?

— Угу, — промычала она, не открывая глаз.

Я погладила ее по волосам и опустила руку на лоб. Ладонь словно молнией прошибло. Кожа сестры обжигала жаром.

— Эмили, да ты горишь! — вскочила я и кинулась к коробке с лекарствами.

Как назло, внутри не оказалось ничего, чтобы могло бы помочь ребенку. Все необходимые порошки, микстуры и травы давно кончились.

Я с ужасом вбежала на кухню.

— У нас беда, — возмутилась я. — У Эмили высокая температура, она бледна, как мел. Как вы не заметили, что она заболела? Плюс ко всему, в доме нет даже жаропонижающего!

Два изумленных взгляда поднялись на меня. Сестра и матушка не сразу сообразили, о чем я говорю.

— Она спустилась вниз после того, как мы отправились готовить завтрак, — принялась оправдываться Бри, вытирая сырые руки о фартук и снимая его. — Я немедленно побегу за врачом, а вы пока побудьте с ней.

— Моя бедная девочка, — закудаhtала мать, бросаясь в гостиную.

Сестренка лежала и что-то пыталась сказать, проглатывая слова.

— Консте... тепло...

— Мама, да она бредит, — ужаснулась я, понимая, что еще пять минут назад симптомы не были столь ужасающими... — Нужно срочно сделать хотя бы компресс, или растереть ее уксусом.

Пока я возилась с полотенцами и водой, прошло почти полчаса. Бриттани с врачом задерживались, и это нервировало ни на шутку.

— Где же они? — матушка сидела на полу рядом с ребенком, успокаивающе поглаживая руки Эми. — Почему так долго.

— Не знаю, — отмахнулась я. От примочек жар проходить явно не желал, и меня это крайне беспокоило.

Спустя несколько минут дверь с силой распахнулась и в дом вбежала Бриттани, за ней же, по-стариковски прихрамывая, ковылял пожилой врач мистер Доринктон.

— Добрый день, леди, — поздоровался доктор, снимая с головы шляпу-котелок и отдавая ее Бри.

— Здравствуйте, — нервно произнесла матушка, — но этот день начался отнюдь не с добрых новостей. Моя дочка Эмили заболела.

— Сейчас посмотрим, что случилось с вашей малышкой.

Врач несмешно вел осмотр, изредка произнося лишь “угу”, будто отвечая самому себе на неведомые нам вопросы.

— Что с ней, доктор? — не выдержала его молчания матушка.

— Подозреваю, что пневмония.

— О боже! Я так и знала, что наша проблема с холодом в доме не останется без последствий. Что же теперь делать?

— Лечиться, иного выхода нет. К сожалению, пневмония — это не та болезнь, которую можно переждать. Я навещу вас через несколько дней, а пока оставлю рецепт с необходимыми лекарствами. Аптекарь изготовит для вас необходимые порошки.

— Спасибо, мистер Доринктон, — спустя время благодарила я, а заодно расплачивалась с врачом, отсчитывая скудные монеты из семейного бюджета.

Врач сделал все что мог. Нам же с матушкой оставалось только следовать его советам и молиться, а ещё думать: где брать деньги на лечение сестры, которое обещало быть дорогостоящим.

После ухода мистера Доринктона я, погруженная в тяжёлые мысли, отправилась в аптеку, чтобы прицениться и купить необходимые лекарства.

Как назло, хоть немного скрасить мой день не смогла даже погода. Жуткий мороз и влажный ветер со стороны доков нагоняли на улицы уныние и белую изморозь. Казалось, что каждый метр дороги был сплошь покрыт льдом.

“Теперь понятно почему Бриттани с доктором так медлили.”- подумалось мне, когда едва не разбила нос, поскользнувшись в очередной раз.“- Надо отдать должное старику Доринктому, он справился наледью куда лучше меня”.

Вдобавок, я так внимательно смотрела себе под ноги, что не заметила, как рядом со мной появился Лорн.

— Здравствуйте, баронесса, — улыбаясь, излишне громко произнес он, отчего я чуть было ещё раз не растянулась на дорожке. — Куда вы так спешите?

— По-вашему это так смешно? — возмутилась я его резким появлением, хотя по правде, больше срывала собственную злость.

— Что именно?

— Вот так подкрадываться и пугать меня.

— Простите, я не хотел вас обидеть, — уже менее радостно произнес он. — Я так рад, что встретил вас, баронесса, что не смог сдержать эмоций.

— И почему же вы так рады меня видеть?

Неужели он нашел достаточно доказательств моей вины и именно сейчас шел к нам в дом, чтобы арестовать убийцу-злодейку? Тогда почему нет других полицейских? Негодяй решил взять меня лично, чтобы похвастаться потом перед коллегами, что задержал опасную преступницу в одиночку?

Пока я судорожно об этом размышляла, Лорн повел себя вполне по-джентельменски: решил сгладить конфликт и перевести разговор в милую беседу, на которую я была ни капли не настроена.

— Для моей радости обязательно должны быть причины? Баронесса, почему вы всегда умудряетесь все омрачить?

Видит бог, как мне хотелось сейчас огрызнуться ему, но вместо этого я сдержалась и даже усилием воли оправдала причины своего поведения:

— Сейчас у меня нет ни времени, ни желания вести с вами светские разговоры, —

поспешила я вперед, — моя сестра сильно больна и мне срочно нужно в аптеку. Так что прошу вас, не мешайте...

После этого сделала неудачный шаг, и все же не смогла удержать равновесия: начала падать. Но Лорн оказался проворнее: подхватил меня сзади.

— А помочь мне вы разрешите? — спросил он, ставя меня на ноги. — Обещаю больше не отвлекать вас своей, как оказалось, неуместной радостью и прекрасным настроением.

“Ну хоть у кого-то оно прекрасное”, — мелькнуло у меня, вслух же спросила:

— Чем же вы собрались мне помочь?

— Хотя бы тем, что буду следить за вашими ногами?

— Что, простите?

— Чтобы вы не упали.

Вот несносный тип!

Мысленно я искала способы отказать детективу, но не найдя их, мужественно выдавила:

— Хорошо, отправимся вместе.

Наверное, мой тон так не понравился Лорну, что он все же решил почти всю дорогу молчать. Или, быть может, таким образом он соблаговолил исполнить свое обещание?

— Как продвигаются ваши дела? — решила я нарушить уже кажущуюся неловкой тишину. — Констебль Буллет сказал, что вы сейчас занимаетесь каким-то очень серьезным делом.

— Ох уж этот Сэм с его длинным языком, — Лорн недовольно поджал губы.

— Вы можете быть спокойны, — поспешила я притупить его бдительность, хотя вероятно было уже поздно. Упоминание о работе, заставило мужчину заметно напрячься. — Ваш коллега не сказал ничего лишнего

— И за это я потом скажу ему отдельное спасибо, — все так же недовольно добавил мужчина.

В этот момент мне стало особо неловко перед ни в чем не повинным констеблем, хотя бы потому что виновата в его будущем конфликте с Лорном буду я.

— Может, все же не стоит его слишком ругать, — я кокетливо улыбнулась, немного прищурив глаза. — Ведь тогда он подумает, что я обсуждаю его с вами. Это будет крайне подло по отношению к нему.

Лорн на мгновение замедлил шаг, но тут же продолжил в прежнем темпе.

— Он вам нравится? — неожиданно поинтересовался он, отчего я закашлялась.

— Сэм замечательный человек, но если вы намекаете, что я и он... — возмутилась, повышая тон. — И вообще, что за удивительная способность понимать превратно все, о чем я говорю?!

— Простите, не хотел вас обидеть, — произнес он. — Сказывается то, что мне слишком часто приходится общаться с преступниками...

“— Общаться? — усмехнулась про себя я. — Если бы вы только знали, что мне приходится с ними делать”.

— Сейчас у меня крайне запутанное дело, но пока кусочки не сходятся, — добавил Ричард, словно оправдываясь, я же едва сдержала облегченный вздох.

— Я верю, у вас все получится, — слукавила в очередной раз.

— И я в этом уверен!

“Лучше не стоит добираться до правды, уважаемый детектив. Убивать вас мне бы все же не хотелось”.

И это действительно было так. Самый простой вариант “нет Лорна — нет проблемы”, меня не устраивал, хотя бы потому, что тогда я точно преступлю ту грань между человеком и чудовищем, которым становилась ночами. Одно дело убить насильника, маньяка или другого подонка, и совсем другое лишить жизни хорошего человека.

Да, у детектива были грехи, но не столь явные, чтобы выпить из него остаток жизни.

— Знаете, Роуз, — неожиданно смущенным тоном вырвал меня из мыслей мужчина. — Я бы хотел спросить у вас одну вещь, посоветоваться с вами...

Я подняла на него удивленный взгляд.

— Со мной?!

— Да, именно с вами, — аккуратно начал он. — Но я боюсь, что эта тема может показаться вам болезненной. Однако возможно ваш женский взгляд сможет пролить свет на одно дело.

Беспокойство больно укололо иглой в сердце, уж не про моего ли покойного муженька решил поинтересоваться полицейский, но любопытство все же заставило меня кивнуть.

— Насколько нужно ненавидеть человека, чтобы сто же хрупкая, как вы, девушка сумела придушить мужчину голыми руками?

— Что?! — я испуганно отшатнулась от него, отчего едва вновь не растянулась на льду, но сильные руки вновь притянули меня обратно.

— Не подумайте ничего плохого, баронесса, но мое расследование... — как ни в чем ни бывало продолжил Ричард. — То самое, в котором не складываются детали. Чем глубже я рою, тем больше возникает подробностей, и всплывают новые дела и новые преступления. Так в одном из трактиров, где обнаружили труп, в соседнем номере произошло ещё одно преступление. Убийство. Молодая девушка, немногим старше вас, когда вы вышли замуж, лишила жизни своего супруга. Он не был приятным человеком и вероятно заслужил смерть, тем что пил и регулярно избивал ее до полусмерти, но преступление есть преступление. Каким-то образом она сумела его задушить, и теперь ей грозит виселица. Суд состоится буквально через неделю.

Я слушала, забыв о собственном дыхании, оно буквально замерло у меня в груди. Уж очень знакомую картину описал Лорн.

— И какой совет вы хотели услышать от меня?! — наконец, выдавила из себя, понимая, что Лорн ждёт хоть каких-то комментариев.

— Смущает меня в этом деле одна деталь. Мужчина был, что называется, амбалом. Под два метра ростом. Она же хрупкая и нежная, словно сорванная поутру фиалка. Но характер повреждений, которые обнаружили эксперты однозначно говорит о том, что убит покойный был кем-то обладающим недюжинной силой. Шейные позвонки буквально раздроблены. Отсюда повторю вопрос: насколько нужно ненавидеть человека, чтобы хрупкая девушка, такая как вы, сумела придушить мужчину голыми руками?

— Ненавидеть?! — я посмотрела на Ричарда и искала логику в его нелогичном вопросе. — Вы серьезно? Я ненавидела своего покойного мужа, но у тринадцатилетней девочки не хватит не то что сил, не хватит решительности даже сказать простое “нет”, не то что убить. В этой ситуации можно было только терпеть... и хорошо, что в моем случае все закончилось очень быстро. Что же касается этой, как вы выразились “фиалки”, то если вы настоящий детектив, то лучше не мои советы слушайте, а сами должны найдите улики, которые докажут ее вину или, наоборот, невиновность.

— Я убежден в последнем.

— Так в чем же проблема?!

— В доказательной базе. На шее мужчины остался след от ладони. Тонкой, изящной, явно женской, по размеру идеально подходящей нашей “фиалке”. Да и мотив у нее был. Для суда и обвинения этих данных будет достаточно, чтобы вынести смертный приговор.

Я гулко сглотнула:

— Выходит, ее повесят?

— Боюсь, что да.

Лорн произнес это с затаенным сожалением и одновременно смирением, будто уже ничего нельзя сделать.

— И вы так спокойно об этом говорите? Неужели нельзя доказать суду невиновность? В конце-то концов, вы сами сказали, что в соседнем номере обнаружили ещё один труп. Может быть убийца один и тот же? — невольно подкинула я ниточку Лорну, но в ответ он покачал головой.

— Вряд ли. В первом случае речь идёт о серийном маньяке. Слишком специфичные останки мы находим после его преступлений, во втором же варианте: обыкновенное бытовое убийство. Разный почерк, знаете ли, — как маленькой пояснил он мне, я же едва сдержала истерический смешок.

Огромных трудов стоило вообще сохранять лицо, внутри я была близка к самой настоящей истерике. Уж слишком черная полоса началась в жизни. Не хватало мне детектива, идущего по пятам, так теперь к этому прибавилась забота о больной Эмили, нехватка денег, а в довесок — осознание того, что из-за меня повесят действительно невиновную девушку.

Кажется, если б не хваленое “бессмертие”, коим меня обрадовал Малкольм, схватить бы мне на месте сердечный приступ.

— Розалинда, кажется, я действительно зря завел этот разговор, — мужчина ободряюще сжал мою подрагивающую от волнения руку. — Не хотел, чтобы мои слова напугали и всколыхнули в вас воспоминания о бывшем муже.

— Ничего страшного, я в порядке, — слукавила, опуская взгляд в землю. Побоялась, что Лорн может прочесть с них то облегчение, которое я испытала, едва поняла, на что именно Ричард списал мою нервозность. И тут же, как спасение, выпалила, — Мы кажется пришли. Вот и аптека.

И остановилась у серого, трехэтажного здания, на первом этаже которого, находилась нужна мне лавка.

Я потянулась к деревянной двери, над которой висел колокольчик и скользнула в тепло помещения. Лорн вошёл следом.

Здесь пахло травами и микстурами, особенно явственно чувствовались запахи аниса, валерианы, и абсолютно диссонирующий с ними аромат свежего какао, исходящий от ещё одного посетителей стойкой. Я напряженно приняхалась, чтобы не ошибиться.

Однозначно, пахло от мужчины, мило беседующим с аптекарем.

— Четыре фунта, — подслушала я остаток их разговора.

— Лучше пять и не менее трех цветов посыпки, — отозвался пожилой фармацевт.

— Хорошо, я записал, — произнес вкусно пахнущий грехами мужчина и спрятал толстый блокнот во внутренний карман камзола, пообещав аптекарю на прощание: — Завтра утром, все будет готово, мистер Коуч.

Старик расплылся в довольнейшей из улыбок, я же ломала голову, что может связывать

подонка, пахнущего шоколадом и этого милого составителя лекарств. Надеюсь не преступные делишки по поставкам морфия или других наркотиков в наш городок?

— Простите за задержку, — поприветствовал меня провизор и, словно оправдываясь, пояснил: — Заказывал торт для внучки на завтрашний день рождения!

Я изумленно открыла рот и тут же закрыла.

— Торт?!

— Да, мистер Спарк лучший кондитер и шоколатье нашего города. Я думал его знают в лицо все барышни-сладкоежки, — аптекарь игриво мне подмигнул. — Но мы отвлеклись. Чем, могу помочь, леди?

Я протянула ему рецепт, сама же крепко призадумалась, как могла перепутать запахи греха и настоящего шоколада. Кажется, всему виной нервное напряжение.

Мне бы успокоиться... вот только не выходило. Один Лорн за спиной чего стоил. Он внимательно изучал витрины с уже готовыми порошками, особенно его заинтересовали микстуры от кашля, напротив которых он задержался.

— Леди Клейтон, — вычитал аптекарь фамилию моей матери с рецепта, обращаясь ко мне. Я же не стала его поправлять. — Несколько микстур уже заготовлены, их можно приобрести уже сейчас. А вот этот препарат, — старик ткнул пальцем в нижнюю строчку, — дорогостоящ и имеет свой срок хранения. Поэтому его изготовление требует предоплаты, после которой в течении суток я составлю лекарство.

— Сколько? — убито выдохнула я. Разумеется, я и не рассчитывала на дешевизну, вопрос стоял лишь хватит ли средств в моих карманах на лечение сестренки?

— Десять тысяч.

— Ох... — невольно вырвалось у меня, но я тут же взяла себя в руки. Не хотелось окончательно терять лицо, особенно перед Лорном. Не знаю почему, но при нем, я не собиралась показывать ни малейшей слабости. — Десять тысяч большая сумма, чтобы носить с собой подобные деньги. Предлагаю, занести их вам чуть позже, пока же я возьму готовые лекарства из списка.

Аптекарь согласно кивнул и выставил на прилавок несколько микстур.

С чувством полной обреченности, но гордым выражением лица я отсчитала фактически последние деньги из кошелька, оставляя буквально несколько монет, и подхватила заветные пузырьки, чтобы сложить в сумку.

Я уже готова была выйти из аптеки, когда Лорн попросил подождать его минутку. Он быстро расплатился с аптекарем за бутылку с настоем корня солодки, и сбор грудной травы, после чего двинулся за мной.

Мы вышли на улицу, и вновь в полной тишине побрели к дому.

Так и добрались.

Я планировала расстаться с Ричардом у калитки, но он настоял проводить до самых дверей дома, ссылаясь на опасность льда на садовой дорожке.

Лишь у самого порога я решила полюбопытствовать:

— У вас тоже проблемы с кашлем, детектив? — кивая, на его покупки.

Он лишь улыбнулся.

— Отнюдь, бог миловал. Однако в детстве мать лечила мои болячки именно этими народными средствами.

Я вопросительно изогнула бровь, а Лорн не отвечая дальше, принялся стучать во входную дверь, которую открыла матушка.

— Детектив, — расплылась она в улыбке скорее из вежливости. По ее потухшему взгляду и обострившимся морщинками, я поняла, что дела с Эмили обстоят совсем не оптимистично. — Что-то случилось?

— Добрый день, мисс Клейтон. У меня все в порядке, не переживайте, — он взял не долгую паузу. э, а после продолжил, — Я прослышал о болезни вашей дочери, и не мог остаться безучастным, — пакет с травами был буквально всучен матери в руки. — Я конечно не врач, но эти средства могут помочь, малышке.

Ничего не понимающая матушка ословело захлопала глазами.

— Что это?

— Травы, ничего вредного. Я побоялся вручать их Розалинде. Ваша дочь слишком горда, чтобы принять помощь

Я густо покраснела от его слов. Именно так и было. Не приняла бы.

Лорн же нашел другой способ, всучил пакет матери.

— Благодарю, — рассеянно протянула она, все ещё не до конца осознавая произошедшее.

— Абсолютно не за что, вы можете рассчитывать на меня в случае необходимости.

— Это весьма любезно с вашей стороны, детектив Лорн, — в голосе матушку проявились ноты истинной радости, а косой взгляд в мою сторону, заставил уже меня недобро прищуриться.

Едва полицейского удалось проводить, матушка завела старую песню:

— О, Роуз. Этот Ричард так любезен. Ты бы все же присмотрелась к нему внимательнее, он явно неравнодушен к тебе.

“Я и так вынуждена присматривать за ним чересчур внимательно”, — мысленно огрызнулась, а вслух произнесла:

— Женихи последнее, о чем я могу сейчас думать. У нас есть проблема куда поважнее, а именно болезнь Эмили и отсутствие денег на ее лекарства.

Стоило мне озвучить сумму, запрошенную аптекарем, мать стала бледнее мела.

— Десять тысяч, немыслимо! — воскликнула она. — У нас нет подобных денег.

— И я это прекрасно осознаю, — скупобронуила в ответ, выставляя на тумбочку возле лежащей на кровати сестренки купленные в аптеке микстуры. — Быть может, нам стоит попросить доктора выписать что-нибудь подешевле? Должны же существовать аналоги?

— У нас едва на еду есть деньги, — всплеснула руками Бриттани, — Новый вызов доктора так же обойдется в энную сумму.

Я устало опустила рядом с сестрой. Было, о чем подумать.

— Неужели ничего не осталось из тех денег, которые неизвестный поклонник перевел на счёт Бри? — припомнила я гонорар за своё “позирование” художнику.

Все же там была немалая сумма.

— Увы, Роуз, — мать развела руками. — Больше половины ушло на погашение долгов, а остаток разошелся со временем.

— Нужно было экономить, — буркнула я себе под нос, так чтобы матушка не слышала. Обстановка и так была натянутой, не хватало нам ещё рассориться на ровном месте. — Кто-нибудь может одолжить нам требуемую сумму?

Матушка понуро опустила голову:

— У меня остались друзья в столице, но ты должна понимать, что это займет немало времени. Пока письмо о просьбе дойдет до адресата, затем обратно... несколько дней

минимум.

— Слишком долго, — я встала с кровати и решительно направилась на выход из комнаты. — Я к Мишелю Лонтье. Он многим обязан нашей семье. Думаю, его гонорары позволяют одолжить десять тысяч дамам, попавшим в беду.

Меня никто не останавливал. И так было понятно, что самостоятельно этих денег нам за несколько часов не заработать, и даже продать нечего. Семейные драгоценности, и те, давно заложены.

Выйдя на улицу, я в очередной раз прокляла погоду и чертов лёд на дорожках. Однако в этот раз все было не столь плохо. Дворники уже рассыпали песок, и теперь я могла вполне уверенно шагать по городу, не боясь разбить нос.

Через полчаса ходьбы, я добралась до логова Мишеля и требовательно стучалась в его двери.

Открыл он мне не сразу, я даже начала опасаться, что его нет дома, но через пять минут изнутри послышались звуки, а ещё через пять — створки распахнул заспанный Лонтье. Весь его вид говорил, что ночью он не спал, а лег хорошо если под самое утро.

— Простите, прекрасная Розалинда. Я рисовал картину, — оправдался он, спустя некоторое время, пригласив меня внутрь. — Ждал месяц нужную фазу луны, не мог упустить момент.

Мы зашли в мастерскую, которая служила художнику и гостиной, и столовой одновременно, а иногда ещё и спальней. Там на мольберте действительно стояло свежее полотно, местами сверкая мазками непросохшей краски.

Я невольно залюбовалась пейзажем: полная луна, на фоне иссиня-черного неба. Ее желтоватые отсветы на темных тучах и... Волки. Два зверя: волчица, стоящая на холме, задравшая голову и воющая на луну. В ее глазах отражался жёлтый свет полного месяца, придавая им сходство с янтарем. И волк. Он сидел у подножия горы и грустно взирал на хищницу. Была в его взгляде какая-то безнадежность и обреченность, словно смотрел он не на самку, а на недоступную богиню...бесконечно далёкую и непостижимую, как и сама луна.

— Завораживающе жутко, — призналась я Мишелю. — До мурашек по коже.

— Значит, я старался не зря, — довольно выдохнул он. — Любые сильные эмоции — лучшая награда для творца.

— Надеюсь, заказчику понравится.

— Я надеюсь на это не меньше, — Лонтье улыбнулся. — Что привело вас ко мне, баронесса?

Я немного скривилась от его официального тона.

— Отбросим формальности, мы ведь прекрасно общаемся на “ты”. Я пришла просить о помощи, Мишель. Нашей семье больше не к кому обратиться.

Мой беспокойный тон мгновенно настроил его на серьезный лад. Обычная игривость пропала, напускной пафос тоже. Лонтье умел быть собранным, когда обстоятельства того требовали.

— Что случилось?

Я выложила ему как на духу о болезни Эмили и нашем тяжёлом материальном положении в данный момент. Как я и предполагала, озвученная сумма своим размером Мишеля не напугала.

Он просто кивнул и вышел из мастерской, ничего не говоря, а через пять минут

вернулся с купюрами в руках.

— Вернете, как появится возможность.

Я смущенно приняла деньги, взгляд при этом невольно ушел в пол. Отчего-то в груди появилось чувство стыда...

— Я могу написать долговую расписку, — решила хоть как-то заверить Мишеля в возврате денег.

— Не стоит. Ваша матушка давала моим работам столько рекомендаций, что я обязан вам по гроб жизни!

Я благодарно улыбнулась ему, а после спешно покинула дом, торопясь в аптеку до закрытия.

Успела я за пять минут до конца рабочего дня старика-провизора.

— Я боялся, что вы уже не вернётесь сегодня, — вместо приветствия произнес он, я же молча выложила на прилавок деньги. — Лекарство будет готово завтра после обеда.

— Благодарю вас.

— Не за что, — улыбнулся аптекарь. — Главное, чтобы помогло. Там и поблагодарите.

Слова аптекаря не сбылись. Шел пятый день болезни Эмили, болезнь не отступала ни на шаг, и несмотря на любые лекарства, ей становилось только хуже.

Жар проходил на короткие часы, пока действовала микстура, а после вновь возвращался. Сестрѐнка металась в лихорадке и бредила. Изредка она приходила в себя, ее удавалось напоить бульоном, а после она вновь проваливалась в забытие.

Болезнь сжигала Эмили на глазах, она была похожа и на свечу, исчезающую в палящем огне. Пропали розовые пухлые щеки, они впали, обозначив скулы нездоровой остротой. Лицо казалось бледнее смерти, а губы сухими и красными от жара.

Я, Бри и матушка дежурили у ее кровати круглыми сутками, не зная, чем помочь. А пришедший сегодняшним утром доктор Доринктон развел руками:

— Как не прискорбно осознавать, но я не понимаю, что с ней? Лечение должно было возыметь действие, но ...

Это многозначительно “но” прозвучало так безнадежно, что в моей груди ёкнуло сердце.

— Не в моих правилах ставить собственную квалификацию под сомнение, — продолжал он. — Однако рекомендую, обратиться к моим столичным коллегам. У них более обширная практика и возможно, кто-то сталкивался с подобными случаями.

Сердце вновь пропустило удар. О вызове доктора из столицы даже и речи быть не могло. У нас просто не было на это денег. И ведь не факт, что это тоже бы помогло. Но мистер Доринктон ясно намекнул, что случай похожее редкий и может понадобится консультация десятков врачей.

— Напишите, хотя бы имена ваших коллег, которые могут помочь, — взмолилась матушка. По ее лицу я прочла, что думает она о том же о чем и я, но ей все же хотелось конкретики. — Мы не можем позволить себе вызывать из столицы всех докторов подряд.

— Ну что вы, миссис Клейтон. О вызове на дом и речи быть не идет. У малышки может попросту не хватить времени на ожидание того, пока письма с запросами дойдут до города и обратно. Вам необходимо самим отправляться туда и на месте разбираться с болезнью.

От услышанного я помимо воли всхлипнула, слезы сами проступили на глазах. Если доктор заговорил о нехватке времени — дело дрянь.

— Но перевозка Эмили в подобном состоянии... — прошептала мать, — Это ведь сделает только хуже!

— Боюсь, у вас и выбора особо нет, — неумолимо произнес Доринктон. — В столице есть хоть небольшой, но шанс. Некоторые мои коллеги практикуют экспериментальные методы лечения, которые весьма продуктивны, но для этого придется лечь в частную клинику, где будет обученный персонал и нужные инструменты. Но сразу сообщу, это будет не дешево.

Как ни странно, мы об этом и без него догадались. Матушка и я переглянулись, Бриттани залилась слезами.

— Вероятно, нам все же придется заложить дом, — произнесла матушка спустя час после ухода доктора. — Другого выхода найти деньги в столь короткий срок, я не вижу.

— А дальше? — я сменила очередной компресс на лбу малышки. — Что делать дальше? Как расплатиться с долгом? Если у нас отнимут дом, то я даже думать боюсь, как может повернуться наша жизнь.

— Найдем работу, — решительно выдохнула Бриттани. — Спрячем свою гордость куда-поглубже и пойдем работать. Пускай, даже посудомойками или служанками.

— Ты переоцениваешь жалованье на этих должностях, — осадил я сестру. — Этого будет мало.

— Значит, возьмём побольше смен, — упрямо стояла она на своём.

Я устало обхватила голову руками и прикрыла глаза. Моя сестра была слишком наивна, рассчитывая на гипотетическую работу. Хотя идея была безусловно хороша. Нашей семье следовало давно позабыть гордость и устроиться хоть куда. Пускай даже гувернантками в семью, где подрастают дочери богатых дворян.

Заложить же дом — было последней, самой крайней мерой! После которой нас ждало, действительно, незавидное будущее. Куда вернётся Эмили, если у нас отберут жилье, когда мы не сумеем расплатиться уже по первым платежам? А ведь кроме этого существовал еще долг перед Лонтье, который теперь не казался столь огромным, как в начале.

— Я попробую одолжить у Мишеля ещё денег, — неутешительно выдала я. — Тысяч тридцать-пятьдесят. Это несомненно большая сумма, но ее хватит на то, чтобы нанять экипаж для перевозки Эмили и одной из нас, скорее всего это буду я, чтобы доехать до столицы. Денег хватит даже на то, чтобы пару дней прожить в гостинице и получить несколько консультаций у докторов. А дальше... — по-честному, я и сама не знала, как быть дальше, но уверенно продолжила. — Это даст нам время и возможность найти деньги, не закладывая дом. Матушка напишет своими старым друзьям, попросит помощи. Бри поищет работу. И только если план не удастся, только в самом крайнем случае — возвратимся к варианту с залогом.

Мой план был шатким, но он давал хоть какую-то призрачную надежду.

Да, мы влезали в новые долги, но их и раньше было немало, однако у нас всегда оставалась крыша над головой и хоть какое-то ощущение стабильности. Сейчас же мы могли лишиться даже это.

Мать нерешительно кивнула, соглашаясь. Бри вытерла слезы и сменила меня у постели сестры.

Я поцеловала спящую Эмили в щеку и вышла из комнаты.

Весь путь до дома Мишеля я пребывала в дурных размышлениях, чувствуя себя мышью, загнанной в угол.

“Лорн ищет тебя в городе, — шептал мой внутренний зверь. — Быть может поездка в столицу решит несколько проблем — голода и денег? Ведь ничего не стоит найти по запаху притон каких-нибудь подонков, свернуть им шеи и забрать их деньги. У преступников наверняка найдутся немалые сбережения. Этих средств должно хватить для лечения сестрички, а если не хватит, то столица огромная, всегда можно найти новые жертвы”.

Я пыталась откинуть эти назойливые мысли, но они как назло возвращались.

“И тогда матери не придется закладывать дом. Нужно будет только соврать, что на все процедуры и консультации хватило денег, одолженных у Мишеля. Розалинда Клайвшот — ты и без того убийца, падать ниже уже некуда. Это не будет воровством — это станет попыткой выживания”.

Каждое такое размышление изводило меня, пугало своей сутью и тем, что вероятно мне придется поступить именно так, если не случится чудо...

— Розалинда?! — окликнул меня мужской голос, и я вздрогнула.

Подняла взгляд с земли и увидела Малкольма. Он стоял на пороге дома Мишеля с упакованной картиной в руках. Одетый в расстегнутое пальто, с небрежно накинутым шарфом, только что вышедший из дома художника и готовый тут же забраться в ждущий его экипаж.

— Граф... — выдохнула я и тут же растерялась.

Возможно, передо мной сейчас стояло то самое чудо, о котором я молила. И моя гордость не стоила того, что я сейчас собиралась сделать.

— Я хочу попросить вашей помощи, граф, — выпалила и сама испугалась собственных слов. Знала, чем придется за них расплачиваться.

Я ожидала ехидной улыбки на его лице, но вместо этого он остался серьезен. Ни тени радости не промелькнуло в его выражении, лишь только растерянный взгляд, тут же сменившийся выражением боли, продолжил блуждать по мне.

Он и сам не ожидал меня здесь встретить, а тем более услышать мольбу о помощи, которую я зареклась произносить.

А ведь в тот вечер я даже его адреса не взяла, дура.

Была слишком зла, горда и глупа, даже предположить не могла, что наступит момент, когда буду готова встать перед ним даже на колени, лишь бы помог.

— Давайте, поговорим не на улице, — произнес мужчина, спешно спускаясь по ступеням с крыльца и подходя к кэбу. — Думаю, тихое кафе подойдет для нашего разговора гораздо лучше, чем порог чужого дома.

Мне пришлось кивнуть, хотя мое отчаяние казалось столь велико, что я была готова выложить все и умолять графа о помощи прямо здесь, в кабине экипажа.

Сейчас я сидела напротив Эдриана, разглядывала черты его лица, и нерешительно мяла собственные пальцы. Что-то неуловимое изменилось в Малкольме с последней встречи, пропала куда-то излишняя самоуверенность во взгляде, теперь там поселилась грусть и тоска. Похожую я видела на картине в мастерской Мишеля, у волка, который смотрел на свою непостижимую волчицу.

— Я понимаю, это крайне неожиданно, — попыталась завести разговор я. — Но мне кажется, сегодня вас послал мне сам Бог.

Граф горько усмехнулся.

— Всю жизнь я считал себя и Ванессу отродьями дьявола, так что вряд ли меня мог послать к вам именно Бог.

— И все же, как ни парадоксально, я действительно рада вас видеть.

— А я нет, — эхом отозвался Эдриан. — Мне и так огромных трудов стоит не думать о вас хотя бы минуту... то что, я оказался в городе — чистойшей случайность и, забирая у Мишеля картину, меньше всего я хотел случайно встретить здесь вас — баронессу Клайвшот, просящую о помощи!

Я смутилась.

Мне и так было унижительно осознавать положение, в котором я оказалась, а теперь еще и выяснилось, что самому Малкольму ситуация неприятна, хотя еще несколько месяцев назад он жаждал моего присутствия рядом с собой.

— В нашу последнюю встречу вы обещали мне помощь, — напомнила я. — Выходит, теперь вы отказываетесь от своих слов?

— Нет, — он качнул головой, отчего его идеально ровно лежащие пряди волос сбились. — Просто это тяжело, пытаться заглушить жажду, внушая себе, что вы недоступны или вовсе не существуете, а потом столкнуться вот так — лицом к лицу. Вы хоть представляете, какие монстры сейчас бушуют внутри меня, и что они хотят с вами сделать?

Его голос, пропитанный мукой и болью, заставил меня вздрогнуть и вспомнить каково это быть по-настоящему ГОЛОДНОЙ. Я попыталась открыть рот и ответить хоть что-то, но он тут же перебил меня.

— Молчите, прошу вас, — почти с мольбой попросил Малкольм. — Хотя бы несколько минут, пока мы не приедем. Мне нужно успокоится, а после, вы расскажите, что заставило вас передумать и забыть о своем обещании “никогда не обращаться ко мне”.

Мы ехали еще минут пять по морозному, заснеженному городу, пока карета не остановилась. Я выглянула в окно, чтобы убедиться — мы доехали до одной из самых дорогих гостиниц города “Эллегия-хотел”.

— Я остановился здесь всего на сутки, — пояснил граф. — Завтра мой путь лежит обратно в столицу.

— Почему-то я так и думала, что из всех мест, где можно остановиться, вы выберете самое дорогое. Вот только я не вижу здесь ни одного тихого кафе.

Я даже выглянула во второе окно, чтобы убедиться, что с противоположной стороны улицы есть только несколько не менее пафосных, чем гостиница, ресторанов.

— У нас просто разные понятия о кафе и тишине, — Малкольм вышел из экипажа и подал мне руку, помогая выбраться.

Едва мои пальцы коснулись его ладони, мужчина вздрогнул, но тут же вернул контроль над собой. По его лицу промелькнула гримаса если не боли, то чего-то очень близкого к ней. Мое присутствие рядом причиняло ему фактически физические муки.

Швейцар у дверей гостиницы приветливо распахнул двери, но Малкольм покачал головой, показывая, что не собирается заходить внутрь. Вместо этого он подозвал ошивающегося неподалеку носильщика, вручил ему картину и приказал доставить в свой номер, лишь после этого обернулся ко мне и жестом указал на ресторан “Молли Гвинз”.

Когда-то здесь очень любили ужинать мои родители, но когда после смерти отца дела стали плохи, и эта ресторация осталась лишь хорошим воспоминанием из матушкиной молодости. Я здесь никогда не бывала, лишь изредка проходила мимо, заглядывая в большие окна, за которой проходила абсолютно отличная от моей жизнь.

Слишком богато и дорого было по ту сторону стекла.

— Мы точно сюда? — неожиданно робким голосом, решила уточнить я.

— Да, — не понимая моего смущения, кивнул граф. — В прошлый мой приезд здесь не плохо кормили.

Он говорил об этом обыденно, я же понимала, какая между нами социальная пропасть, и насколько по-разному мы относимся к одним и тем же вещам. Для Малкольма роскошь была чем-то самым собой разумеющимся, я же, несмотря на благородное происхождение и воспитание, смотрела на все эти изыски настороженно и считала ненужным излишеством.

У дверей нас встретил распорядитель зала, свободный столик тоже нашелся быстро. Служащий наметанным глазом определил финансовую состоятельность графа и сразу предложил ему одно из лучших мест: подальше от основных посетителей, уединенный уголок с мягкими диванами за плотными бордовыми шторами. Приглушенный свет навевал обстановке некую романтическую, коей даже и не пахло в реальности, и казалось, что на улице не разгар дня, а глубокий вечер.

Я присела на край дивана, неловко поерзала на мягкой обивке, напротив расположился Малкольм. Из ниоткуда соткался вежливый официант, он наполнил наши бокалы водой, предложил аперитив, подал мне меню в плотной золотистой папке, я же даже побоялась ее раскрыть. Чувствовала себя в этой обстановке неуютно, словно лишняя деталь, пытавшаяся вписаться в новый механизм.

— Я ничего не буду, — твердо сообщила о своем выборе официанту, отдавая обратно меню.

Малкольм удивленно взглянул на меня, и, кажется, только сейчас понял, почему я веду себя столь скованно и растерянно. До него наконец-то дошло, что не стоило тащить меня в подобное заведение.

— Мы оставим заказ через десять минут, — отдал он и свою папку официанту, тем самым намекая, чтобы тот удалился.

Служка кивнул и исчез с наших глаз.

— Итак, Роуз, расскажите, что же случилось, раз вы обратились ко мне? — со всей серьезностью спросил он, внимательно глядя в глаза.

Я отпила воды, смачивая пересохшее горло и, давя в себе остатки гордости, рассказала ему о болезни Эмили, о ее дорогостоящем лечении, о том, что у моей семьи нет денег, и мать собирается заложить дом, но я готова на все, лишь бы этого не допустить.

Каждое произнесенное мною слово, я приравнивала к своему падению в его глазах. Я словно растаптывала себя, понимая, что унижаюсь ради денег, и готова была я действительно на все. Пусть считает меня падшей, но выбор передо мной стоял не богатый: дать матери заложить дом, перебить в столице множество людей и обокрасть их, либо... Я произнесла последнюю фразу своей речи, будто подписала себе приговор:

— Я согласна лечь с вами и удовлетворить вашу Жажду, только помогите моей сестре, — говорила и боялась поднять на графа глаза, сверлила взглядом столешницу, мяла рукой салфетку, но уже смирилась с участью постельной грелки для Малкольма, отработать каждый серебряный, лишь бы помочь сестре.

Ответом мне послужило молчание. Мужчина задумчиво смотрел на меня, и его лицо не отражало той радости или чувства победы, которые я ожидала и боялась там увидеть. В памяти был еще свеж момент, когда там, в гостинице, он пытался взять меня, та хищная мощь и звериная сила, с которой он разрывал на мне платье. Но сейчас в выражении графа

не было ликования, но и разочарования тоже не было.

— Я вынужден отказаться от вашего заманчивого предложения, — наконец произнес он.

У меня же упало сердце в пятки. Как же так? Почему?

— Вы же обещали мне помочь, — всхлипнула я и сама не поняла, как из глаз брызнули слезы отчаяния. — Неужели не видите, что я растоптана и готова на все? Вот я перед вами, прошу помощи, и вы просто мне откажете? А как же Жажда, требующая удовлетворения? Или я перестала быть для вас интересной? А может, предложила слишком маленькую плату?

Каждый мой вопрос отдавался болью в душе. Я словно умоляла его взять меня за деньги. Это была даже хуже, чем ощущать себя последней потаскухой.

— Вы не поняли меня, Розалинда, — все так же спокойно ответил он, гася мою истерику. — Вы не шлюха, чтобы спать со мной ради золота, да и не нужно это. Станет только хуже. Вы раззадорите мой аппетит, а после того, как ваша сестра исцелиться, вновь исчезните из моей жизни. Уж лучше не начинать.

Я вновь всхлипнула, а он продолжал:

— Завтра я отправляюсь в столицу, и согласен помочь вам и вашей сестре просто так. Вы отправитесь со мной. Найм подходящего экипажа для ее перевозки я беру на себя. Но уже несколько дней я уеду по делам на месяц, перед этим оставив распоряжение своему секретарю: помогать вам во всем и выделять любые суммы для лечения вашей сестры.

— Вы оставите нас в своем доме, а сами уйдете? — не поверила я.

— Именно так. Не будем изводить друг друга, — подтвердил мужчина. — В свою очередь буду надеяться, что, когда Эмили станет легче, вы уедете обратно раньше, чем я вернусь в столицу.

У меня пропал дар речи, я просто замерла пораженная услышанным. Малкольм отказался от меня, но согласился помочь, не требуя ничего взамен. Что это? Проявление благородства или за этим поступком скрывается что-то иное?

— После той ночи в гостинице, слышать от вас подобное странно, — наконец отмерла я. — Да и я не привыкла, что в этом мире что-то бывает просто так. Люди редко помогают кому-то бескорыстно.

— Кто сказал, что моя помощь бескорыстна? — тихо произнес он.

На лице графа все же возникла улыбка, не та хищная, которая пугала меня до чертиков, а неожиданно добрая и приятная.

— Тогда что вы потребуете взамен? — спросила у него настороженно.

— Этот ужин. Составьте мне компанию, Роуз.

Я смутилась. Это было последнее, что я ожидала услышать.

— Но мне нужно домой, собирать вещи в дорогу...

— Успеете, — все так же тихо ответил Малкольм. — Мне ли не знать, что вы предпочитаете ночной образ жизни... А это долгие восемь часов для любых дел. Поэтому повторяю просьбу: вы согласитесь отужинать со мной, баронесса?

— Хорошо, — сдалась я.

Граф удовлетворенно кивнул и взмахом руки позвал официанта. Молодой человек вновь возник перед столиком, предлагая ознакомиться с меню. В некой настороженностью я раскрыла золотую папку и пробежала взглядом по списку блюд.

Баснословно дорого, даже за некоторые, казалось бы, обыденные блюда. Наверное, будь отец жив, и иди наши дела благополучнее, меня бы ни капли не смутили нули в ценниках, но

не сейчас. Я беспомощно подняла глаза на Эдриана, чтобы понять, какую еду будет себе заказывать он.

Но он, словно назло, молча указывал официанту в нужные пункты меню, а тот переписывал заказ в блокнот.

— И самое лучшее вино, которое есть. Красное сухое, — уже вслух закончил граф, наконец поднимая взгляд от папки и сталкиваясь с моим.

Я тут же опустила глаза обратно в меню.

— Розалинда, вы не против, если я помогу вам с выбором? — спросил он.

Для меня его слова прозвучали спасение.

— Да, конечно, — облегченно выдохнула я и чересчур ретиво захлопнула папку, чтобы отдать ее официанту. — Положусь на ваш вкус и мнение.

Эдриан ткнул ещё в несколько позиций меню, после чего вернул службе и свою папку.

— Что вы заказали? — спросила я.

— Пусть будет сюрприз.

На это я ничего не ответила, не объяснять же графу, что с определенного возраста перестала любить сюрпризы. Приятные закончились со смертью отца, а вот неприятных после этого было хоть отбавляй. Оставалось надеяться, что на этот раз с сюрпризом мне все же повезет, и кухня этого дорогущего заведения не устроит мне несварение желудка.

Через несколько минут к нашему столику подошёл седовласый сомелье. В его руках лежала бутылка красного вина, которое он тут же продемонстрировал Эдриану.

— Шато Лафит-Ротшильд, двадцатилетней выдержки, приятный терпкий вкус прекрасно подойдет под заказанное вами мясо.

Граф кивнул и позволил ему продолжить церемонию.

Сомелье зажёл на столике свечу, откупорил бутылку и наполнил первый бокал. Темно-бордовый напиток омыл прозрачный хрусталь, заманчиво переливаясь в свете отблесков огня. Мужчина аккуратно передал бокал Малкольму и принялся ожидать одобрения графа.

Придирчиво присмотревшись к цвету напитка, Эдриан немного пригубил вино и только после этого кивнул.

— Вино полностью раскроет свой вкус если его декантировать — порекомендовал седовласый и, после очередного одобрительного кивка, со всей церемонностью над свечой принялся переливать напиток из бутылки в декантер, специальный графин для отделения осадка.

Мой бокал наполнялся уже из декантера. Я медленно подняла хрусталь, поднесла напиток к лицу, втянула терпкий аромат и с наслаждением прикрыла глаза. Вином всегда пахли грехи сластолюбцев, так же пьяняще и будоражаще. Но сейчас я ощущала удовольствие иного характера, вкус и аромат напитка был не менее приятен, чем вкус чужих жизней.

— Вам нравится? — поинтересовался Малкольм, наблюдая за тем, как я пробую вино.

— Да, — честно призналась я. — К сожалению, я не знаток элитных напитков, но оно действительно прекрасно.

— Вкуснее чем те, что вы пробовали ранее?

— Пожалуй, да, — ответила после недолгих раздумий. — Вкуснее даже чем грехи некоторых маргинальных личностей.

— Это не может не обнадеживать, — с горькой усмешкой произнес граф.

Мне показалось, что за его словами стоит нечто большее, чем просто ответ

— Чем именно вас обнадеживает? — с настороженностью переспросила.

— То, что вы еще можете отличать настоящие вкусы и запахи от ароматов греха, — без лукавства ответил мужчина. — Пока вы видите грань, еще не все потеряно.

Я насторожилась.

— Почему? Что, вы имеете в виду?

— То, что вам всегда стоит контролировать себя и свой дар, Розалинда. Моя жена Ванесса — не всегда была безумна и кровожадна. К этому состоянию она шла много веков и тысяч лет, но началось все с того, что она стала путать запахи: настоящего и эфемерного. И ей становилось уже неважно кого убивать, настоящего мерзавца или того, кто работает в пекарне и просто пахнет свежей выпечкой.

Его слова заставили меня вспомнить недавнюю историю в аптеке. Ведь спутала же настоящего шоколатье с отъявленным подонком.

“Случайность, — убедила сама себя и заставила выбросить едкую мысль из головы. — Малкольм сам сказал, что я вижу грань, а значит все в порядке.”

— Спасибо, что предупредили, — отставила бокал в сторону. — Теперь буду внимательнее с запахами и постараюсь случайно не убить какого-нибудь повара или внезапно подвернувшегося на моем пути кондитера.

— Рад, что вы сохраняете оптимизм и можете шутить.

Нам принесли первые блюда. Перед графом поставили ароматный стейк из телятины, передо мной возникло мясо с вишней, выложенное на листьях салата.

— Очень вкусно, — сообщила я, прожевав первый кусочек. — Необычное сочетание.

— Рад, что вам нравится, — на лице графа возникла еще одна улыбка, которую он тут же с усилием задавил. — Простите, вероятно, моя радость сейчас все же не уместна.

Я отложила в сторону нож и вилку и серьезно произнесла:

— Признаться, я не понимаю вас, граф Малкольм. Вначале вы заявили, что мое нахождение рядом приносит вам дискомфорт, и вы надеетесь, что я исчезну из вашей жизни, как только отпадет необходимость в помощи, и тут же... спустя несколько минут, просите меня остаться с вами на ужин. А ее спустя минуту, начинаете мило улыбаться. Что с вами не так, граф?!

Я глядела прямо ему в глаза и ждала ответа. Он тоже отложил приборы в сторону и откинулся на спинку дивана. В его взгляде отражалось пламя свечи, придавая ему некую острую пронзительность.

— Наверное, я мазохист, — задумчиво протянул он. — Иначе, мне сложно объяснить, почему испытывая весь спектр Голода и Жажды, находясь рядом с вами, продолжаю находить крохи наслаждения в вашем присутствии. Мне действительно нравится ваша компания, баронесса, в ней мне удивительно спокойно.

Я нахмурилась.

— Если дело в том, что я похожа на вашу жену..., — начала я, но он тут же перебил.

— Напротив, вы не похожи, — качнулся он головой. — И дай бог, а может дьявол... чтобы никогда не стали на нее похожи. Я рад, что вы другая...

Он опять улыбнулся, отчего мне пришлось вновь отвести взгляд.

— Граф, я понимаю, что вы поступили благородно, предоставив помощь моей сестре и отказываясь от меня... но сейчас начинает казаться, что все это лишь далеко идущий план... по моему приучению. Все эти комплименты... ужин... правильные слова.

Я ожидала, что он начнет меня разубеждать, но он вновь кивнул.

— Наверное, вы правы, Роуз. Несмотря на все наши прежние перипетия, я продолжаю надеяться, что когда-нибудь вы станете ко мне благосклонны. Ведь учитывая, что впереди у нас целая вечность...

— Не факт, что впереди. Ванесса нашла выход из вынужденного бессмертия, — напомнила я ему.

— Ужасный выход, хочу напомнить вам, — Малкольм оторвался от спинки и перегнулся ко мне через стол. — Я бы хотел обезопасить вас от подобной участи, тем более, что вы ещё не до конца потеряны, пока дар полностью не поглотил вас.

Его лицо было ровно напротив моего, чересчур близко. Там, что я видела каждую черточку: острый нос, идеальные скулы, чуть припухшие губы...

В этот момент явился официант со сменой блюд, и Малкольм был вынужден отстраниться.

Я облегченно вздохнула, хотя только сейчас поняла, как сильно зашло в груди сердце от его столь неожиданной близости ко мне.

— И как же вы видите мое “спасение”? — спросила и усилием воли вернула контроль над собой.

Заставила себя вновь взять в руки нож и вилку, и как ни в чем ни бывало наколола помидорку из салата и поднесла ко рту.

— В жизни рядом со мной. Вам больше не нужно будет убивать, если я смогу дать вам все то, что необходимо. Женщины обычно хотят любви, и готовы ради нее на многое. Если вы полюбите меня, Роуз, по-настоящему искренне, согласитесь быть рядом, то порочный круг разорвется. Каждый из нас сможет просто жить без боли и голода.

Моя вилка все же замерла в воздухе от его слов. Ничего не скажешь, идеальный план. Во всем, кроме нескольких мелочей.

Я было набрала в лёгкие воздуха, чтобы разразиться тирадой, но повременила. Малкольм продолжал.

— Ванесса никогда меня не любила, мы просто существовали рядом, трахались, когда это было нужно... но она не любила... после и вовсе мы ненавидели друг друга. Это была моя и ее роковая ошибка, но я не намерен ее больше совершать.

— Решили влюбить меня в себя? — немного успокоившись с усмешкой поинтересовалась я него.

— Влюбить в себя невозможно, но я готов показать, что меня можно и есть за что любить. Я ведь не мировое зло, и тоже достоин этого чувства? А дальше на все ваша воля, баронесса. У нас может быть совместное будущее, — наконец закончил он.

Вот только у меня по-прежнему оставались вопросы.

— Ваши слова звучат так замечательно и идеально, что другая бы наверняка растаяла на моем месте... Вот только, граф, одно “но”. Вы ни слова не сказали о том, что сами готовы полюбить меня? Вы хотите добиться от меня “чувств”, давая взамен лишь иллюзию... Так вот, подобного не бывает. В отношениях не может любить кто-то один, а второй позволять себя любить. Ваши поступки благородны, граф, вот только движет ими в конечном итоге, желание утолить собственную Жажду, а не любить и быть любимым.

— Ошибаетесь с выводами, Роуз, — не смутившись, отозвался мужчина. — Над любыми чувствами нужно работать, тем более над взаимными. Я просто делаю первый шаг навстречу, и буду ждать ответного от вас. Пускай не сразу, пускай через сто лет. И кто знает, быть может через тысячу — мы оба вспомним об этом разговоре и посмеемся над ним.

Я все же отложила в сторону приборы, понимая, что аппетит если и был, то окончательно пропал. Малкольм оперировал слишком глобальными понятиями, слишком обширными промежутками времени, непостижимыми для меня. Возможно, он был прав, и я просто не понимала его замысла в силу недостаточности жизненного опыта. А может права была я, и ошибался именно Эдриан, попросту забывший, каково это быть обычным смертным и какие ценности важны в человеческой жизни.

— Пожалуй, мне пора, — решила я закончить наш ужин. — Спасибо, все было очень вкусно, но мне нужно домой.

— А как же десерт?

— Не в этот раз, — вставая из-за стола, откликнулась и тут же прикусила язык.

— Ловлю на слове, — граф покинул стол следом за мной. — Надеюсь, в наш следующий ужин, когда бы он не состоялся, вы все же дождетесь десерта.

Мысленно я поняла, что сама виновата и дала ему эту лазейку, но клясть себя было поздно. Да и в конце-то концов ничего страшного я графу не пообещала. Все же он мне по-прежнему помогал, и еще один ужин — это малая благодарность за его поступок.

— Я провожу вас, поймаю экипаж, — добавил он. — Не стоит гулять по городу и мерзнуть лишний раз.

— Благодарю, — отказываться было глупо. — В сколько завтра планируется отъезд?

Граф призадумался, что-то прикидывая, а после произнес:

— На рассвете, с первыми лучами солнца кэб подъедет к дому вашей матушки. Ранний выезд позволит нам добраться до столицы уже к обеду. Возможно, мы даже успеем показать вашу сестру некоторым врачам.

Я кивнула.

Уже стоя на улице, перед тем как сесть в экипаж, запоздало вспомнила.

— Малкольм, — окликнула я его. — У меня к вам еще одна просьба.

Он вопросительно вскинул бровь, ожидая, что я сообщу.

— Я буду вынуждена лгать матери и о том, что деньги на лечение мне одолжил Лонтье. Она не должна ничего знать о нашем давнем знакомстве, иначе это вызовет слишком много ненужных вопросов. Для моей семьи вы будете просто клиентом Мишеля, который едет в столицу и любезно согласился помочь нам с переездом.

Граф понимающе кивнул.

— Разумеется. Я ведь не полный идиот, чтобы не понимать некоторые сложности и конспирацию с которой вы живете в последние семь лет.

— Еще раз спасибо, — поблагодарила я и закрыла за собой дверцу кэба.

До дома я доехала достаточно быстро — резвая лошадь аллюром домчала мне до родной улицы. Распрощавшись с возницей, с которым заранее расплатился Эдриан, я поспешила к матери и сестрам.

Впереди меня ждал долгий разговор с объяснениями и изложением плана на ближайшее будущее.

— Я теперь буду бояться смотреть Мишелю в глаза, — причитала матушка. — Такие огромные суммы в долг, более того, он даже свел тебя с господином, который поможет с поездкой. Не знаю, как и благодарить нашего художника.

— Он сказал, что не стоит лишних благодарностей, — соврала я. — Сейчас вместо лишнего слов и стенаний лучше приступить к сбору вещей. Отъезд рано утром.

— И все же я опасаюсь, — не унималась мама, — Ты раньше никогда не была в столице

без меня.

Как назло, ей начала вторить Бриттани.

— Я тоже, Роуз, — испуганно произнесла она почти шепотом, будто боялась, что нас подслушает кто-то неизвестный. — Ты одна в огромном городе, с больной сестрой и с такой большой суммой денег. А если этот господин, как его Малкольм, не столь благороден, как заверил Лонтье, и воспользуется ситуацией и твоей беспомощностью прямо в дороге?

— Мишель рекомендовал графа, как весьма честного человека. Они знакомы уже не один год, — почти грудью встала я на защиту Эдриана, понимая, что из-за своей лжи все глубже и глубже погружаю в пучине вранья. — Думаю, все будет в порядке.

— И все же на сердце не спокойно, — вздохнула мама. — Раньше мне казалось, я знаю почти все благородные дома и фамилии столицы, но об этом Эдриане Малкольме слышу впервые.

Я закатила глаза.

Не было ничего удивительного в том, что матушка его не знала. Наверняка, с каждой новой жизнью мой знакомый менял имена и места жительства, как перчатки.

— В любом случае у нас просто нет выбора. Эмили нужны доктора и соответствующее лечение, как можно скорее. Поэтому не стоит предаваться ничем не обоснованной паранойе. Лучше отправимся собирать вещи.

Наконец моим словам вняли, сестра и мать принялись за сборы Эмили, я же сменила их на посту и наблюдала за спящей малышкой. Она мерно дышала, забывшись беспокойным сном под действием многочисленных лекарств.

Я сменила ей очередной, наверное, сотый по счету компресс, присела рядом и впервые пожалела, что в мои способности не входит талант делиться энергией с другими. Как бы было просто, умей я передать Эми частичку жизненной силы. Ей бы наверняка хватило этого для выздоровления...

Словно в укор мне, она зашлась в безумном приступе кашля. Не просыпаясь, пыталась продышаться, хрипела и отхаркивалась кровью на белый пододеяльник.

— Лишь бы не чахотка, — взмолилась я вслух.

Надежду, что с диагнозом я ошибаюсь, мне придавало лишь то, что уж слишком быстро и остро развивалась болезнь, а туберкулез, напротив, убивал медленно. Да, и поставил бы доктор Доринктон этот диагноз, уж слишком часто в последнее время он начал встречаться в портовых городишках, подобных нашему.

Через два часа в комнату пришла Бри, она отпустила меня собирать свои вещи в дорогу.

Чемодан я складывала, пребывая в глубокой задумчивости. Сколько брать с собой вещей не представляла, ведь неизвестно насколько может затянуться пребывание в столице. Да и впервые в жизни я выезжала из города, будучи на правах главы, принимающей решения.

В итоге взяла три комплекта белья, два сменных черных платья, и одно на случай — если решусь выйти в город на охоту, предварительно сменив внешность. Еще одну пару обуви, на случай слякоти, гребень, зеркало и гигиенические принадлежности. Упаковав все это тщательным образом, поняла, что мой багаж удивительно мал и скромн для поездки, дат окончания которой пока даже не видно.

Когда все сборы были окончены, до рассвета оставалось три часа, мать настояла на том, чтобы я потратила это время на сон и почти силком отправила меня спать. Я пыталась отказаться, но глава семьи Клейтон была неумолима.

— Не геройствуй, Розалинда, любая дорога всегда утомительна. Так что даже малые

силы не будут для тебя лишними, — напутствовала она, провожая к комнате.

И я сдалась, а едва моя голова коснулась подушки, сон тут же укрыл своими объятиями.

Будила меня Бриттани:

— Вставай, — тормошила она. — Скоро подъедет экипаж.

Я рывком поднялась с кровати. Сон еще пытался притянуть мое тело обратно к мягкой постели, но времени нежиться не было. Быстро одевшись и приведя себя в мало-мальский порядок, я спустилась вниз.

Мой чемодан уже стоял в холле среди трех других, в которых было все необходимое для Эмили. Сама малышка, одетая в теплое пальто и укутанная в несколько одеял, сидела на диване в гостиной.

Сейчас был тот редкий период бодрствования, когда жар и лихорадка еще не полностью поглотили ее, а беспмятство и слабость немного отступали. Она просто сидела, смотрела по сторонам, а мать поила ее бульоном.

Эмили немного приподняла руку, приветствуя меня, я же выжала из себя ободряющую улыбку.

Где потерялась та цветущая девчушка с звонким смехом и фарфоровой кожей? Куда исчезла моя веселая Эмили?

Вместо нее сейчас на меня смотрела тусклая и болезненная, угасающая тень прежней себя.

— Экипаж еще не подъехал? — обратилась к матери, на что та покачала головой.

— Нет. Кстати, Роуз. У меня отличные новости.

— Слушаю, — я действительно надеялась, что ей есть чем меня порадовать. Должно же случиться, что-то хорошее в этой жизни.

— Пока ты спала, мне пришла замечательная идея, с кем можно отправить вас в столицу. Не доверяю я неизвестному графу Малкольму. Я уже даже договорилась.

Мое сердце беспокойно екнуло.

Только не это. Только не то, о чем я подумала.

— Для этого мне пришлось разбудить наших квартирантов. Ведь детектив Лорн сам сказал, что мы можем обращаться к нему за помощью, и я была вынуждена это сделать.

— Что ты сделала, мама?! — неверяще переспросила я, не узнав при этом свой срывающийся голос.

— Ричард готов пожертвовать своими выходными и сопровождать вас в столицу. Я уверена, что место в экипаже знатного человека для него найдется. Если же нет, то наверняка, этот граф имеет на уме какие-то дурные мыслишки! А честным людям от полиции скрывать нечего!

О, да! Разумеется! Так наверняка и было, если б я изначально столько не наврала матери...Теперь же выходило, мне придется или врать Лорну, или говорить ему часть правды.

Я и так ломала голову, что сказать самой Эмили и как оправдать нашу жизнь не в гостинице, а у графа дома. Но с сестренкой я надеялась договориться, придумать еще что-то, другую легенду или очередной кусок правды.

Но вот Лорн в данный момент в мои планы абсолютно не входил. Мысленно я пыталась

найти способы, отговорить маман от услуг детектива, но как назло в голову не приходило ни одной здоровой мысли.

В этот момент в двери постучали, а я вздрогнула от этого звука.

Бри кинулась открывать.

На пороге стоял Лорн, с видом удивительно цветущим и бодрым, будто не он вовсе встал в пять утра.

— Доброе утро, дамы, — приветствовал он. — Пришел сообщить, что я готов сопровождать Розалинду и Эмили.

У ног мужчины стоял небольшой саквояж, ещё более скромный по размеру, чем мой небольшой багаж. Хотя, чему я удивлялась? Лорн в отличии от меня в столицу собирался только на выходные.

Я выдавила из себя дежурную улыбку, а сама подошла к матери, и как можно тише прошептала:

— Мне кажется, мы злоупотребляем добротой графа Малкольма. Что, если он все же откажет в присутствии детектива? Лично я бы так и поступила, особенно если пойму, что мне не доверяют. Это выглядит оскорблением для благородного человека.

Но родительницу мои слова ни капли не смутили:

— Роуз, твоя маменька не вчера родилась и все придумала, — в ее глазах сверкнула неуместная ситуации хитринка. — На твоём месте я бы, напротив, радовалась, что поеду в компании такого мужчины, как детектив Лорн.

— Как хорошо, что ты не на моем месте, — не удержавшись, процедила я и отступила от нее на шаг.

Убеждать ее в чем-то сейчас было бесполезно, а вот Ричард уже прищуренно косится в мою сторону.

Видимо, мне придется смириться с тем, что ожидает меня незабываемая поездка.

— Экипаж прибыл! — возвестила стоящая у окна Бри. — Пора.

Началась суета.

Мама подскочила с места и принялась бегать между Эмили и ее чемоданами. Вначале она решила, что нужно помочь сестре сесть в карету, затем передумала и схватилась за вещи, которые всенепременно нужно погрузить первым делом.

— Пойду, поприветствую графа, — с этими словами я вышмыгнула за дверь, чтобы хоть как-то предупредить Малкольма.

Мне вслед тут же раздалось матушкино:

— Ты права, Роуз, — и за мной увязалась целая делегация.

Поправ все правила приличия, по садовой дорожке до ворот я спешила первой, не пропуская мать вперёд, но уже у калитки она меня догнала и обогнала. Все, что я сумела сделать, это показать, стоящему у кареты Малкольму, страшные глаза и прошептать одними губами:

— План пошел к чертям.

Я была абсолютно не уверена, что он меня понял, поскольку в отличии от моего, выражение его лица не изменилось ни на толику. Он выглядел расслабленно и отстраненно, даже скучающе, лишь когда матушка толкнула меня локтем в бок и прошипела: “Представь нас”, я уловила на его губах мимолетную усмешку.

— Граф Малкольм, баронесса Клейтон — моя мать, — выполнила я официальную процедуру, и уже на правах наблюдателя осталась смотреть за происходящей катастрофой.

Вначале мать рассыпалась благодарностями за помощь нашей семье. Она говорила-говорила-говорила, так много, что мученическое выражение начало проступать не только у меня, но и у Эдриана.

— У нас к вам ещё одна маленькая просьба, граф, — в завершении произнесла она.

— Что угодно, мэм.

— Нам очень неловко вас об этом просить, но вероятно мистер Лонтье, когда говорил вам, что необходимо отвезти в столицу Розалинду и мою вторую дочь Эмили, был не в курсе всех обстоятельств, однако... — она сделала многозначительную паузу, в момент которой, к воротам весьма “вовремя” подошёл Лорн. — Не так давно у Роуз состоялась помолвка, и теперь ее жених — мистер Лорн...

Дальше мать договорить все же не сумела, потому что я едва сдержала свой возмущенный выкрик, сумев его перевести в приступ кашля.

Какой кошмар! Вот он гениальный план моей матушки, выдать детектива за моего жениха, и давить на правила приличия перед графом. Одно дело, когда вдова путешествует в одиночку с посторонним мужчиной и совершенно другое — чужая невеста!

— Дорогая, ты что, заболела? — чересчур приторно и заботливо поинтересовался у меня Лорн, на лице которого цвела улыбка.

Нет не так, улыбище.

“Спелись!” — поняла я, гневно зыря в сторону матери. Эти двое явно заранее договорились обо всем, вот только меня предупредить забыли. Точнее и не собирались.

— Я подавилась, — гневно процедила я, понимая, что возмущаться сейчас равносильно прилюдному позору матери. Старая лиса все посчитала.

Вот и Малкольм смотрел на меня изменившимся взглядом:

— Да, Мишель ничего не говорил о новом статусе баронессы Клайвшот, — в его голосе неуловимо проступили морозные нотки.

— Он просто не был в курсе, — прошептала мать. — Помолвка состоялась совсем недавно. Давайте, я представлю вас жениху, мистер Малкольм.

А дальше произошло то, чего и представить не могла. Память запоздало подкинула воспоминания о том, что Ричард однажды уже видел Эдриана. В тот самый момент, когда мы целовались у моего дома.

И пока мать рассыпалась в официальных представлениях, на лице Лорна сменился весь спектр эмоций. Вначале исчезло чересчур довольное выражение с нахального лица, его сменило узнавание Малкольма, затем косой взгляд в мою сторону, и уже во время рукопожатия Ричард улыбку из себя выдавливал, собственно, как и Эдриан.

Эти двое сверлили взглядом друг друга, я же с опаской следила, чтобы Малкольм в порыве эмоций не раздробил Лорну кости при рукопожатии, как тогда на маскараде бедняге-боцману.

Детективу хватило ума не выдать меня перед матерью прямо здесь, Эдриан же красноречиво смотрел мне в глаза, показывая, что ждёт объяснений позже.

— Мы можем погрузить вещи, граф? — непринужденно поинтересовалась мать.

— Разумеется, — холод с его голосе обжег.

— Вот и славненько, — всплеснула руками родительница. — Розалинда, мистер Лорн, давайте вернёмся в гостиную и завершим сборы.

— С радостью, — выдавила из себя я и круто развернувшись на каблуках поспешила к дому.

Мне хотелось попасть туда первой, хотя бы затем, чтобы узнать у Бри, была ли она в курсе затеи матери, и почему не сообщила мне. Но уже через несколько метров меня догнал детектив и, беспардонно подхватив под локоток, поинтересовался:

— Вы собрались ехать в столицу с любовником? — прошептал он так тихо, чтобы идущая за нами мать не слышала.

— Отпустите мою руку, — змеёй шипела я, не спеша отвечать на его вопрос.

— Даже не собираюсь. На правах вашего жениха, имею полное право.

— Вы не мой жених! — попыталась его стряхнуть, но он словно клещ вцепился.

— А я смотрю, вы с матушкой спелись. Надеюсь, в дальнейшем я не проснусь, внезапно оказавшись вашей женой.

— Было бы забавно, — на его лице возникло озорное выражение. — Но, когда ваша матушка попросила о помощи я не смог отказать женщине, переживающей за собственных дочерей.

— Не обязательно было выдавать себя за моего жениха.

— Это было самым простым решением. Однако, ваша мать ведь явно не в курсе, что вы и граф давно знаете друг друга! — озвучил очевидное Лорн. — Об этом не знал и я, когда соглашался помочь.

— Так откажитесь теперь! — почти взмолилась, решая выложить перед детективом часть правды, иначе не отстал бы. — Опасения моей матери беспочвенны. Мне ничего не угрожает. Малкольм обещал помочь не только с дорогой, но и с жильем и взятием расходов на лечение Эмили. Так что ваше присутствие и контроль будут лишними!

— Простите, но не могу, — тут же отказал Лорн. — Не собираюсь прослать перед вашей матерью пустобрехом. Я обещал ей сопровождать вас в столицу, значит так и будет.

В этот момент мы все же дошли до дома, и едва переступили порог, я разразилась громкой тирадой в адрес матери:

— Вы могли бы предупредить меня об этом гениальном плане! — закончила я, ни капли не смущаясь присутствия при ссоре Лорна.

В конце концов, если заявил, что мой жених, то пусть привыкает к “семейным реалиям”.

— Ты бы не согласилась и все испортила, — на лице матери ни дрогнул ни мускул. Она всю мою гневную речь выслушала спокойно и размеренно. — Зато теперь мое сердце будет спокойно за тебя и Эмили.

Я возвела глаза к потолку, сказать хотелось многое, но понимала — бесполезно. Мать провернула со мной хитрейшую аферу, рассчитав все до мелочей, знала, что не стану ее позорить и прилюдно возражать. Даже дома полноценную истерику ей не закачу, у меня просто не будет на это времени.

— Розалинда, прекрати. Вы и так опаздываете, — командно заявила она, будто точку поставила. — Бери вещи и иди к экипажу, я следом выйду с Эмили и помогу ей сесть.

Мой маленький бунт был подавлен.

Поджав губы, я подхватила чемодан и демонстративно вышла на улицу. Следом за мной поспешил Лорн.

— Позвольте, я помогу донести, — попытался он забрать мою ношу, но я не отдала.

— Лучше возьмите вещи Эмили. Там целых три саквояжа, — с нескрываемой ехидцей намекнула мужчине, что мне его помощь абсолютно не нужна.

Не то чтобы я пыталась им помыкать, но моя раздражённость внутри выливалась

скверным поведением снаружи. Я напрочь забыла о некоторых правилах приличия. Все чего мне хотелось, это оказаться хоть на мгновение подальше от детектива и объяснить Малкольму, что я его не обманывала, прося помощи.

Сама того не ведая, мать заставила меня чувствовать себя виноватой перед графом.

Конечно, я была не обязана оправдываться, вот только, граф помогал, рассчитывая на определенную благосклонность с моей стороны, а выходило, что я решила этим воспользоваться и расчетливо обманула все его ожидания, будучи уже помолвленной.

Садовую дорожку миновала быстрым шагом, почти добежала до экипажа, и остановилась, в нерешительности замерев в метре от Малкольма. Он как раз разговаривал с кучером о маршруте, и делал вид, будто меня пока не замечает.

— Что-то забыли мне сообщить, баронесса? — обманчиво мягко поинтересовался он, закончив с возницей. — Могу я ещё чем-то помочь вам?

— Лорн не мой жених, — выпалила и тут же добавила. — У меня вообще нет жениха!

— Надо же, весьма любопытно. А ваша мать считает иначе.

— Она считает не верно, — я заприметила спешащих к воротам матушку с сестрой и Лорна, и заговорила быстрее. — Просто она хотела, как лучше... я потом все объясню, обещаю.

Проследив за моим взглядом, Эдриан кивнул:

— Буду с нетерпением ждать этого момента, — тихо, в тон мне, отозвался он, и тут же более громко добавил, так чтобы подошедшие слышали. — Баронесса, вы позволите помочь вам с багажом?

— Благодарю, ваше сиятельство, — как можно манернее сказала я и демонстративно присела в книксене. — Вы очень добры.

Малкольм легко подхватил мой скромный чемоданчик и закинул его на крышу повозки. Лицо Лорна в этот момент было бесценно.

Смесь досады и раздражения, а у меня в душе от этого значительно потеплело. Слабая, но все же месть.

В течение следующих двадцати минут с погрузкой вещей было закончено, а я и Эмили разместились в экипаже. Ее опять начинало клонить в сон, но ведомая любопытством сестрица все еще пыталась заставить себя не спать — ей хотелось взглянуть на дорогу до столицы.

Напротив расположился Малкольм, Лорну, как не учтенному изначально пассажиру, пришлось сесть рядом с ним. Хотя что-то мне подсказывало, эти двое друг другу не нравились, и с удовольствием оказались бы как можно дальше друг от друга.

Карета двинулась.

Вначале ехали тихо, разговоров никто заводить не спешил, да и обстановка, несмотря на морозный декабрьский воздух, казалась накаленной. Молчание нарушила Эми:

— Детектив Лорн, а это правда, что вы и Роуз поженитесь?

Я округлила глаза. Прекрасное начало, именно этой темы мне и не хватало....

Конец первой части.

Больше книг на сайте - Knigolub.net